

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

имени М.В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Нин Шилэй

ОЧЕРКИ А.П. ЧЕХОВА

«ИЗ СИБИРИ» И «ОСТРОВ САХАЛИН»

В АСПЕКТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ

Специальность 5. 9. 1. Русская литература и литературы народов
Российской Федерации

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Научный руководитель:
кандидат филологических наук,
доцент Р.Б. Ахметшин

Москва – 2025

Оглавление

Введение	3
Глава I. Становление путевой очеркистики Чехова	18
1.1 Социальное и медицинское в русской публицистике	18
1.2 Медицинское начало в формировании А.П. Чехова-публициста.....	29
1.3 Медицинский дискурс в художественной прозе А.П. Чехова	41
Глава II. Осмысление социально-медицинских вопросов в публицистике А.П. Чехова	66
2.1 История исследования Сибири и Сахалина в творческом сознании Чехова.	81
2.2 Женский и детский вопросы в публицистике А.П. Чехова	86
2.3 Осмысление проблемы труда в публицистике А.П. Чехова	105
2.4 Алкоголизм как тема чеховской прозы	127
Глава III. Человек на каторге и поселении в очерках «Из Сибири» и «Острове Сахалин»	135
3.1 «Из Сибири» и «Остров Сахалин» как отражение недугов человека	135
3.2 Сахалинская каторга в публицистике А.П. Чехова	143
3.3 Осмысление положения человека в сибирско-сахалинской публицистике А.П. Чехова	155
Заключение.....	171
Список литературы.....	178

Введение

Опыт А.П. Чехова – публициста, представляемый обыкновенно двумя книгами его очерков «Из Сибири» и «Остров Сахалин», нуждается в полноценном осмыслении. Это осмысление, с одной стороны, требует включения названных очерков в довольно длинный ряд документальных произведений писателя, а с другой стороны, нуждается в социально-медицинском истолковании, поскольку профессиональное, опирающееся на медицинскую научную картину мира, отношение к общественным вопросам всегда было важно для Чехова. Относительно древняя традиция деления наук на естественные и гуманитарные позволяет рассматривать чеховскую биографию и сюжеты творческой эволюции писателя в драматическом ключе.

Медицина базируется на синтезе естественных наук, а литература тяготеет к гуманитарному знанию. Медицина и литература играют важную роль в улучшении и оздоровлении жизни людей и неизбежно сближаются в понимании социального прогресса и человеческой цивилизации. Они видят свое предназначение в том, чтобы предотвратить болезнь и боль, которые испытывает человек, поддержать его физическое и душевное здоровье. Так или иначе литература и медицина взаимосвязаны, отражают стороны жизни человека, ее status quo, воплощают актуальную картину мира.

Неслучайно некоторые писатели имели медицинское образование, в том числе В.И. Даль, А.П. Чехов, В.В. Вересаев, М.А. Булгаков, Лу Синь, Юнечи Ватанабе, С. Моэм и др. Они имели уникальный медицинский опыт, что в дальнейшем, несомненно, оказало большое влияние на их литературное творчество. Однако среди этих писателей-врачей Чехов является совершенно особым, это не только потому, что он всю жизнь работал врачом и писателем, но и потому, что он прекрасно сочетал в себе две интерес к медицине и страсть к

литературе, это углубляет многоаспектность его изучения человеческой жизни. Медицинские термины и эпизоды часто появляются в его произведениях. Медицинское образование даёт ему глубокое понимание психологии людей, мотивов их поведения, что отражается в персонажах и сюжетах его произведений. Таким образом, медицинское начало в литературных текстах различного характера гораздо значительнее, чем можно предположить на первый взгляд.

Чехов был прекрасным врачом. Он поступил на медицинский факультет Московского университета в год своего литературного дебюта, но литературным творчеством он начал всерьез заниматься несколькими годами ранее. Так что изучение медицины обогатило его понимание личности и социума.

Чехов, как врач и писатель, никогда не разделял естественно-научное и литературное творчество, хотя для него и существовали, конечно, чисто профессиональные цели и интересы, так же как и вопросы относительно чистой литературной (художественной) эстетики. Так, например, свою пьесу «Леший», доделывавшуюся еще в апреле 1890 года, когда был решен вопрос о дате отъезда на Сахалин, писатель рассматривал как неоднозначное произведение: «Если бы пьеса имела литературное значение, то и на том спасибо» (П. III, 41)¹. Вспомним также, что один из ростовских критиков свел значение более ранней пьесы, «Иванов», к ряду «картинок» – «отрывков из медицинской книги» (С. XII, 345).

Сам Чехов говорил, что медицина – это его "законная жена", а литература – "любовница". Мы могли бы сказать, что профессия врача и медицинский опыт развили его художественный инструментарий до невероятных пределов тонкости, обеспечили особую перспективу его литературному творчеству. Об этом достаточно ёмко говорится в мемуарах известного русского доктора, основателя первой отечественной клиники нервных болезней, Г.И. Россолимо, однокашника Чехова. Отвечая на вопросы товарища, Чехов составил автобиографию, в которой

¹ Все цитаты из текстов и писем Чехова приводятся по Полному собранию сочинений и писем А.П. Чехова (М.: Наука, 1974-1988) с указанием серии (П. – Письма или С. – Сочинения), номера тома и страниц в скобках.

писал, в частности, о том, какими стали результаты медицинских штудий в перспективе литературной аксиологии. Как бы сожалел о том, что понять ценность специальных знаний для него сможет только доктор, Чехов признавался, что всегда стремился соотносить медицинскую, «точную», правду с требованиями художественной истинности, а где это было невозможно, «предпочитал не писать вовсе»¹.

В многочисленных произведениях Чехова мы видим, что он всегда сталкивался с объектом своего творчества с двойной точки зрения врача и писателя. Рассматривая личность как бы физиологически, а не только психологически, духовно, Чехов воссоздает её многогранный облик, анализирует слабости человека и их социальные причины. Например, он фокусируется на уязвимых группах населения, включая женщин и детей. Как говорит швейцарский психиатр Э. Блейлер: «Задачей психики, как и рефлекторного механизма, является: принимать внешние раздражения и реагировать на них способом полезным индивидууму или роду»². Так в современной медицине появилось такое направление, как «медицина тела и разума» и «социальная медицина».

В 1883 году Чехов писал А.И. Хрущову-Сокольникову, что медицина его «идёт crescendo. Умею врачевать и не верю себе, что умею...» (П. I, 51-52). Это в некоторой степени показывает, что врачебное дело для молодого Чехова становится всё более важным. Таким образом, к моменту окончания учебы в университете он переходит от изучения болезни к наблюдениям за социальной ситуацией с медицинской точки зрения. Этому способствовало и приглашение Н.А. Лейкина вести рубрику для «Осколков», так что с начала июля 1883 г. по октябрь 1885 г. Чехов рассматривает недостатки общественной, частной жизни человека, быта Москвы, подводя итоги своих исследований в «Осколках московской жизни». В этих фельетонах он высказал свои взгляды на

¹ А.П. Чехов в воспоминаниях современников / Сост., подгот. текста и коммент. Н.И. Гитович; Вступ. ст. А.М. Туркова. М.: Худож. лит., 1986. С. 664-665.

² Блейлер Э. Руководство по психиатрии. Берлин: Изд-во т-ва «Врачъ», 1920. С. 1.

медицинскую этику и общественные вопросы тогдашней России. За три года работы Чеховым было написано 50 фельетонов-обзоров, которые позволяют нам раскрыть концепцию «медицинского творчества», осознать, как медицинская мысль Чехова укоренялась в его творческом сознании. Эти очерки по-своему вели к созданию книги «Остров Сахалин», которой суждено было возникнуть некоторое время спустя. Эта книга как отражение недугов человека и социума занимает важнейшее место в рамках данного исследования. «Глубоко ошибочен взгляд на "Сахалин" как на лишний балласт, который пришлось в течение нескольких лет тащить Чехову на своем пути беллетриста...»¹.

О чеховском путешествии на Сахалин часто пишут как о подвиге, но и дальнейший труд писателя является подвижничеством: «не меньшим подвигом стала книга "Остров Сахалин". И смелость художника здесь видна, как мне кажется, прежде всего в способе повествования, в тональности книги...»². Тут стоит добавить, что именно неудовлетворенность собой, неверие в свой успех сподвигли Чехова на поиск без всякой надежды на результат.

А.П. Чехов начал своё путешествие 11 июля 1890 года и провел на острове три месяца, в течение которых проделал большую работу: посещение населённых пунктов, опрос населения, беседы с каторжными и ссыльными изнуряли его не меньше, чем общение с некоторыми чиновниками. В процессе путешествия писатель написал много заметок, интервью, писал письма, написал для газеты «Новое время» серию путевых очерков «Из Сибири», которые отправлялись «в Россию» из Томска, Иркутска, Благовещенска и в том же году, с июня по август, были опубликованы в газете «Новое время». За месяц до отъезда Чехов сообщал Н.М. Линтваревой о своих планах: «...пришлю Вам книгу тотчас же по выходе ее в свет; она будет скучна, специальна, состоять будет из одних только цифр, но позвольте рассчитывать на Вашу снисходительность: читая ее, Вы будете

¹ Роскин А.И. А.П. Чехов: статьи и очерки. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1959. С. 226.

² Катаев В.Б. Чехов плюс...: Предшественники, современники, преемники. М.: Языки славян. культуры, 2004. С. 65.

удерживать зевоту...» (П. IV, 29). Итак, эту книгу часто рассматривают как текст по медицинской антропологии, но на самом деле это одна из самых значительных публицистических работ XIX века. А публицистика является огромным полем, объединяющим многие широкие сферы, и медицина и литература только две из них.

На решение задач освоения вопросов социального быта в стремлении постичь аспекты бытия, в первую очередь, нацелена «карточная система» (П. IV, 134) Чехова – модель, созданная им для переписи ссыльнокаторжного населения Сахалина. Ее основы были заложены на медицинском факультете Московского университета. Эта модель пережила глубокую метаморфозу в сознании Чехова-студента потому, с одной стороны, что художественное (в т.ч. сюжетное) начало в его творческой деятельности всегда доминировало, именно этим следует объяснять неудачу с замыслом «Врачебного дела в России». С другой стороны, методы молодого писателя сложились под влиянием сибирско-сахалинской темы во 2-й половине 1880-х – начале 1890-х гг., чтения книг и статей тех, кто считается предшественником писателя в освоении им сахалинского материала (С. XIV-XV, 887-898). Это работы по истории исследования и географии Сахалина, экономике каторги, юриспруденции и теории наказания, этнографические исследования¹ и мн. др., которые Чехов осваивал и со многими из этих авторов полемизировал.

Соотношение повествовательного «Я» чудака-путешественника в публицистике («Из Сибири», «Остров Сахалин», С. XIV-XV, 785) с безапелляционным «Мы» в эпистолярном жанре (письма Чехова) позволяет понять не только полемический характер изображения Сахалина, но и специфику

¹ Так, например, на Сахалин Чехов привез несколько книг (Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. СПб., 1889; Янсон Ю.Я. Теория статистики. СПб., 1886) и увлек высказанными в них идеями местных чиновников. Чехов, видимо, передал Д.А. Булгаревичу известное «Письмо к Александру III» М.К. Цебриковой и рассказывал ему о А.Ф. Кистяковском, чем вызвал просьбу прислать на Сахалин книги известного юриста (см. об этом: Антон Павлович Чехов: Сб.ст. / Под ред. М.В. Теплинского. Южно-Сахалинск, 1959. С. 192-196, а также НИОР РГБ. Ф. 331 (А.П. Чехов), к. 37, е.х. 53, л. 7 – при публикации этого письма допущены ошибки). Д.А. Булгаревич не смог вернуть Чехову книгу Фойницкого, т.к. ее забрал себе начальник сахалинской каторги генерал В.О. Кононович, предложивший выплатить Чехову стоимость книги.

поэтики очерков. Наше исследование предполагает рассмотрение публицистики Чехова через призму актуальных общественных проблем, которые осознавались писателем прежде всего в медицинском ключе (положение женщин, детей, алкоголизм и пр.).

Актуальность диссертационного исследования определяется необходимостью осмыслить становление картины мира Чехова-прозаика начиная с его работы над «Осколками московской жизни» (1883-1885) до завершения книги «Остров Сахалин» (1893-1895), а также проанализировать характер изображения социальных явлений в очерках. Актуальность определяется и ценностью междисциплинарных исследований, интересом к взаимодействию литературы и истории, художественной и документальной прозы классика.

Медицина далека от запросов и потребностей литературы и не является предметом истории литературы. Но душевное здоровье личности и социальные аспекты медицины представляют общее поле эстетики данных сфер. Поэтому взаимосвязь между литературой и медициной как научной дисциплиной, как специальной документальной прозой вызывает всё больший интерес¹. Таким образом, мы видим, что поэтика чеховского очерка с точки зрения социально-медицинских аспектов, и то русло, в котором формировалась идеология писателя, изучены недостаточно. Попытки проанализировать публицистику Чехова с данной точки зрения носят довольно разрозненный характер.

Научная новизна диссертации заключается в том, что в ней впервые предпринята попытка проанализировать сибирские и сахалинские тексты Чехова сквозь призму взаимосвязанных и рассматриваемых в синтезе социальных аспектов, таких как проблемы труда, алкоголизма, женского и детского вопросов, темы губительности каторги, что восходит к художественному изучению мира страдающего человека, которому Чехов посвятил свою жизнь. В интересах нашего исследования не только задействован инструментарий

¹ См.: *Николози Р.* Вырождение: литература и психиатрия в русской культуре конца XIX века. М.: НЛО, 2019.

литературоведческого анализа, но применён и междисциплинарный подход. Чеховское исследование болезни и болезненности посредством их художественного осмысления в очерках создает возможности для изображения индивидуальной и социальной уязвимости личности в его поздней прозе.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что в исследовании намечены этапы становления и развития очерка в творчестве А.П. Чехова, определено значение медицинских и научных идей в поэтике чеховского очерка, дополняется существующее представление об источниках в работе Чехова над сахалинской книгой.

Практическая значимость работы определяется возможностью применения результатов исследования публицистики XIX – начала XX вв. в рамках курсов по истории русской литературы. Полученные данные могут быть использованы в образовательном процессе на гуманитарных факультетах высших учебных заведений при построении спецкурсов и спецсеминаров, посвященных истории русской литературы, чеховской прозе, а также рецепции русской литературы и др., в научно-исследовательской работе.

Достоверность и обоснованность результатов исследования обеспечивается системным подходом к анализу целого ряда текстов А.П. Чехова, его предшественников и современников, использованием различных методов, применяемых при изучении истории литературы.

Апробация работы: Основные положения диссертационного исследования отражение в 4 статьях, опубликованных в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ и Учёным советом МГУ имени М.В. Ломоносова:

1) Нин Шилэй. Детские вопросы в произведениях А.П. Чехова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия Гуманитарные науки. М.: Издательство Общество с ограниченной ответственностью Научные технологии. 2023, № 8-2, С. 165-168.

2) Нин Шилэй. Женский вопрос в произведениях А.П. Чехова // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. Ижевск: издательство

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Удмуртский государственный университет. 2023. Т. 33, № 6. С. 1428-1432.

3) Нин Шилэй. Феномен смерти в русской и китайской литературе // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. Тверь: издательство Твер. гос. ун-та. 2024. № 1 (80). С. 44-54.

4) Нин Шилэй. Перевернутый мир психически больных пациентов в изображении русских и китайских писателей-врачей (на материале произведений А.П. Чехова и Лу Синя) // Отечественная филология. М.: издательство МГОУ. 2024. № 2. С. 94-102.

В других научных изданиях:

5) Нин Шилэй. Медицинский и колониальный дискурсы в книге А.П. Чехова «Остров Сахалин» // Мир русскоговорящих стран. 2021. Т. 2. № 8. С. 118-132.

Результаты и основные положения данного диссертационного исследования докладывались на 4 научных конференциях: 1) XXX Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов 2023» (Москва, Россия, 10 апреля 2023), 2) VII Международная научно-практическая конференция «Китайская цивилизация в диалоге культур» (Москва, 20 февраля 2024), 3) Текст и контекст: классика в зеркале современности (Москва, 19 октября 2022) 4) XXXI Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов 2024» (Москва, Россия, 12 апреля 2024)

Объектом исследования является публицистическое творчество А.П. Чехова; выбраны его очерки «Осколки московской жизни», текст набросков ненаписанной диссертации «Врачебное дело в России», а также очерки «Из Сибири» и «Остров Сахалин». **Предметом** исследования являются поэтические особенности чеховского очерка, которые складывались в течение 10 лет творческой деятельности писателя. **Материалом** исследования в диссертационном сочинении прежде всего, является полное собрание сочинений и писем А.П. Чехова в 30-ти

томах, а также работы предшественников Чехова (С. XIV-XV, 887-891) в его сибирско-сахалинском труде, письма Чехова и воспоминания о нем.

Целью исследования является анализ сибирско-сахалинских очерков Чехова «Из Сибири» и «Остров Сахалин» в биографическом и социальном контексте.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

1) проанализировать характер репрезентации медико-социальных идей в публицистике Чехова начиная с ранних очерков «Осколки московской жизни» и заканчивая сахалинской книгой;

2) систематизировать медицинский контекст очерков «Из Сибири» и «Остров Сахалин» и определить роль медицинского дискурса в публицистике Чехова;

3) дополнить и расширить существующее представление об источниках, на которые опирался Чехов, работая над книгой «Остров Сахалин»;

4) проанализировать изображение сахалинской каторги как административно-социальной модели в исследуемых произведениях Чехова;

рассмотреть социально-историческое значение очерков «Из Сибири» и «Остров Сахалин» как явления русской литературы XIX века.

В выборе **методологии** исследования мы опираемся на комплексный подход, предполагающий герменевтический, историко-литературный, биографический методы анализа и интерпретации очерков Чехова и работ его предшественников, с учетом современного понимания соотнесенности проблем литературы и медицины.

Работа учитывает возможности биографического метода в литературоведении, так как это обеспечивает такой способ восприятия, анализа и оценки художественной литературы, при котором биография и личность писателя становятся определяющим моментом творчества. В рамках данного исследования биографическое начало предусматривает привлечение таких тем, как медицинское образование Чехова и медицинские вопросы его идеологии, их социальную эманацию. Биографический метод воплощает стремление не отделять

врачебную деятельность писателя от его творческих импульсов и видеть в медицине и, в частности, в его публицистике одну из основ творчества.

Отталкиваясь от диссертационных начинаний Чехова («Истории полового авторитета», «Врачебного дела в России») и «Осколков московской жизни», мы сравниваем его образы, картины и риторические формы в очерках «Из Сибири» и «Остров Сахалин» с трудами предшественников. Мы не отделяем врачебную деятельность писателя от его творческих исканий и видим в медицине и в его публицистике одну из основ творчества.

Теоретико-методологическая основа исследования. В понимании медицинской публицистики мы опирались на труды по вопросам биографии (П.А. Архангельский¹, А.П. Кузичева, И.Е. Гитович², Н.И. Гитович³, П.И. Куркин⁴) и научного комментирования текстов Чехова (М.С. Высоков, М.Л. Семанова, Р.Б. Ахметшин⁵), посвященные анализу его публицистики (Б.И. Бурятов и М.В. Теплинский⁶, В. Гебель⁷, В.Б. Катаев⁸, Ш. Коррадо⁹, А.Ю. Левковская¹⁰, В.А. Логинов¹¹, И.Ф. Мифтахов¹², Г.Н. Потанин¹³,

¹ Архангельский П.А. Из воспоминаний об Антоне Павловиче Чехове / Публ., коммент. Р.Б. Ахметшина // Мелихово. Альманах. Мелихово, 2019. С. 23-31; Ахметшин Р.Б. «Вопрос молодой, для врачей и земцев интересный» (Земская медицина и психиатрия в чеховской биографии) // Мелихово... С. 9-22.

² Таганрог и Чеховы / Под ред. И.Е. Гитович. Таганрог: Изд-во «Лукоморье», 2003.

³ Летопись жизни и творчества А.П. Чехова / Сост. Н.И. Гитович. М.: Гослитиздат, 1955.

⁴ Куркин П.И. Антон Павлович Чехов как земский врач. Материалы для биографии (1892-1894 гг.) // Общественный врач. 1911. № 4. С. 66-69.

⁵ Ахметшин Р.Б. Грани литературной репутации А.П. Чехова: между аксиомой и мифом // Russian Studies: Institute for Russian, East European and Eurasian Studies. Seoul National Univ., Korea. 2014. Vol. 24, № 2. Р. 445-485.

⁶ Бурятов Б.И., Теплинский М.В. А.П. Чехов на Сахалине. Южно-Сахалинск, 1957; Теплинский М.В. А.П. Чехов на Сахалине. Южно-Сахалинск, 1990.

⁷ Гебель В., Гольберг М., Каган Л., Цукерман Л. Чехов Антон Павлович // Большая советская энциклопедия / гл. ред. О.Ю. Шмидт. М.: Сов. энцикл., 1934. Т. 61. С. 459-460.

⁸ Катаев В.Б. Чехов плюс...: Предшественники, современники, преемники. М.: Языки славян. культуры, 2004.

⁹ Коррадо Ш. Сахалинская каторга и международная тюремная реформа // А.П. Чехов и Сахалин: взгляд из XXI столетия: материалы междунар. науч.-практ. конф. 21–22 сент. 2010 г. Южно-Сахалинск: Колорит, 2011. С. 33-40.

¹⁰ Левковская А.Ю. Айны в книге А.П. Чехова «Остров Сахалин» и их современное положение // XIII Чеховские чтения: Антон Павлович Чехов и книга «Остров Сахалин» в движении эпох: век XIX – век XXI / сост. И.А. Костанова. Южно-Сахалинск: СахГУ, 2010. С. 34-38.

¹¹ Логинов В.А. А.П. Чехов – диагност в медицине и литературе. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010.

¹² Мифтахов И.Ф. Современники А.П. Чехова об «Острове Сахалин» // Известия Самарского научного центра РАН. 2015. Т. 17. № 1 (4). С. 960-962.

¹³ Потанин Г.Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Т. 6. Новосибирск, 1983.

С.В. Савинков¹, А.Д. Степанов²), труды по семиотике и структуральной поэтике (Ю.М. Лотман, В.Н. Топоров). В описание современной научной и культурной парадигмы были интегрированы концепции Х.Х. Баба³, А.В. Ремнева⁴, Э.В. Саида⁵, Г.Ч. Спивак⁶, М. Фуко⁷, В.В. Щеглова⁸, Ю.Э. Янсона⁹.

Источником исследования, прежде всего, является полное собрание сочинений А.П. Чехов в 30-ти томах, в котором приводится не только полный текст очерков с их вариантами, но и примечания, комментарии к тексту и осмысление истории их создания. Особую ценность представляют письма писателя, в которых можно найти отсутствующие в окончательном варианте подробности и детали путешествия, а также мемуары о Чехове. Большое значение для нас имели материалы работ, упомянутых Чеховым в его списке «Литература» (С. XIV-XV, 887-891), а также отклики на книгу «Остров Сахалин».

Степень разработанности темы исследования. В настоящее время мы располагаем обширной литературой, посвященной сибирско-сахалинскому путешествию и труду Чехова. Прежде всего, хотелось бы отметить классические труды И.М. Гейзера¹⁰, В.Б. Катаева¹¹, А.П. Кузичевой¹², Е.Б. Мёве¹³, Л.В. Никулина¹⁴, З.С. Паперного¹⁵, М.Л. Семановой¹⁶, О.М. Скибиной¹⁷,

¹ Савинков С.В. Зачем Чехов ездил на Сахалин? // Литература путешествий: культурно-исторические и дискурсивные аспекты: сб. науч. работ / под ред. Т.И. Печерской. Новосибирск: Гаудеамус, 2013. С. 373-385.

² Степанов А.Д. «Сахалинский хронотоп» как основа поэтики позднего Чехова // А.П. Чехов и Сахалин: взгляд из XXI столетия... С. 23-28.

³ Bhabha H.K. The Location of Culture. N.Y.: Routledge Classics, 2004.

⁴ Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск, 2004.

⁵ Саид Э.В. Ориентализм / Пер. с англ. А.В. Говорунов. СПб.: «Русский Мир», 2006.

⁶ Спивак Г.Ч. Могут ли угнетенные говорить? // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия / Под ред. С.В. Жеребкина. Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетей, 2001. С. 649-670.

⁷ Фуко М. Рождение клиники / Пер., науч. ред. и предисл. А.Ш. Тхостова. М.: Смысл, 1998.

⁸ Щеглов В.В. Имперский мотив российской колонизации Дальнего Востока // А.П. Чехов и Сахалин: взгляд из XXI столетия... С. 88-90.

⁹ Янсон Ю.Э. Теория статистики. Новое издание. СПб.: Тип. литография Шредера, 1891.

¹⁰ Гейзер И.М. Чехов и медицина. М.: Госмедиздат, 1954.

¹¹ Катаев В.Б. Сахалин и вся Россия // Чехов А.П. Остров Сахалин. Южно-Сахалинск, 1995. С. III-XV; Он же. «Остров Сахалин»: возможность новых прочтений // Катаев В.Б. К пониманию Чехова. М., 2018. С. 64-72.

¹² Кузичева А.П. Чехов. Жизнь «отдельного человека». 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2012.

¹³ Мёве Е.Б. Медицина в творчестве и жизни А.П. Чехова. Киев: Здоровье, 1989.

¹⁴ Никулин Л.В. Чехов. Бунин. Куприн: литературные портреты. М.: Советский писатель, 1960.

¹⁵ Паперный З.С. А.П. Чехов: очерк творчества. М.: Худож. лит., 1960.

¹⁶ Семанова М.Л. Гражданский подвиг писателя // Чехов А. Остров Сахалин. М., 1984. С. 5-23.

Е.К. Созиной¹, И.Н. Сухих², А.П. Чудакова³, Е.В. Шишпарёнок⁴ и мн. др. В них с достаточной полнотой и обстоятельностью исследуются образы, темы, конфликты художественного мира писателя, но сахалинская проблема в них рассматривается не совсем подробно и последовательно.

Недостаточна глубина изученности документальной прозы Чехова, сущности и специфики художественного новаторства в этих произведениях, медицинского опыта Чехова-художника ⁵. Так, Е.Б. Мёве демонстрирует довольно прямолинейное тяготение к диагностической модели, вследствие чего ситуации в прозе Чехова и его герои искусственно подгоняются к тем или иным, как правило, психастеническим истолкованиям. И.М. Гейзер, напротив, многое у Чехова воспринимает как априорное знание доктора о человеке, что лишает прозу писателя ее исследовательского характера. Путешествию Чехова на Сахалин в этих книгах посвящено лишь несколько страниц.

Несколько хуже обстоит дело с глубиной изученности документальной прозы Чехова, сущности и специфики публицистического и художественного новаторства в этих произведениях. К сожалению, специальных исследований, непосредственно посвящённых очеркам А.П. Чехова «Из Сибири» и «Остров Сахалин» в выбранном синтетическом аспекте, практически нет. Возможно, исследователи стремятся осмыслить эстетику чеховских очерков в художественных категориях красоты, и по этой причине анализ их поэтики сводится к констатации признаков документальности или художественности. Другая причина этого заключается в том, что чеховская концепция личности и общества, изложенная им в этих и других произведениях, в значительной степени

¹⁷ Скибина О.М. Путевые очерки А.П. Чехова «Из Сибири» и «Остров Сахалин» и журнальная беллетристика конца XIX века: проблема взаимовлияния // Остров Сахалин – открытый финал: Материалы международной научной конференции. Южно-Сахалинск, 2016. С. 109-119.

¹ Созина Е.К. «Жесткий арестантский халат» в «беллетристическом гардеробе» А.П. Чехова: «Остров Сахалин» // Quaestio Rossica. Т. 4. 2016. № 4. С. 64-83.

² Сухих И.Н. «Остров Сахалин» в творчестве Чехова // Русская литература. Л., 1985. – № 3. – С. 72-84.

³ Чудаков А.П. Мир Чехова: Возникновение и утверждение. М.: Сов. писатель, 1986.

⁴ Шишпарёнок Е.В. Творчество А.П. Чехова в контексте сибирского мифа. Автореф. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2010.

⁵ См.: Чудаков А.П. Чеховские образы и... диагностика // Вопросы литературы. – 1962. – № 4. – С. 211-213.

отличалась от концепции, предложенной критикой и повременной печатью конца XIX века. В послереволюционные годы изучение вопросов сибирского поселения и каторги становилось проблематичным¹. Поэтому, несмотря на то что книга Чехова в XX в. не была забыта, осмысление ее приостановилось.

В последние полвека, после выхода в свет ПССП А.П. Чехова в 30-ти томах, где были прокомментированы очерки «Из Сибири» и «Остров Сахалин», их анализ приобрел избирательный характер. Достаточно недавно появились глубокие истолкования (М.М. Одесской², О.М. Скибиной, Е.К. Созиной, В.И. Чудиновой³ и др.) связей Чехова с писателями, близкими ему по умонастроению, однако во всей полноте сахалинский контекст здесь не рассматривается. И, несмотря на то что комментарии М.Л. Семановой достаточно краткие (С. XIV-XV, 739-886), мы по-прежнему не можем похвастаться решением задач, поставленных в них⁴. Большинство исследователей заинтересованы в осмыслении поэтики книги «Остров Сахалин»: ее натуралистического начала⁵, жанровой природы⁶ и т.п., – так что ее социальная проблематика остается отчасти в стороне. С точки зрения жанра и художественного метода рассматривается публицистическая и документальная основа «Острова Сахалин» Т.В. Ивановой⁷, анализирующей изменение языка Чехова после Сахалина: диалогичность и полемичность его повествования, – однако здесь не учитывается контекст ранних очерков Чехова. При этом назрела необходимость ввести в

¹ Минералов А.Ю. Мир каторги в русской художественно-документальной прозе. АДКФН. М., 2009.

² Одесская М.М. Преступление и наказание в произведениях А.П. Чехова // Остров Сахалин – открытый финал: Материалы... С. 31-39.

³ Чудинова В.И. Литературный фон в книге А.П. Чехова «Остров Сахалин» // О литературе Сахалина. Южно-Сахалинск, 2004. С. 5-10.

⁴ Ахметшин Р.Б. Stoff und Kraft, или Материал как сюжет // Чеховский вестник. Вып. 28. 2013. С. 19-42.

⁵ См.: Проваторова О.Н. Натуралистические тенденции в повествовательном творчестве А.П. Чехова. АДКФН. Самара, 2008. С. 6-9, – отчасти как реакция на статью: Кулешов В.И. Реализм Чехова в соотношении с натурализмом и символизмом в русской литературе конца XIX – начала XX веков // Чеховские чтения в Ялте. М., 1973. С. 21-31.

⁶ Никитин А.А. «Книга публициста»: проблемы жанрового своеобразия и современного функционирования. АДКФН. Иваново, 2010. С. 13-14.

⁷ Иванова Т.В. Книга А.П. Чехова «Остров Сахалин»: проблематика и значение. Дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004.

систему представлений второй комментарий книги «Остров Сахалин»¹, и учесть более широкий контекст ее по сравнению с намеченными Т.В. Ивановой рамками. Исследовательница справедливо указывает, что в чеховедческих работах последних 50 лет сохраняется разногласие относительно взглядов на природу чеховских очерков и трансформацию метода писателя. В дополнение укажем на работу, позволяющую учесть более длинную перспективу – от высказываний современников Чехова к началу XXI в., – в ней ряд авторов выводят чеховский очерк за пределы биографии писателя² или историко-литературного процесса³. Любопытно, что эта книга не только подготовлена под редакцией авторитетного исследователя М.В. Теплинского, но и построена на сахалинском материале. Такая точка зрения воспроизводит мысль известного литературного критика П.Н. Краснова, признавшего сахалинский труд Чехова творчески неэффективным: перешедший в третий период, «Чехов вполне однороден»⁴. Анализируя очерки Чехова, мы обращаемся к работам менее известных его предшественников и стремимся сосредоточиться на своей проблеме в более узком контексте.

Большинство критиков и современников как бы заранее выносили «Остров Сахалин» за рамки художественных произведений, потому что книга не вписывалась в схему их изучения и исследования. А в публицистике книга заняла особое, изолированное положение по понятным причинам как содержательного, так и цензурного характера. Новые герои чеховской документалистики и новые общественно-политические коллизии оказались слишком трудны и рискованны для осмысления.

Структура диссертационной работы: диссертационная работа состоит из введения, трех глав, заключения и список использованной литературы. Во

¹ *Высоков М.С.* Комментарий к книге А.П. Чехова «Остров Сахалин». Владивосток; Южно-Сахалинск: Рубеж, 2010.

² *Охременко Е.П.* А.П. Чехов в оценке дореволюционной марксистской критики // Антон Павлович Чехов: Сб.ст. / Под ред. М.В. Теплинского. Южно-Сахалинск, 1959. С. 65-88.

³ *Эренбург И.Г.* Сахалинская страница // Антон Павлович Чехов: Сб.ст. ... С. 171-172.

⁴ *Краснов П.Н.* Осенние беллетристы. II. А.П. Чехов // Труд. 1895. № 1. С. 202. Характерный пример возникает благодаря диссертации А.М. Денисовой «Творчество А.П. Чехова в восприятии либерально-народнической критики конца XIX – начала XX вв. (Н.К. Михайловский, А.М. Скабичевский, М.А. Протопопов)» (Воронеж, 2003), в которой «Острову Сахалин» уделяется мало внимания, а очерки «Из Сибири» не упоминаются вовсе.

введении сформулированы цели и задачи исследования, определены предмет и объект, актуальность и новизна работы, а также названы методы исследования. Глава первая создает биографическую основу исследования, в ней также рассматриваются медицинские аспекты публицистики русских прозаиков и их влияние на творчество А.П. Чехова, в частности, понимание и отражение болезни Чеховым в его творческом сознании после поездки на остров Сахалин. Глава вторая посвящена социальным проблемам в произведениях А.П. Чехова на медицинскую тематику, это в том числе женский вопрос, вопрос детей, алкоголизм, проблема труда. Эти проблемы являются причинами проявления болезненности в обществе и среди людей, также эти причины непосредственно становятся острыми медицинскими вопросами и в художественной прозе Чехова. Глава третья посвящена анализу истории исследования Сибири и Сахалина в работах предшественников Чехова, колониционным вопросам и в его прозе, показывая тем самым универсальное понимание недуга человека, отраженное в сибирско-сахалинской публицистике Чехова. В заключительном разделе формулируются общие выводы исследования. Библиография включает 186 позицию. Общий объем диссертационной работы составил 193 страниц.

Глава I. Становление путевой очеркистики Чехова

По традиции творчество А.П. Чехова возводят к юмористическим прозаическим и драматургическим художественным формам – шутки, сценки, рассказа, водевиля. Во многих биографиях писателя говорится о том, что в старших классах гимназии проявились творческие способности будущего писателя: он много сочинял, выпускал рукописный журнал «Заика». Даже строгий отец признавал, что его третий сын был «хорош на литературу»¹. И в университетские годы Чехов очень много писал, сотрудничая с развлекательными изданиями, но при этом никто из его товарищей не подозревал, что учится вместе с будущим известным писателем, не догадывался, кто скрывается за псевдонимами Антоша Чехонте или Человек без селезенки, которые сегодня знает каждый читатель². Изучая чеховскую прозу, мы не можем дистанцироваться от ситуации, в которой продолжалось его формирование в начале 1880-х годов, когда он стал студентом медицинского факультета.

Так, известный впоследствии художник К. Коровин, рассказывая в своих воспоминаниях об их совместной со студентами-медиками прогулке, удивлялся, что у них были очень строгие, выверенные представления о мире и они требовали, чтобы художник писал непременно с идеей³. Чехов, по словам Коровина, шутил над этим, но было видно, что он относится ко всему очень серьезно.

1.1 Социальное и медицинское в русской публицистике

Публицистику обычно рассматривают в связи со свойствами мышления и обращенности к сознанию читателя, т.е. как ситуацию непосредственности в выступлении автора и творческом осмыслении идеи, подчиненном также принципам риторики. Поэтому публицистика нередко рассматривается как

¹ Малюгин Л., Гитович И. Чехов: Повесть-хроника. М., 1983. С. 10, 13, 17 и др.

² Кузичева А.П. Чехов. Жизнь «отдельного человека». 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2012. Вып. 1560. С. 52.

³ А.П. Чехов в воспоминаниях современников... С. 28.

прагматическое искусство, выполняющее эмотивную функцию, направленное на внушение, убеждение или побуждение. При этом крайне важна не только пропаганда, но и выявление представляющей интерес модели реальности, апелляция к документу как факту жизни. Кроме того, писательская публицистика – переходное явление, сочетающее публицистичность и художественность как способы мышления.

Важная категория, выделяемая Ю. Суровцевым, публицистичность, понимается как «тип социального поведения в литературе» (М. Горький), позиция автора, его самоопределение в мире, способ освоения действительности.

Писатели, увлекающиеся публицистикой, – это всегда знаковые фигуры в силу множества причин: апелляции к документу, актуальности выбираемых тем, различных ограничений и запретов цензуры и, некоторым образом, судьбы. Таким образом, литературная публицистика оставалась единственным пространством для свободного и непосредственного высказывания. Прозаики в художественной форме излагали факты современности, критически значимые вопросы. Публицистика Чехова в неменьшей степени, чем его художественная проза, тесно связана с деятельностью таких писателей, как А.Н. Радищев, М.Ю. Лермонтов, А.И. Герцен, Ф.М. Достоевский, М.Е. Салтыков-Щедрин, Н.С. Лесков, Л.Н. Толстой и др. Однако в его очерках угадываются и другие тенденции, предопределенные творчеством великих критиков.

Как известно, Чехов во многом благодаря законоучителю Таганрогской мужской гимназии о. Ф. Покровскому получил возможность читать журналы, которые в библиотеке мальчикам не выдавались. Можно сказать, что в старших классах Чехов формировался не только как комический писатель, юморист, но в нем, возможно и интуитивно, складывалось понимание демократических и, в целом, идейных ценностей художественной литературы и публицистики. Круг его чтения в эти годы устанавливается с чрезвычайными трудностями и лишь обобщенно – по именам классиков, пропустить которые в то время было

невозможно. Так, например, исследователи предполагают лишь косвенную связь «Острова Сахалин» с великой книгой А.Н. Радищева, опосредованную природой жанра хождения, «путешествия». Однако этим вопрос не исчерпывается, потому что известно, что с 1844 года в Таганроге жил и занимался преподаванием французского языка сын писателя Павел Александрович Радищев, а впоследствии преподавателями французского стали и его дети¹. И все-таки следы чтения Чеховым книги «Путешествие из Петербурга в Москву» пока с уверенностью не могут быть установлены. А.И. Герцена Чехов упоминает наряду с В.Г. Белинским как учителя жизни – мыслителя «с ясно выраженной физиономией». Такие писатели «не только платили гонорар, но и притягали, учили и воспитывали» (П. II, 177-178). Чехов, судя по некоторым данным, был знаком с их перепиской (П. III, 355). И без всякого сомнения проза Герцена оказала на него огромное влияние.

Герцен является одним из самых важных писателей той эпохи. Он активно участвует в социальных изменениях, критикует и разоблачает крепостное право и абсолютизм. Таким образом мы имеем возможность наметить еще один момент в предыстории не только чеховской, но и в целом русской публицистики – это пункт, восходящий к работам Герцена. Среди его самых известных публицистических работ: «Письма из Франции и Италии», «Мысли о разных предметах», «Доктор Крупов», «Былое и думы» и т. д. Герцен оказывает значительное влияние на читателей, своих современников и потомков, в том числе А.П. Чехова. Например, в фельетоне Чехова «Осколки московской жизни» и в его статье «Фокусники» затронута общая тема чеховской критики – шарлатанство в науке, напоминающая интонацию статей А.И. Герцена «Дилетантизм в науке», опубликованных в 1843 году: «такие друзья науки, смешиваемые с самой наукой, оправдывают ненависть врагов ее, – и наука

¹ Таганрог и Чеховы. Таганрог: Изд-во «Лукоморье», 2003. С. 27.

остается в малом числе избранных»¹. В публицистической прозе Чехова мы обнаруживаем изучение моральных и социальных ситуаций, продолжающее традицию Герцена, с чьим именем связывается в сознании Чехова императив свободы. В письме к Я.П. Полонскому от 18 января 1888 года он утверждает: «Требование, чтобы талантливые люди работали *только* в толстых журналах, мелочно, пахивает чиновником и вредно, как все предрассудки. Этот предрассудок глуп и смешон» (П. II, 177).

Ф.М. Достоевский – одна из значительнейших фигур русской публицистики XIX века. По возвращении в Петербург он ведет полемику с крупнейшими журналами по самым разнообразным вопросам. Некоторые темы, волновавшие Достоевского, в полной мере передались и Чехову: одна из них – жизнь и подвижническая деятельность доктора Ф.П. Гааза, упомянутого не только в романе «Идиот», а фигурировавшего еще в черновиках к роману «Преступление и наказание» и в материалах к «Дневнику писателя». Доктор Гааз стал героем множества некрологов и статей. Писал о нем и А.И. Герцен в «Былом и думах». И Чехов знал о нем по разным источникам (см., к примеру, П. VI, 282). Мы предполагаем, что интонация очерка <Н.М. Пржевальский> (С. XVI, 236-237) отчасти предопределена и памятью об этом святом докторе. Идентичным переживанием проникнут эпизод о докторе Супруненко (С. XIV-XV, 111). Такие фигуры, как доктор Гааз, обрастают слухами, превращаются в миф и становятся известны хотя бы в пределах города и помимо публицистики и повременной печати. Но все же одно дело слышать слух, другое – прочесть историю в журнале или газете, где история может очиститься от слухов, а личность героя – обрести большую реалистичность, правдоподобие. «Дневник писателя» Чехов, конечно, читал, но в нашем контексте важнее всего «Записки из Мертвого дома», как и вышедшая несколько позже, чем «Остров Сахалин», под псевдонимом Л. Мельшин книга поэта П.Ф. Якубовича «В мире отверженных». С Якубовичем

¹ Герцен А.И. Собрание сочинений в тридцати томах. Том III. Дилетантизм в науке. Письма об изучении природы. 1842-1846. М.: Издательство АН СССР, 1954. С. 8.

Чехов состоял в переписке и считал его «большим, неоцененным писателем» (П. VIII, 121).

Мы полагаем, что Чехов находился под влиянием Герцена, но избежал романтической аллегоризации болезни, которая наблюдается в повести «Доктор Крупов». Здесь можно было бы вспомнить лермонтовскую «Тамань», как известно, любимую повесть многих писателей. И Чехов был большим поклонником романа и поэзии Лермонтова. Общий каркас идеи создания портрета целого поколения, сотканного из пороков этого коллективного героя, отразился глубоко в прозе Чехова и, в первую очередь, в его письмах. В них убеждение, что «виноваты все мы», ценностно сопрягается с неверием в «нашу» интеллигенцию (П. VIII, 101). Несмотря на то что это тоже аллегория и медицинские ассоциации в романе Лермонтова имеют лишь символический характер, не учитывать этот мотив в размышлениях о Чехове-мыслителе¹ нельзя.

В этом отношении сильнее влияние Достоевского, но эта тема оказывается и наиболее спорной, поскольку в письмах Чехов декларирует, скорее, отталкивание от данного художественного метода. Выразительность и стилистика Достоевского в большей степени настраивает Чехова на спор с романистом, чем на преемственное, некритичное усвоение его творческих принципов.

Кроме этого, в 1860-е гг. заявил о себе как публицист и Н.С. Лесков: «Его литературная деятельность началась со статей и корреспонденций на социально-экономические темы, которые затрагивают взятки, откупную систему, проблему пьянства и крестьянского вопроса и т.д. («О рабочем классе», «Об ищущих коммерческих мест в России», «О найме рабочих людей», «Очерки винокуренной промышленности» и др.). Публицистика Лескова теснейшим образом связана с его художественным творчеством»², но писатель уделял внимание и медицинским вопросам. Лесковские ранние очерки, нередко

¹ Булгаков С.Н. Чехов как мыслитель // А. П. Чехов: pro et contra / Сост., общая редакция И. Н. Сухих. СПб.: РХГИ, 2002. С. 537-565.

² Семенов В.С. Николай Лесков. Время и книги. М.: Современник, 1981. С. 175.

обращавшиеся к темам о медицине и социальной гигиене, без всякого сомнения стали фактом биографии Чехова, и внимание Чехова к Лескову укрепилось благодаря их знакомству в 1883 г. Это сближение (Чехов относился к Лескову с симпатией, смешанной с чувством заботы о его здоровье) превратило Чехова в единомышленника Лескова-публициста.

В начале 1880-х к наиболее острым формам публицизма тяготел журнал «Отечественные записки». Важное место в нем занимала проза М.Е. Салтыкова-Щедрина: «Его публицистика – это подлинная летопись пореформенной России. Все жгучие проблемы русской жизни нашли отражение в публицистических циклах сатирика <...> В связи с критикой либерализма писатель-публицист много внимания уделил характеристике либерально-буржуазной прессы, заклеив ее продажность...»¹ Это время, когда Чехов начал свой путь на поприще публицистики, – период суровой политической реакции. «В журнальных редакциях его ранней юмористики масса намеков на современную литературную жизнь, в которой участвует биографический автор»². Первым сатирическим журналом, где сотрудничал Чехов, был журнал «Стрекоза». Там был опубликован его рассказ «Письмо к ученому соседу». Чехов сотрудничал и с «Осколками», где с 1883 по 1885 годы вел «Осколки московской жизни», в которых «отражались недостатки частной и общественной жизни, быта Москвы тех лет. В фельетонах "Осколки московской жизни", в ранних рассказах, затрагивающих положение журналистики (а таких рассказов насчитывается более пятнадцати), близость Чехова сатирической манере Салтыкова-Щедрина особенно заметна»³. Самое сильное влияние на Чехова должны были оказать очерки «За рубежом» (отд. изд. 1881): дело не только в «медицинских» эпизодах, каковых не очень много, а в самой интонации, которая угадывается в критике московского обихода. Салтыков писал: «Врачебная наука популяризирует

¹ Есин Б.И. История русской журналистики (1703 – 1917). М.: Наука, 2000. С. 35.

² Зыкова Г.В. Поэтика русского журнала 1830-х – 1870-х гг. М.: МАКС Пресс Москва, 2005. С. 96.

³ Есин Б.И. Чехов – журналист. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. С. 238.

болезни, делает их общедоступными»¹. Существенно, что ироническое обращение к теме болезней и врачебной науки сопрягается с темой о «благополучной Москве» и словно прерывает череду очерков о заграничной реальности. Складывается ощущение, что, описывая, например, усилия московского земства и правительства по введению тех или иных «улучшений» (страхование скота от чумы – С. XVI, 37-38), Чехов ориентировался на салтыковскую комическую норму. Думается, и некоторые мотивы «В больнице для умалишенных» проникают в повесть «Палата № 6».

При этом молодой писатель стремился дистанцироваться от тех тенденций, которые вызывали в нем неприятие, и в письме к А.С. Суворину признавался: «Я не журналист: у меня физическое отвращение к брани» (П. V, 173).

Много места в рубрике «Осколки московской жизни» отводилось состоянию актуальных вопросов повременной печати. Чехов внес новую тему в фельетонное обозрение – характеристику газетно-журнальной жизни Москвы². В 1892 году Чехов возобновил сотрудничество с журналом «Русская мысль», с которым порвал перед отъездом в Сибирь. Здесь были опубликованы многие его поздние произведения, воплотившие острые социальные вопросы, но этим журналом круг его журнально-редакционных отношений и интересов не ограничивался. В разное время его интересовали и проекты издания профессиональных медицинских журналов, но вследствие прогресса чахотки ему пришлось сосредоточиться на деятельности в беллетристическом отделе «Русской мысли».

В промежутке между «осколочными» усилиями студента медицинского факультета и глубокими философскими произведениями 1890 – 1900-х гг. происходит интересующая нас тематическая трансформация, состоявшаяся во многом благодаря медицинскому теоретическому и практическому опыту Чехова,

¹ Салтыков-Щедрин М.Е. За рубежом // Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений в 20 т. Т. XIV. М.: Изд-во «Художественная литература», 1972. С. 137.

² Там же.

она и оказала мощное влияние на его выступления в документально-публицистической и художественной прозе.

Публицистика в общем понимании является универсальным понятием, однако медицинская публицистика уникальна. Это особый вид разнообразных литературных произведений об актуальных проблемах и вопросах текущей жизни общества, в которых рассматриваются и анализируются политические и идеологические проблемы с точки зрения медицины, то есть она объясняется озабоченностью и общественных институтов, и населения к проблемам, связанным со здоровьем людей, и в то же время сосредоточена на вопросах о человеке, обществе и нравственности. Кроме этого, медицинская публицистика осуществляет определенное влияние на массы: сформированные в текст или иным образом факты могут вызвать у людей нужную реакцию и необходимые размышления¹. Писатель-врач Чехов соединил публицистическую задачу с медициной и попытался спасти больное общество и нездоровый мир с помощью критики и разоблачения, опираясь на богатый опыт медицинской (в том числе) публицистики своих предшественников.

Как написано в диссертации П.И. Грязнова «Опыт сравнительного изучения гигиенических условий крестьянского быта и медико-топография Череповецкого уезда», доктор рассматривает пациента в целом – в системе разнообразных его связей, в том числе с особенностями климата, естественных условий, характера жилища, специфики водоснабжения, освещения, пищи, одежды и обуви, движения и деятельности населения и т.д. Все вышеперечисленное является факторами, влияющими на физическое и психическое здоровье пациентов. Влияние внешнего мира на человека явно не единичное, и эти факторы также должны учитываться врачами². Это исследование фигурирует в письме Чехова к А.С. Суворину от 17 марта 1890 г.: «Я писал Вам об одной диссертации.

¹ Байкова Н.Г., Беззубов, А.Н., Коньков, В.И. Публицистический стиль: Учеб. пособ. СПб.: 2000. С. 268.

² Грязнов П.И. Опыт сравнительного изучения гигиенических условий крестьянского быта и медико-топография Череповецкого уезда: диссертация на степень доктора медицины. СПб., 1880. С. 65.

"Д<октор>р Грязнов, Топография Череповецкого уезда" <...> Узнайте по телефону, нельзя ли получить его?» (П. IV, 42). Нетрудно понять, что врач, по мысли писателя, должен всесторонне смотреть на общество и больных, доискиваться до сути проблемы и выявлять её причину. Диссертация Грязнова упоминается не случайно: впоследствии она найдет отражение в его книге «Остров Сахалин».

Кроме того, близкое по запросам и целям исследование проводится в диссертации В.И. Никольского «Тамбовский уезд. Статистика населения и болезненности...», демонстрирующей, что медицина стремится учесть всё разнообразие повседневной жизни человека. В данной работе автор приводит статистику болезненности и демографической динамики в Тамбовской губернии: рождаемость, браки, смертность (смертность по полам и смертность по возрастам), продолжительность жизни, инфекционные и контагиозные болезни, болезни острые инфекционные и миазматические, (вирулентные, сифилис, болезни кровеносной системы, болезни органов обоняния и дыхания, болезни мужских и женских половых органов и т.д.)¹.

Медицинские гуманитарные науки сначала сосредоточились на сущности медицины и самых основных человеческих ценностях. Эдмунд Пеллегрино – американский биоэтик и ученый, один из основоположников идеи интеграции гуманитарного воспитания в медицинское образование, – считает, что врачам нужно не только научное мышление, но и этика, необходимо анализировать и выносить моральные суждения, чтобы решить, что делать дальше.

Дифференциальная диагностика требует опоры на диалектику: сбор анамнеза (создание истории болезни пациента), разработанный с использованием первичных данных пациентов; общение врача с пациентом, диалог, который требует глубокого понимания языка и культуры.

¹ Никольский В.И. Тамбовский уезд, статистика населения и болезненности: диссертация на степень доктора медицины земского врача В.И. Никольского. Тамбов: Типография Дмит. Серг. Семенова. 1885. С. 384. Эту диссертацию Чехов также внимательно изучал.

Историко-журналистская наука накопила большой объем знаний о Чехове-публицисте, ведь он прилагал большие усилия в газетно-журнальной сфере в 1880-1890 гг. В 1882 году Чехов получает приглашение сотрудничать с самым популярным юмористическим изданием – журналом «Осколки», издаваемым писателем Н.А. Лейкиным. Чуть позже, после 1885-го, Чехов вновь с увлечением принялся за публицистические статьи – вернулся к жанру фельетона на общественные темы, которым пытался овладеть в «Осколках московской жизни» — рубрике лейкинского журнала. Однако он очень скромно оценивает свои способности: «...плохой и ленивый журналист» (П. V, 127).

Фельетонное обозрение «Осколки московской жизни» отражает картину жизни Москвы первой половины 80-х годов XIX века в том числе и в такой тематической плоскости, как медицинская публицистика: крушение на железной дороге, порядок в Зоологическом саду, вопрос о собачьем приюте, гигиена труда мальчиков-приказчиков в купеческих лавках, театры, снабжение горожан питьевой водой, колокольный звон, страхование скота от чумы, академия художеств, канализация, московские увеселительные заведения, фабрики, организация похоронного дела и т.д. Нетрудно заметить, что в этих текстах проявляются различные медицинские проблемы, используются профессиональные термины, словом, развиваются медицинские темы, и они в той или иной степени прямо или косвенно отражают проблемы общества того времени.

Осколочный фельетон Чехова моделирует среду, которая позволяет исследовать ценности людей, межличностные отношения и эмоции на более короткой социальной дистанции, поскольку пишущий – это доктор. Содержание текстов о болезнях, старении, гигиене и смерти может позволить молодым и здоровым читателям (даже читателям-медикам), которые еще не испытывали страданий от болезни, не почувствовали боль и страх, поразмышлять о роли врачей в эти моменты жизни. Обществу полезно проникнуть во внутренний мир

пациентов и тех, кто становится жертвой социального недуга. Например: «Остается теперь только сочинить таксу для болезней. Болезни бывают маленькие, средние и большие. За маленькие будут брать меньше, за большие больше. Порок сердца дороже катара желудка, а катар желудка дороже носового кровотечения. Больше всего будут брать за послеродовое состояние (не с мужчин)» (С. XVI, 64).

Медицинская публицистика ориентирована на жизнь, сосредоточена на обсуждении социальных качеств человека, но, помимо реальности, которая изображается как бы арифметически, мы можем поставить и вопрос о языке – его комизме, метафоричности, игровом начале и многих других качествах поэтики. В фельетоне от «<2.16 июля>» о страховании домашнего скота Чехов пересказывает типичные хлопоты земства, получавшего известия о падеже. Земство в течение 6-8 дней посылает на место происхождения своего служащего, который должен был подтвердить причину смерти: «чума или не чума?». Конечно, за неделю чумная падаля оказывалась «глубоко в земле», а фельдшер приходил к выводу, что это не чума, а «неизвестная болезнь» (С. XVI, 37).

Тема медицины гораздо шире, чем семантика слов "пациент" и "болезнь", в тексте также фигурируют такие понятия, как мораль и поведение врачей. «Этические правила для врачей», составленные ими самими, вызывают ироническую реакцию автора: «Варшавские доктора, как известно, оставили пока в стороне свои шприцы, зонды и шпатели и занялись составлением "Этических правил для врачей". Правила эти имеют в виду: отношения врачей к публике, публики к врачам, врачей к врачам и публики к публике. Почин варшавских коллег пришелся по вкусу столичным гиппократам, и эти тоже оставили свои шприцы и шпатели и занялись "этикой"» (С. XVI, 111).

Среди различных проблем мы можем выделить проблемы отношения между врачами и пациентами, мы можем уловить другие аспекты жизни общества. Медицинская гуманистическая мораль является частью социальной морали, а

отсутствие медицинской гуманистической морали ведет к утрате важных ценностей и ориентиров социологии. Таким образом А.П. Чехов преподносит читателю образ врача Штробиндера, «В Москве есть доктор Штробиндер, излечивающий рак пластырем собственного изобретения. Напоминает нечто похожее на питерского майора Рика, но только с дипломом. Играет хорошо в винт и бедных лечит бесплатно» (С. XVI, 112).

А.П. Чехов становится мастером публицистики благодаря активному сотрудничеству со многими газетами и журналами. На этой почве он создал жанр газетной новеллы¹. Во второй половине 80-х и в 90-е гг. он публиковал свои произведения в таких журналах, как «Русская мысль», «Всемирная иллюстрация», «Северный вестник». А в газете «Новое время» (издателем которой был А.С. Суворин) Чехов поместил путевые очерки «Из Сибири» и несколько публицистических статей, в том числе «Московские лицемеры», «Фокусники», «<Н.М. Пржевальский>» и др. Также к середине 90-х годов Чехов успешно опубликовал в «Русской мысли» почти полный текст «Острова Сахалин», путевые заметки были разделены на 19 глав. Содержание этих глав затрагивает наиболее актуальные вопросы, в том числе положение каторжных, вопрос о наказаниях, побег и проблемы медицинской помощи на острове.

Таким образом, можно сказать, что медики рассматривают труд на основании жизни людей, а труд медиков становится темой русской публицистики еще в середине XIX века.

1.2 Медицинское начало в формировании А.П. Чехова-публициста

Момент официального литературного дебюта Чехова (публикации юморески «Письмо к ученому соседу» в журнале «Стрекоза») почти совпадает с началом его учебы на медицинском факультете Московского университета. Медицинская

¹ Есин Б.И. Чехов – журналист... С. 104.

практика вошла в художественное сознание Чехова, предоставив ему большой житейский опыт и творческий материал, а также сформировала его взгляды на общественную жизнь.

Всю свою жизнь, вплоть до переезда в Ялту, будучи тяжело больным, он много времени посвящал лечению больных. Оставаясь писателем, Чехов был практикующим врачом¹.

Следует отметить, что эта сторона жизни Чехова освещена недостаточно, однако многие литературоведы и критики, изучающие творчество Чехова, считают, что его медицинская практика, после того как он стал писателем, была весьма обширной и отягощала его. Сам Чехов писал Суворину: «...Я чувствую себя бодрее и довольнее собой, когда сознаю, что у меня два дела, а не одно... Медицина — моя законная жена, а литература — любовница. Когда надоедает одна, я ночую у другой. Это хотя и беспорядочно, но зато не так скучно, да и к тому же от моего вероломства обе решительно ничего не теряют. Не будь у меня медицины, то я свой досуг и свои лишние мысли едва ли отдавал бы литературе» (П. II, 326).

По возвращении с Сахалина, уже работая над книгой о каторге, в 1892 году, Чехов купил в Мелихове Серпуховского уезда имение. Это была по-настоящему творческая затея: писатель надеялся в уединении сосредоточиться на интересующих его вопросах и проблемах и продолжал серьёзно изучать медицину, ведь «успехи передовой науки, победное шествие естествознания всегда привлекали» его². Но он сильно ошибся.

Завязав знакомство с местными докторами, Чехов увлекся служением земской идее. Это был совершенно бескорыстный порыв, принёсший много пользы медицинскому делу, отнявший у писателя массу времени, но и ставший подспорьем в его творчестве. Он много работал, а потом, когда перестал служить

¹ См.: об этом: Гейзер, Мёве, Хижняков, Шубин – 1977, Шубин – 1989.

² Роскин А.И. А.П. Чехов: статьи и очерки. М., 1959. С. 220.

на своем участке, почти до конца жизни пользовался «земским» материалом в рассказах и повестях.

Чехов служил, в частности, земским врачом в 1892-1893 годах, когда холера приближалась к Серпуховскому уезду. В этот момент, по воспоминаниям известного земского врача и одного из светил тогдашней статистики П.И. Куркина, Чехов сразу же встал «под ружье»¹.

В течение 1892 года доктор Чехов практически в одиночку (фельдшерица-ассистент по причине своего недуга не способна была помогать ему) встал на защиту нескольких тысяч людей (притом что среднегодовое число обратившихся к нему за медицинской помощью и так составляло почти 1000 человек), живущих рядом с очагом все более расширяющейся эпидемии. Не потратив ни одного рубля казенных денег, о чем он в шутку, но совершенно заслуженно, порой хвастался в письмах к друзьям, создал все необходимое для эвакуации и лечения больных на огромной территории своего участка. При этом за время своего служения земству он не пропускал ни одного заседания².

Специалисты по истории медицины, возможно, скажут, что Серпуховскому уезду повезло, что холера обошла его стороной, но не придавать значения усиленной, напряженной деятельности докторов, и в том числе Чехова, невозможно. Кроме непосредственной организаторской, просветительской и лечебной, работы, велись и тщательные статистические наблюдения, составлялись отчеты медицинских обследований.

Вот эпистолярный "сгусток" медицинского отчета, составленного Чеховым для Серпуховской земской организации (из письма к А.С. Суворину от 16 августа 1892 г.): в 25 деревнях, 4 фабриках и монастыре, находившихся в его ведении, он создал новый участок для борьбы с холерой. Его тяжелая повседневная работа

¹ Куркин П.И. Антон Павлович Чехов как земский врач. Материалы для биографии (1892-1894 гг.) // Общественный врач. 1911. № 4. С. 66.

² Там же, с. 67.

(«Утром приемка больных, а после утра разъезды. Езжу, читаю лекции печенегам, лечу...») производилась бесплатно, кроме того, Чехову пришлось «клянчить» у богатых людей. Он смеялся над собой, что показал себя «превосходным нищим», так как его стараниями земство получило всё необходимое для проведения противоэпидемических мероприятий бесплатно. Тем не менее, большая нагрузка изматывала его: «Душа моя утомлена. Скучно. <...> ездить на отвратительных лошадях по неведомым дорогам и читать только про холеру <...> и в то же время быть совершенно равнодушным к сей болезни и к тем людям, которым служишь, – это, сударь мой, такая крошка, от которой не поздоровится» (П. V, 103-104; см. также С. XVI, 357-362 – материалы медицинских отчетов).

Зимой 1892 года он активно участвовал в оказании помощи голодающим в районах Нижнего Новгорода и Воронежа. И впоследствии чеховская деятельность неизменно бывала обращена к тем и на тех, кто страдал от голода, болезней, недостатка образования и просвещения. Чехов был большим оптимистом и всегда ввязывался в борьбу с непролазным невежеством и грязью в ситуации, когда все вокруг уже опустили руки. Так же было и с подготовкой к самому значимому путешествию в его жизни.

В 1890-м году А.П. Чехов начал большую и трудную работу. Через Сибирь он отправился на остров Сахалин – место, впоследствии названное им адом, – эта поездка оказалась лишь началом трудной истории. И когда А.С. Суворин, можно полагать («Вы пишете, что Сахалин никому не нужен и никому не интересен», – воспроизводит Чехов мнение опытного редактора и политика), выразил сомнение в целесообразности и пользе этой поездки, Чехов ответил с присущей ему скромностью и принципиальностью: «Я хочу написать 100-200 страниц и этим немножко заплатить своей медицине, перед которой я, как вам известно, свинья. Быть может, я не сумею ничего написать, но все-таки поездка не теряет для меня своего аромата: читая, глядя по сторонам и слушая, я многое узнаю и выучу. Я еще не ездил, но благодаря тем книжкам, которые прочел теперь по

необходимости, я узнал многое такое, что следует знать всякому под страхом 40 плетей и что я имел невежество не знать раньше» (П. IV, 31).

«Официальному освещению Сахалина противопоставить исследование русской каторги, основанное на точных, проверенных фактах»¹, – такая задача путешествия писателя также раскрывает жанр книги «Остров Сахалин», написанной в духе путевых очерков. Одной из особенностей путевых записок является цитирование научных источников наравне с литературными произведениями и синтетическое использование методов науки и искусства, однако Чехов ограниченно использует такие методы в своих очерках, копируя художественную эстетику, но широко применяет материал современной науки, все больше и больше, если учитывать развитие сюжета книги, оформляя этот материал под влиянием медицинских вопросов.

Чехов стремился засвидетельствовать и показать невыносимо тяжелую жизнь ссыльнокаторжных и переселенцев, всех тех несчастных, в основном, людей, для которых жизнь на острове стала судьбой. Ему необходимо было обратиться к самым злободневным вопросам русской актуальной истории, чтобы впоследствии рассказать об этом в книге и тем хотя бы немного облегчить участь заключенных. «В наше время, — писал он, — для больных делается кое-что, для заключенных же ничего; тюремное дело совершенно не интересует наших юристов» (П. IV, 33).

Кроме того, врач должен не просто лечить болезни и травмы, но предотвращать проблемы до их возникновения и учить этому окружающих, которые из пациентов превращаются в учеников. Значит, не только уничтожать вирусы, паразитов и вредные вещества, которые могут причинить вред организму человека или поставить под угрозу его жизнь, но помочь избежать риска для

¹ Скибина О.М. Путевые очерки А.П. Чехова «Из Сибири» и «Остров Сахалин» и журнальная беллетристика конца XIX века: проблема взаимовлияния // Остров Сахалин – открытый финал: Материалы международной научной конференции. Южно-Сахалинск, 2016. С. 111.

здоровья. Настоящая ценность врача заключается в способности лечить болезни в самом начале и предотвращать их появление.

Чехов придавал первостепенное значение ликвидации медицинского невежества в общественной среде, непрестанно занимаясь просветительской деятельностью, уже тогда он формулировал идеи создания подходящих условий для повышения квалификации врачей, мечтая об открытии такого института и ратовал за развитие медицинской публицистики. Немало сил и энергии ему пришлось приложить, чтобы могли избежать разорения и закрытия такие медицинские журналы, как «Хирургия» и «Хирургическая летопись».

И это немного напоминает студенческий проект «Истории полового авторитета» Чехова, который, конечно, заставлял сомневаться в осуществимости намерений и возможности создания опытной базы для такого большого исследования, но внушал уверенность в блестящем будущем молодого ученого. «Работа должна была, по плану Чехова, охватывать зоологию и антропологию, историю человеческого общества (в части, касающейся темы) и историю науки, основываться на данных и научных выводах медицины»¹. Что же говорить о бытовом опыте, который у всех на глазах? «Рукопись, – писал Чехов старшему брату Александру, – едва ли выйдет толстая: нет надобности, ибо естественная история повторяется на каждом шагу, а история через 2 шага... Оба сделаем дело, и, поверь, недурно сделаем... Ты возьмешь одну ступеньку, я другую и т.д.» (П. I, 65).

Чехов был настоящим тружеником, подлинным борцом за распространение медицинских знаний и активно выступал в печати. Памятуя его письмо к Суворину (П. III, 133), можно лишь удивляться тому, как изменился и каких высот он достиг, отправляясь в 1879 году из Таганрога в Москву поступать на медицинский факультет Московского университета. Идеология произведений Чехова содержит сильное медицинское начало. Это масса героев-медиков

¹ Романенко В.Т. Чехов и наука. Харьков: Харьковское книжное издательство, 1962. С. 58.

(«Житейские невзгоды», «Интриги», «Три сестры»), это всевозможные медицинские «казусы» — от смешных до вполне драматических. Эта тема и сопутствующая ей интонация, как заметили уже современники писателя¹, имеет ясную связь с зарождающейся социологией и социальной проблематикой. Например, учитель истории и географии Коваленко («Человек в футляре») протестует против неправды и лицемерия в обиходе русской гимназии («управа благочиния!»). Сам рассказчик, кажется, критикует непонятно как возникшую несправедливость, и его мыслям отзываются размышления судебного следователя Лыжина («По делам службы»), делящего всех людей на два мифических сословия: одним на долю достаются лишь тяготы, а другим — светлое и приятное. Неправду и несправедливость рассматривает как источник всеобщей болезни и болезненности доктор Королёв в рассказе «Случай из практики»: отношения между богатыми и трудящимися представляются ему не просто вопиющей несправедливостью, но логической несообразностью. Во всех этих и многих других ситуациях посредником Чехова в воплощении этих мыслей становится интеллигент, терпящий муки от определенной суммы не вполне ясных бытовых причин, под авторским взором складывающихся в метафору боли и страдания.

Студенческая жизнь сыграла колоссальную роль не только в творчестве Чехова. Он признавался не раз, что учеба сделала его иным человеком. Она не только изменила его едва зарождавшиеся формы литературной работы, но и, как он писал в «Автобиографии», раздвинули «область <...> наблюдений» начинающего художника (С. XVI, 271). В замечательной книге «А.П. Чехов — воспитанник Московского университета» намечен образ этой эпохи, который еще предстоит исследовать представителям различных гуманитарных дисциплин. Чехов, по предположению его друзей, мечтал вернуться в университет в качестве преподавателя с уникальным курсом лекций. Для этого уже была разработана своя, совершенно оригинальная дисциплина — история медицины, организация

¹ *Малиновский И.А.* Университет в сочинениях А. П. Чехова. Томск: Товарищество скоропечатни А.А. Левенсон, 1904. С.25.

медицинской статистики. Однако этому намерению не суждено было осуществиться. Надо отметить, что Чехова, безусловно, увлекала научная деятельность, но он не был ее патриотом в том смысле, что для сосредоточенной рутинной работы он не был готов внутренне, эмоционально.

Во время учебы он убедился, что путь науки, академический путь таит в себе множество интересного. Вникая в тонкости диагностики, он постигал и своего рода азы научной деятельности-существования, в чем видел аналог творчеству. Университетская профессура, университетская среда стала для него во многом идеалом, которому он служил всегда верой и правдой. Оставаясь душой многих сообществ, с которыми сталкивала его судьба, он сближал своих знакомых по законам студенческого братства, мечтая о хорошем журнале, газете или же о традиции Литераторских обедов. Но, возвращаясь к медицинскому, профессиональному, отметим, что для Чехова медицина становилась чем-то вроде лучшей науки, а доктора – людьми лучшей профессии. Вспомним его мягкую отповедь в письме к писательнице Е.М. Шавровой-Юст, в котором Чехов берет под защиту героя ее рассказа «Мертвые люди», старого холостяка, который пахнет как собака. Вспомним, в частности, В.Ф. Снегирева, известного профессора, и его поэтическое отношение к женщине: «...Другой гинеколог, которого я знаю, влюблен в какую-то таинственную незнакомку под вуалью, которую он видел издали. Третий ходит в театр на все первые представления и потом громко бранится около вешалок, уверяя, что авторы обязаны изображать одних только идеальных женщин и т.д.» (П. IV, 273). И Чехов неотступно пеняет Шавровой, что она не различает простые вещи: «...хорошим гинекологом не может быть глупый человек или посредственность. Ум, хотя бы семинарский, блестит ярче, чем лысина, а Вы лысину заметили и подчеркнули, а ум бросили за борт. Вы заметили также <...>, что толстый человек — бррр! — выделяет из себя какой-то жир, но совершенно упустили из виду, что он профессор, т. е. что он несколько лет думал и делал что-то такое, что поставило его выше миллионов людей» (П. IV, 273).

Университет – это форма познания и исследования истины. Он направляет своего питомца по длинному, интересному пути осмысления. Мы изучаем разные специальности в университете, благодаря этому начинаем работать, не имея на первых порах ясного представления о целях и результатах своего труда. Чехов своим литературным трудом и своей медициной словно указывает путь к истине¹. Еще студентом, весной 1883 года, он задумывает научную работу «История полового авторитета», предлагая старшему брату Александру сотрудничество на несколько лет вперед: «Лет через десять будем глазеть на свой бесполезный труд» (С. I, 63-66). Это намерение не состоялось.

В дальнейшем Чехов возвратился к замыслу научной работы, на этот раз диссертационного свойства, о которой стало известно лишь годы спустя после смерти писателя. Исследователи обнаружили рукопись «Врачебное дело в России» (она упоминалась в письмах – (П. X, 145)). В своей книге «Антон Павлович Чехов как врач» В.В. Хижняков также обращается к периоду студенчества Чехова, когда он стремился написать историю врачебного дела в России в качестве своей докторской диссертации².

Чехов собрал внушительную библиографию, накопил массу выписок, обратившись к фольклорным источникам, летописям, истории России и медицины (С. XVI, 277-366, 531)³. Н.Ф. Бельчиков, написавший превосходную статью об этом начинании, постарался показать, насколько близки научные и художественные приемы Чехова, разработанные в его первой несостоявшейся диссертации⁴.

В этой теме для Чехова было много интересного, и, помимо главной темы – истории медицины, он увлекся теледиагностикой. В ответ на просьбу А.С. Суворина Чехов провел небольшое расследование, обосновав «самозванство»

¹ *Малиновский И.А.* Университет в сочинениях А. П. Чехова... С. 25.

² *Хижняков В.В.* Антон Чехов как врач. М.: Медгиз, 1947. С. 6-7.

³ Чехов и его среда / Под ред. *Н.Ф. Бельчикова*. Л.: Academia, 1930. С. 105-133.

⁴ Там же. С. 130-132.

Самозванца в связи с диагнозом «падучая» по отношению к царевичу Дмитрию: «Зарезать себя мальчик мог. Известно ли, какой нож был у него в руках? Но главное – падучая у него была наследственная, которая была бы него и в старости, если бы он остался жив. Стало быть, самозванец был, в самом деле, самозванцем, так как падучей у него не было <...>» (П. IV, 42).

Но и на этот раз работа осталась на стадии незавершенной рукописи. Врачебная практика, совершенно новые тревоги начинающего доктора, семейные заботы и новые запросы жизни и творчества, ставшие итогом университетской учебы и требующие осмысления, отвлекли Чехова. Однако оставленная работа пустила глубокие корни в душе писателя, стремившегося в своей деятельности приносить пользу людям. Впоследствии в рассказах Чехова не раз будет возникать ситуация, в которой герой мечтает об уединенной работе над интересующей его темой (в нововременской версии рассказа «Неприятность» фигурирует «история медицины», в рассказе «Жена» герой стремится занять себя кабинетной работой по истории железных дорог и т.д.).

Ни вполне удачная практика лекаря, ни успешная реализация художественных замыслов (повесть «Степь» и сборник «В сумерках» привели его к Пушкинской премии, пьеса «Иванов» заставила критику говорить о нем, принесла ему славу), ни начало сотрудничества с редакцией «Нового времени», сулившего, как минимум, более высокие заработки, ни открытые теперь для него двери в «толстые» журналы не помогали обрести уверенность в собственной нужности, в том, что его жизнь состоялась. Настроение тоски усугублялось домашней обстановкой, терзавшей его и душевно, и материально. Глядя на своих старших братьев, Александра и Николая, ведущих почти беспутную жизнь, он не мог отделаться от тревожных переживаний в связи со своей нестабильной будущностью. Неустроенная жизнь, помноженная на осознание своей неготовности к чему-то главному, своей «невозмужалости», сеяла в его чувствах апатию и равнодушие.

С горечью он осознает, что сил на оставшуюся жизнь уже не так много: «Что писатели-дворяне брали у природы даром, то разночинцы покупают ценою молодости» (П. III, 133), – и ценою здоровья, необходимо добавить. Слушая кашель Николая за стенкой, Чехов угадывал в себе признаки той же болезни. Смерть брата в Сумах летом 1889-го года привела к кристаллизации замысла, которому Чехов пожертвовал всем, что накопил за пять лет послеуниверситетской деятельности, ради чего оставил литературные труды, нереализованные прозаические и драматургические замыслы, разорвав, правда на время, многие дружеские связи, наделав кучу долгов, чтобы обеспечить семью на время своего отсутствия и т.п. Главное – он жертвовал своим здоровьем и жизнью во имя, если прислушаться к точке зрения Суворина (см. выше), непонятной затеи – отправиться на каторжный остров и изучить его жизнь.

Мысль исследовать тюрьмы, как мы знаем, давно беспокоила писателя. В августе 1887 года, ознакомившись с корректурными листами отчета доктора П.А. Архангельского о лечебницах для душевнобольных¹, Чехов задал своему старшему товарищу и руководителю медицинской практики вопрос, который, судя по всему, родился задолго до этого диалога: «А ведь хорошо бы описать также тюрьмы, как вы думаете?»². Значит, форма «отчета», использованная Архангельским, была отчасти знакома Чехову как доктору по диссертациям Грязнова и Никольского. Мы предполагаем, что это сходство допускает расширение чеховского списка «Литература» (С. XIV-XV, 887-898): его следует пополнить замечательной книгой, с которой писатель впоследствии не раз работал.

После похорон Николая Чехов сначала не понимал, что следует делать, он планировал уехать в Европу, однако мысль о Сахалине пересилила этот слишком

¹ *Архангельский П.А.* Отчет по осмотру русских психиатрических заведений, произведенному по поручению Московского губернского земского санитарного совета врачом Воскресенской земской лечебницы П.А. Архангельским. М.: Типография В.В. Исленьева, 1887. 325 с.

² *Архангельский П.А.* Из воспоминаний об Антоне Павловиче Чехове // Отчет Благотворительного общества при Воскресенской земской лечебнице Звенигородского уезда за 1910 г. М., 1911. С. 31.

очевидный вариант, отвергнутый, возможно, и по соображениям сословного характера: в Европу от внутренних проблем и кризиса бежали дворяне. Чехова влекла идея труда, который мог бы спасти его от разорительного интеллектуального бесплодия. Путешествие на Сахалин сделало бы его взрослым, состоявшимся мыслителем, независимым в новых, крайне непростых, партийных условиях конца 1880-х – все сгущавшейся тенденции «безвременья».

Чехов показал себя великим мастером литературной пародии, комики, высмеивания в годы дебюта в «тонких» и иллюстрированных изданиях. Но для этого не нужна была такая серьезная работа над языком, к какой писатель пришел после поездки на Сахалин, мучительно выбирая повествовательный тон. Как известно, определенный стимул в этом выборе он нашел в очерках Г.И. Успенского «Письма с дороги», «Один на один» (С. XIV-XV, 766, 768-772, 846-847). В юморесках не происходило преобразование вещи (явления), которая как бы копировалась средствами языкового комизма.

Серьезная работа над собой и поиск общественно значимой темы начались на медицинском факультете. Начались, возможно, со знакомства с диагностикой и формами ее литературной фиксации. Но для этой работы не доставало опыта, мужества, знаний. Так был отложен замысел «Рассказа неизвестного человека» (в 1893 г. Чехов признавался в письме к издательнице Л.Я. Гуревич, что начал эту повесть 5-6 лет назад и «бросил» (П. V, 211), поскольку не собирался публиковать), повести «Дуэль» и, вероятно, нескольких пьес, так и оставшихся в планах писателя, верившего пока только в хороший водевиль.

Сознавая свой долг по отношению к медицине, Чехов при этом стремился реализовать новые знания в жизни.

Несмотря на то, что медицина и литература, как замечал шутливо Чехов, вовсе не родственницы, важно, что апелляция к таким методам медицинского исследования, как клиническое наблюдение, исследования, лабораторные

исследования и т. д., практически бесценна не только для медика. В области социальных наук, включая литературу, практика изучения реальности – это незаменимый спутник любого анализа социальности.

Движимый этими идеями, Чехов, несмотря на чухотку и опасности долгого пути, решил на свой страх и риск отправиться на Сахалин, чтобы исследовать содержание преступников там. В 1895 году вышла его книга «Остров Сахалин», в которой подробно исследуются болезни, заболеваемость, состояние здоровья каторжных и ссыльнопоселенцев, их содержание, телесные наказания в тюрьмах, общую моральную обстановку каторги. Можно предположить, что таков итог работы писателя над идеями, захватившими его сознание в студенческие годы.

1.3 Медицинский дискурс в художественной прозе А.П. Чехова

Боль и смерть – две главные темы литературы, тесно связанные с жизнью человека и страданием. Болезнь относится к числу жизненных испытаний. В принципе, у каждого человека есть такой опыт, только он различается по степени тяжести. Сам Чехов страдал от болезней, однако они не помешали ему работать и продолжать свой творческий путь. Они стали его оружием в разоблачении социальных недугов и искажений человеческой природы. В его публицистике рассматриваются отклонения от социальной справедливости и заболевания каждого отдельного человека, он последовательно размышляет о жизни человека и его взаимоотношениях с обществом.

Известно, что еще в 1884 году, когда 24-летний Антон Чехов оканчивал медицинский факультет университета, он почувствовал себя очень плохо. Позже, в 1888-м, он писал Суворину о своем кровохарканье: «Оно было обильно. Кровь текла из правого легкого. После этого я раза два в год замечал у себя кровь, то обильно текущую, т.е. густо красящую каждый плевок, то не обильно <...> Каждую зиму, осень и весну и в каждый сырой летний день я кашляю. Но всё это

пугает меня только тогда, когда я вижу кровь...» (П. III, 28). 15 июля 1904 года Чехов ушел из жизни в Германии из-за очередного обострения болезни. Очевидно, что физическое здоровье Чехова на протяжении его творческого пути было совсем скверное. В письме к Н.А. Лейкину он сообщал: «Вот уже три дня прошло, как у меня ни к селу ни к городу идет кровь горлом... Три дня не видел я белого плевка, а когда помогут мне медикаменты <...> сказать не могу» (П. I, 136). С одной стороны, писатель страдает от болезней и болей, а с другой, испытывает тревогу по поводу будущего. И в своих произведениях автор размышляет о болезни и смерти.

Среди сотен рассказов, опубликованных Чеховым, врачи не раз выступают в качестве рассказчика, главного героя или важного действующего лица. Эти рассказы напрямую связаны с темой медицины. В некоторых произведениях затрагивается медицинская тематика, а иные не имеют к ней никакого отношения, но, помимо этого, в них затрагиваются вопросы идентичности, эмпатии, травм и катарсиса.

Критики отмечают влияние медицинского образования и опыта Чехова на его творчество. Известный американский писатель и историк Джеймс Лолин предполагает, что медицинская деятельность придает рассказам Чехова врачебный колорит¹. К примеру, в повести «Скучная история» заслуженный профессор Николай Степанович показан страдающим от грудной жабы. На склоне лет он уже далек от своих студентов и даже от своей семьи. На грани жизни и смерти он переживает нечто похожее на утрату человечности. Он не может испытывать сочувствие и ощущать доброту других и не в состоянии платить им тем же. По мере развития сюжета Николай Степанович описывает свое ухудшающееся здоровье, как историю болезни: «... когда я сам ставлю себе диагноз и сам лечу себя, временами я надеюсь, что меня обманывает мое невежество, что я ошибаюсь и насчет белка и сахара, которые нахожу у себя, и

¹ James N. Loehlin. The Cambridge Introduction to Chekhov // Part of Cambridge Introductions to Literature. 2021. B. 30. S. 7.

насчет сердца, и насчет тех отеков, которые уже два раза видел у себя по утрам» (С. VII, 290). Он перемежает свои размышления такими фразами, как «мне отлично известно, что проживу я еще не больше полугода» или «мне почему-то кажется, что я сейчас внезапно умру» и т.д. (С. VII, 300).

Мысль обратиться к врачу («...не полечиться ли у кого-нибудь из товарищей?»), понимает герой, не приведет ни к чему: «И тотчас же я воображаю, как товарищ, выслушав меня, отойдет молча к окну, подумает, потом обернется ко мне и, стараясь, чтобы я не прочел на его лице правды, скажет равнодушным тоном: "Пока не вижу ничего особенного, но все-таки, коллега, я советовал бы вам прекратить занятия"... И это лишит меня последней надежды» (С. VII, 290). В конце рассказа герой осознаёт, что ему все безразлично. Он тщательно обдумывает те вещи, которые были важны для большинства людей, или те, которые были важны для него самого в прошлом, – наука, литература, драматургия, семья, студенты, – и понимает, что сейчас все это для него бессмысленно, что его жизнь пуста. Николай Степанович не может вылечить себя и не может избавиться не только от болезни или старения, но и от пустоты в своей жизни.

Английский учёный Джефферсон Гэтрел анализирует этот рассказ, пытаясь найти в нем медицинский подтекст, в особенности постановку диагноза, описанные физические проявления, такие как комментарии о белке или комментарии персонажа о мимическом тике и пульсирующем оглушении. Он также учитывает психологическое состояние, поскольку «печаль, апатия и уныние часто наблюдаются на терминальных стадиях диабета»¹. Он также отметил, что Чехов не просто ставит клинический диагноз, но и исследует «субъективное болезненное испытание» персонажа.

¹ *Gatrall J.A. The Paradox of Melancholy Insight: Reading the Medical Subtext in Chekhov's «A boring story» // Anton Chekhov: Modern Critical Views. N. Y., 2009. P. 55.*

А в рассказе «Случай из практики» юная девушка, дочь владелицы фабрики, вероятнее всего, больна от нервов. Поначалу ординатор Королев не вызывает у читателя сочувствия. Он проводит беглый осмотр своей пациентки и говорит, что все в порядке, и ей следует только отдыхать. Когда пациентка Лиза начала плакать, Королев стал по-другому относиться к ней. В рассказе говорится о восприятии врача: «он видел мягкое страдальческое выражение, которое было так разумно и трогательно, и вся она казалась ему стройной, женственной, простой, и хотелось уже успокоить ее не лекарствами, не советом, а простым ласковым словом» (С. Х, 77). Похоже, что у врача появляется сочувствие, но его профессиональная подготовка держит его на расстоянии. Королев хочет поскорее уйти, но всё-таки остаётся у них.

Когда Королев, думая, что с Лизой случился "припадок", выходит проверить состояние ее здоровья, но не может сделать никаких выводов и спрашивает: «как вы себя чувствуете?», – она отвечает: «Благодарю вас», – таким тоном, словно раньше она не встречала такой заботы к себе. Королев разговаривает с Лизой, обсуждая её чувства и одиночество: она несчастлива в положении владелицы фабрики и богатой наследницы, не верит в свои права. Королев говорит ей, что у неё почтенная бессонница и это хороший признак, так как это означает, что её мучает совесть по поводу социальной ситуации, он обещает, что все будет решено: «Хорошая будет жизнь лет через пятьдесят, жаль только, что мы не дотянем. Интересно было бы взглянуть» (С. Х, 85). Несмотря на то, что это терапевтически бесполезно, разговор успокаивает Лизу. Она выглядела счастливой на следующее утро. Лечение врача дало успешные результаты, потому что Чехов подчеркивает ценность эмпатии. Врач не просто осматривает Лизу и игнорирует её медицинский симптом как планирует в начале, а подходит к ней по-человечески. Поскольку главный герой в этом рассказе – врач и его действия противоречат всем его клиническим наклонностям, рассказ демонстрирует преобразующую ценность эмпатии и возвращает теме медицинский колорит.

Творчество Чехова вызывает особый интерес у медиков. Многие его произведения объединены рамками медицинской темы, в том числе «Спать хочется» (1888), «Припадок» (1889), «Палата №6» (1892), «Чёрный монах» (1894), «Человек в футляре» (1898) и т.д. «Развитие "болезни" как темы в художественных произведениях Чехова 1890-х гг. можно наблюдать во многих рассказах этого периода»¹. В таких произведениях мы обнаруживаем, что он мог поднимать эту тему как средствами публицистики, научной прозы, так и средствами художественной прозы. Можно сказать, что в творчестве Чехова с годами сформировался универсальный медицинский дискурс.

В рассказе «Спать хочется» упоминается молодой доктор, который приезжает домой к семье Степановых, чтобы осмотреть Ефима, отца главной героини Варьки. Молодой доктор пытался подбодрить умирающего, но на месте ничем не может помочь и просит: «Сейчас же поезжай... Непременно поезжай!» (С. VII, 9). С одной стороны, это свидетельствует о его объективности и профессионализме. С другой стороны, это может быть попытка отложить неизбежный исход. Возможно, доктор надеется, что в других условиях, другими методами лечения Ефима можно будет спасти, хотя он и понимает, что шансы минимальны. Это может быть как проявлением его человеческого сострадания, так и профессиональной этики. Осознавая, что ситуация безнадежна, он предпринимает попытку поддержать пациента эмоционально и морально. Таким образом, можем считать, что этот эпизод в рассказе «Спать хочется» раскрывает сложность взаимоотношений между пациентом, врачом и семьей, а также представляет философские и психологические аспекты борьбы с болезнью и приближением к смерти.

В рассказе «Припадок» говорится о студентах, оказавшихся в публичном доме. В письме к А.Н. Плещееву от 13 ноября 1888 года Чехов говорит: «Мне, как

¹ Хаткова И.Н. Психастенический мир А.П. Чехова в повести «Черный монах» // Культура. Духовность. Общество. 2013. С. 80.

медику, кажется, что душевную боль я описал правильно, по всем правилам психиатрической науки» (П. III, 68).

Чехов описывает симптом психического заболевания. Пациенты, страдающие от такого рода расстройств, часто переживают более острый приступ в начале, испытывая волнение, страх и боль в сердце, а скорость мышления и ассоциаций у пациента высокая, так что развитие болезни часто происходит быстро. Как упомянуто в рассказе: «Всё внимание его было обращено на душевную боль, которая мучила его. Это была боль тупая, беспредметная, неопределенная, похожая и на тоску, и на страх в высочайшей степени, и на отчаяние...» (С. VII, 217).

Главный герой рассказа студент Васильев никогда не был в таких местах. По его мнению, проститутки несчастливы, но то, что он видел своими глазами, перевернуло его мир. Проститутки не стыдятся своей порочности, и наряду с этим все окружающие люди уже привыкли к этому, и у каждого на лице выражение безразличия. Все это заставляет Васильева испытывать душевную боль и в результате приводит его к припадку: «Лицо его было бледно и осунулось, виски впали, глаза были больше, темнее, неподвижнее, точно чужие, и выражали невыносимое душевное страдание» (С. VII, 218).

Кроме этого, автор подробно показывает весь процесс движения героя к припадку: «И он пошел назад. Вернувшись домой, он сорвал с себя мокрое пальто и шапку, зашагал вдоль стен и неумоимо шагал до самого утра <...> он в разодранной рубахе и с искусанными руками метался по комнате и стонал от боли» (С. VII, 219). Когда его друзья, художник и медик, пришли навестить, они услышали, что Васильев мучительно стонет: «Ведите меня, куда хотите, делайте, что знаете, но, бога ради, скорее спасайте меня! Я убью себя!» (С. VII, 219). Описание этих состояний героя доказывает, что у Васильева типичный случай психического заболевания.

По мнению Васильева, учеба, наука или искусство не важны, важно то, что в этом мире есть настоящие люди, которые обижены, страдают, грустят, плачут,

просят помощи. Если эта проблема не будет решена, то нет смысла жить. Сердце Васильева исполнилось невыносимой жалости к себя и своим друзьям, тем, кого он видел позавчера: «Порок есть, - подумал он, - но нет ни сознания вины, ни надежды на спасение...» (С. VII, 212).

Таким образом, в рассказе «Припадок» затрагивается конкретное душевное состояние, по отношению к нему выносятся диагнозы, в диалогах доктора Михаила Сергеича с Васильевым мы можем видеть растерянность и бессилие рационального подхода клинической медицины перед лицом психического недуга. Михаил Сергеич пытается объяснить безумие Васильева с генетической точки зрения, включая расспросы о психическом здоровье членов его семьи, личностных чертах и привычках жизни: «Он спросил, не был ли отец Васильева болен какими-нибудь особенными болезнями, не пил ли запоем, не отличался ли жестокостью или какими-либо странностями. То же самое спросил о его деде, матери, сестрах и братьях <...> Далее доктор спросил, не было ли у Васильева в молодости каких-либо тайных пороков, ушибов головы, увлечений, странностей, исключительных пристрастий» (С. VII, 220). Все это является клиническими методами биологической психиатрии. Во времена Чехова изучение наследственности стало одним из приемов исследования болезненности.

Повесть «Палата № 6» является одной из самых значительных в творчестве Чехова. Вне сомнения, она стала результатом его исследования сахалинских барачников, в которых условия содержания каторжных оказались бесчеловечными. Чехов говорил со многими заключенными и своими глазами видел дикие условия труда и содержания в острогах, разложение нравственности, неспособность законов, жестокие наказания – мрачную атмосферу на острове.

В повести изображается порочная медицинская система, которая не может ни адаптироваться к ситуации душевного заболевания, ни оказать вспоможение таким больным. Рассказчик в этой повести вводит читателей в мир, который редко замечают и от которого хотят отстраниться, поэтому он использует

местоимение второго лица, чтобы усилить ощущение вовлеченности. Таково, например, описание больничного флигеля, у которого «особый унылый, окаянный вид»: «Если вы не боитесь ожечья о крапиву, то пойдемте по узкой тропинке, ведущей к флигелю, и посмотрим, что делается внутри» (С. VIII, 72). Рассказчик много раз меняет ракурс изображения по ходу повествования, иногда описывая события с внешней точки зрения, а иногда раскрывая мысли персонажа, его переживания. Эта сложная повествовательная перспектива подчеркивает трудность положения врачей и пациентов. В произведении это анализируется не только физически, но и психически. Доктор Андрей Ефимыч Рагин был направлен в эту больницу, похожую на тюрьму, должен был работать с больными. Пациенты были описаны не только как "сумасшедшие", описания условий их жизни свидетельствовали о том, как плохо с ними обращались: «В комнате стоят кровати, привинченные к полу. На них сидят и лежат люди в синих больничных халатах и по-старинному в колпаках» (С. VIII, 73).

Сторож Никита ищет любую возможность, чтобы эксплуатировать пациентов. Один из них, Иван Дмитрич Громов, пережил ряд жизненных испытаний, которые расшатали его физическое здоровье. Его старик-отец был отдан под суд за подлоги и растраты, а брат заболел скоротечною чахоткой и умер. Вскоре после этого скончалась и его мать, и Громов оставил службу. Однако он был далек от того, чтобы просто стать "сумасшедшим", так как «болезненный вид и семейные несчастья внушали хорошее, теплое и грустное чувство; к тому же, он был хорошо образован и начитан, знал, по мнению горожан, всё...» (С. VIII, 76).

Сторож жестоко бьет его, но, несмотря на это, Громов всё-таки сочувствует другим и признает несправедливость, от которой страдают другие пациенты. А вот доктор Рагин мало интересовался пациентами и методами их лечения. Он быстро приходил в утомление от одних размышлений о своей работе. Так и не привыкший к суровым условиям больницы и занимающийся делами исподволь,

нехотя, он старался свести к минимуму свое участие. Когда медицинский персонал мучал пациентов, он закрывал на это глаза, это не вызывало в нем никаких эмоций. Зато он с охотой проводил много времени в одиночестве.

Рагин часто думает о том, что в пациенты страдают не только от болезней, но и от физической нечистоты, равнодушия персонала, совесть мешает ему спать, поэтому ему приходится игнорировать некоторые жизненные ситуации: «В отчетном году было обмануто 12 000 человек; всё больничное дело, как и 20 лет назад, построено на воровстве <...> на грубом шарлатанстве, и больница по-прежнему представляет из себя учреждение безнравственное и в высшей степени вредное для здоровья жителей» (С. VIII, 91).

Рагин обращает внимание на ужасное медицинское прошлое. Он оглядывается на то, что произошло с момента его обучения, и думает о будущем этой отрасли – ему отлично известно, что за последние 25 лет с медициной произошла большая перемена. Во время его учебы ему казалось, что медицина вскоре достигнет небывалых научных высот, потому что уже сейчас ее открытия воодушевляют. И «психиатрия <...> с ее методами распознавания и лечения — это <...> целый Эльбрус» (С. VIII, 92). С одной стороны, согласно внутреннему монологу Рагина, современная медицина кажется полной огромного потенциала, при этом включая и лечение психических недугов. С другой стороны, история болезни и текущая медицинская практика в сельской местности значительно отстают от потребностей общества, реальность демонстрирует иное. В монологе говорится о бесчеловечности и отсталости деревенской среды, критикуется очень медленное распространение медицинской помощи в сельской местности.

Из-за сомнений коллег в его здравомыслии и профессиональных способностях Рагин уединяется и становится уязвимым. Однажды его отправляют на осмотр, и он вяло подчиняется этому, думая, что его вызвали лечить пациента, но уездный врач Евгений Федорыч Хоботов отвозит его в больницу и отправляет в палату № 6, в результате чего врач становится пациентом. Невероятное

происшествие протекает в повести тихо и спокойно, словно ничего не происходит.

Больничная роба не нравится Рагину, она плохо пахнет. У него отобрано всё его имущество: часы, папиросы и записная книжка. Его разместили в одной палате с его бывшим пациентом Громовым. Рагин был убежден, что это какое-то недоразумение, но всё-таки слова Громова сбылись: «То вы пили из людей кровь, а теперь из вас будут пить. Превосходно!» (С. VIII, 121). Рагин с трудом приспосабливается к новой роли психопата. Однажды Никита избил его: «Было страшно. <...> он с ужасом ждал, что его ударят еще раз. Точно кто взял серп, воткнул в него и несколько раз повернул в груди и в кишках. <...> Он не знал, не имел понятия о боли, значит, он не виноват, но совесть <...> заставила его похолодеть от затылка до пят» (С. VIII, 125).

Чехов критикует неучастие Рагина в попытках изменить ситуацию и его непонятно откуда взявшуюся привычку к сибаритству, в результате чего Рагин умер от апоплексического удара. С его телом обращались грубо, и только два человека присутствовали на его похоронах. О нем почти сразу забыли, так как у него не было никакого места в жизни, он не произвел никакого впечатления и не осуществил никаких полезных изменений. Рагин не способен действовать, тем более что-либо поменять, у него также отсутствует мотивация сделать что-либо существенное. В этом бездействии и странной метаморфозе от врача к пациенту Чехов разоблачает злоупотребления всей медицинской системы.

А в рассказе «Черный монах» в основном описывается история магистра Андрея Васильича Коврина, «утомившегося и расстроившего нервы», который встретил легендарного черного монаха во время своего визита в деревню к старым знакомым. И в результате он обнаруживает, что монах является лишь продуктом его воображения, и это ведет его к моральной и физической гибели.

Настоящим началом в развитии сюжета становится момент, когда дочь владельца фруктового сада Таня Песочная разучивает серенаду Гаэтано Брага,

текст которой привлекает Коврина. Он наслаждается словами и считает священной песню, в которой говорится, как «девушка, больная воображением, слышала ночью в саду какие-то таинственные звуки, до такой степени прекрасные и странные, что должна была признать их гармонией священной, которая нам, смертным, непонятна и потому обратно улетает в небеса» (С. VII, 233). В указанную ночь Коврин один выходит в широкое поле, где встречается с черным монахом, о котором он целый день думал: «Монах в черной одежде, с седою головой и черными бровями, скрестив на груди руки, пронесся мимо...» (С. VII, 234). Эта картина волнует Коврина и делает его счастливым. Он с азартом делает предложение Тане и какое-то время живет, переживая высокие побуждения.

Черный монах появляется несколько раз позже и беседует с Ковриным о философии, идеалах ученого, вечной жизни и истине и др. Эти диалоги также перекликаются с дальнейшей судьбой Коврина. Однажды в полночь, когда Коврин обсуждает с черным монахом вопрос о счастье, проснувшаяся жена видит своего мужа обращающимся к креслу и понимает, что он болен: «Таня <...> с изумлением и ужасом смотрела на мужа. Он говорил, обращаясь к креслу, жестикулировал и смеялся: глаза его блестели и в смехе было что-то странное» (С. VII, 248). Это единственное описание проявления болезни у Коврина.

Кроме того, черный монах беседует с Ковриным по поводу популярного тезиса «гений сродни умопомешательству». Они говорят о здоровье и патологии, гениальности и сумасшествии. Эти темы могут быть социальными явлениями, они занимали Чехова в то время, хотя он и отрицал какой-то особый интерес к психиатрии. Однако нам известно о его регулярных встречах с докторами в лечебнице доктора В.И. Яковенко в селе Покровском-Мещерском в период его мелиховского существования (см., н-р, П. V, 296, 350).

Во время лечения Коврина лекарство подавило негативные проявления, черный монах перестал появляться, и герой вернулся к повседневной реальности. Но он не может вынести такую жизнь, из-за чего обижается на всех своих окружающих родственников, уходит от Тани. А когда Таня возвращается в

деревню, ей ждёт смерть отца и гибель сада. Разочарованная, она обвиняет Коврина во всех несчастиях: «убитая горем Таня в своем письме проклинала его и желала его гибели» (С. VII, 255). Прочитав это письмо, он рвет его и бросает в окно, и в это время он вдруг слышит ту, вероятно, знакомую и таинственную серенаду, которую когда-то тоже пели два «нежных женских голоса». Черный монах, как в первый раз, появился в бухте и пришел к нему, однако осознание миража и собственной болезни привили Коврину убеждение, что он больше не может испытывать такое счастье, какое испытывал с приходом монаха: «кровь текла у него из горла прямо на грудь, и он, не зная, что делать, водил руками по груди, и манжеты стали мокрыми от крови» (С. VII, 257). Он хочет попросить Варвару Николаевну о помощи, но зовет Таню. Когда он умирает, на его лице появляется счастливая улыбка – это счастье, о котором он говорил с монахом. Этот момент совпал с тем, когда Таня обнаружила болезнь Коврина.

Этот рассказ полон размышлений о жизни и суетности, здоровье и болезни, счастье и смерти. В рамках "медицинского" контекста автор усиливает несколько жестокую сатиру на претенциозных интеллектуалов, но упрекает и тех, кто близок к больному, считается родным для него человеком, но не может проявлять милосердие к нему. Создание этой сатиры проистекает из медицинского диагноза "мираж", вызванный "болезнью": «Не предлагая конкретного решения проблемы, писатель актуализирует ее и предельно обостряет»¹.

Сам Чехов называет рассказ медицинским, объясняя, что в нём изображается клиническая картина мании величия². Коврин начинает с эмоционального напряжения и возбуждения, переживая затем галлюцинации и фантомные состояния, беседуя с миражом. Хотя после медикаментозного лечения фантомы героя исчезают, он становится психически вялым, словно устает от реальности и испытывает тоску по себе в прошлом: «В романсе, который пели внизу,

¹ Одесская М.М. «Не следует мешать людям сходить с ума»: медико-социальный и художественный дискурсы в повестях А.П. Чехова «Палата № 6» и «Черный монах» // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 6. Ч. 2. С. 222.

² Жидкова Ю.Б. Функционирование медицинских терминов в рассказах А.П. Чехова // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. № 2 (Ч. 2). С. 84.

говорилося о какой-то девушке, больной воображением, которая слышала ночью в саду таинственные звуки и решила, что это гармония священная, нам, смертным, непонятная... У Коврина захватило дыхание, и сердце сжалось от грусти, и чудесная, сладкая радость, о которой он давно уже забыл, задрожала в его груди <...> Коврин уже верил тому, что он избранник божий и гений...» (С. VII, 256-257). Эти описания состояния психологической эволюции не только соответствуют синдрому шизофрении, но и описаны реалистично и естественно, чтобы создать эффект двойственной темы – медицинской, с одной стороны, художественно-романтизированной – с другой.

А в рассказе «Человек в футляре» главный герой Беликов является воплощением болезненности, его неуклюжесть и нелепость, бытовая нескладность и незащищенность в полной мере показывают нарушение функции его органов чувств и девиации в его мышлении. Главным проявлением болезни Беликова является "мания футляра".

Беликов любит помещать всё, что у него есть, в чехол: «И зонтик у него был в чехле, и часы в чехле из серой замши, и когда вынимал перочинный нож, чтобы очинить карандаш, то и нож у него был в чехольчике; и лицо, казалось, тоже было в чехле...» (С. X, 43). Кроме этих осязаемых чехлов, существуют и невидимые: «И мысль свою Беликов также старался запрятать в футляр» (С. X, 43). Правда, в этом случае рассказывающий о своем товарище Буркин вступает в зону неизвестного и явно огрубляет предмет осмысления. Беликов, сказано, рассматривает правительственные постановления, указы и все распоряжения как свои футляры, опасаясь, что они будут изменены, а значит, нарушены.

Таким образом, у Беликова развивается инстинкт самосохранения. Он боится, что другие повредят его увлечениям и завладеют его вещами. Поэтому он всегда старается использовать "футляр", чтобы защитить свое пространство.

Чехов с помощью подробных описаний ярко изображает патологическое явление футляра в сознании Беликова: «Если кто из товарищей опаздывал на молебн, или доходили слухи о какой-нибудь проказе гимназистов, или видели

классную даму поздно вечером с офицером» (С. X, 43), – это вызывает у него волнение и уныние, и его соображения не позволяют ему игнорировать нарушения правил.

Болезнь Беликова заключается в том, что нормальные явления в жизни он расценивает как отклоняющееся от нормы поведение. Поэтому у него излюбленное словечко "как бы чего не вышло". Например, с точки зрения Беликова, преподавателям гимназии и женщинам ездить на велосипеде не прилично. Таким образом, он является патологическим интеллектуальным образом, созданным Чеховым. С точки зрения социальной психологии, "фобии" Беликова обусловлены перманентным риском, что правила и нормы диктаторского общества будут нарушены.

Беликов использует футлярные конструкции, пытаясь контролировать всё, это удовлетворяет его социальным потребностям, но в результате он не получает заслуженного чувства принадлежности к сообществу, лишен настоящей дружбы и любви. Поэтому его потребности в товариществе, которые он навязывал коллегам, и желание любви не были удовлетворены, его болезненная психология породила неожиданные, хотя внешне и вполне предсказуемые последствия, то есть чем больше росли его страхи, чем больше он полагался на футляр, не сомневаясь в его разумности, тем в более страшном тупике оказывался.

В рассказе много противоречивых фактов: «Под влиянием таких людей, как Беликов, за последние десять-пятнадцать лет в нашем городе стали бояться всего. Бояться громко говорить, посылать письма, знакомиться, читать книги, бояться помогать бедным, учить грамоте» (С. X, 44). Это утверждение лишь кажется разумным, и присущие ему противоречия вскрывают непоследовательность Буркина, так как такой человек, как Беликов, не имеющий власти и влияния, не может обладать способностью ввергнуть весь город в ужас. Более противоречиво то обстоятельство, что Беликов и сам испытывает разнообразные страхи: «И ему было страшно под одеялом. Он боялся, как бы чего не вышло, как бы его не зарезал Афанасий, как бы не забрались воры, и потом всю ночь видел тревожные

сны, а утром <...> было видно, что многолюдная гимназия, в которую он шел, была страшна, противна всему существу его и что идти рядом со мной ему, человеку по натуре одинокому, было тяжело» (С. X, 45). Кроме того, хотя он и считает, что циркуляры ясны и понятны, он всегда настроен скептически, полагая, что они содержат элементы, вызывающие у людей отрицание, а значит, нуждаются в усовершенствовании. Все упомянутые необоснованные противоречия перекликаются с алогичным поведением Беликова, которое является следствием внутренней борьбы и патологии, как и в случае с женой старосты Прокофия Маврой.

В рассказе Чехов фиксирует экстремальные состояния, чтобы провести глубокое исследование психологии Беликова, и это позволяет нам увидеть волю героя придерживаться модели "футляра". Автор позволяет Беликову пережить и любовь. Человек в футляре, все поведение которого показывает, что он не может быть близким к людям и установить с ними контакт, внезапно обнаруживает интерес к Вареньке, жизнерадостной, оптимистичной – полной противоположности по отношению к Беликову.

После этого автор использует инцидент с карикатурой и велосипедом, чтобы углубить сюжет и проверить принцип беликовской "футлярности". Каждый из этих эпизодов затрагивает его принципы: «Карикатура произвела на него самое тяжелое впечатление <...> он зеленый, мрачнее тучи» (С. X, 49). В результате он случайно упал с лестницы во время спора с Коваленко, и как раз это увидела Варенька и с нею две дамы, которые посмеялись над ним. Беликов, медленно восстанавливающийся после этого инцидента, становится психически совершенно хрупким, в его голове снова усиливается страх, «как бы чего не вышло». Каждый эпизод дестабилизирует его, углубляет его переживание страха, заставляет стать чрезвычайно нервным и в результате сводит в могилу.

Выведите героя из обычного русла и взгляните в его внутренний мир. В процессе истории герой может измениться, но может остаться прежним, как Беликов. «Страшны не внезапные резкие перемены в человеческой судьбе —

страшна, напротив, жизнь, которая совсем не меняется, в которой ничего не происходит, в которой человек всегда равен себе»¹. Футляр Беликова исчезает с его смертью, но для тех, кто остается в этом мире, такой футляр существует все время, и в этом и состоит замысел Чехова, пытающегося использовать смерть для критики бесчеловечности и неразвитости общества.

Симптомы психического заболевания анализируются во многих произведениях Чехова. Мы рассмотрели лишь три, в которых медицинская ситуация несколько доминирует, а не просто тематизирована. В рассказе «Припадок» студент юридического факультета Васильев демонстрирует очевидное паническое расстройство, его состояние проявляется в виде специфических психических и физических потрясений. В повести «Черный монах» писатель уделяет больше внимания зыбкой границе между гением и сумасшедшим. Беликов в рассказе «Человек в футляре» страдает тревожным расстройством. Все герои – либо Васильев, либо Коврин, либо Беликов – являются воплощением не только медицинского диагноза, но непременно демонстрируют сгусток социальных проблем того времени. В прозе А.П. Чехова эти персонажи воссоздают ментальность тогдашнего общества и, следовательно, являются объектами, которые необходимо изучать в перспективе социальной медицины и гигиены.

Как пишет В.Б. Катаев в своей книге «Проза Чехова: проблемы интерпретации»: «Чехов-писатель обязан медицине такими особенностями своего метода, как естественнонаучный материализм, объективность, наблюдательность. <...> Чехов, как никто до него в русской литературе, мог в своих произведениях квалифицированно осветить симптомы болезни героя и ее ход»².

Связь между литературой и медициной особенно заметна при чтении произведений врачей и писателей, подобных Чехову. Как пишет в своей книге

¹ Сюй Лэ. Творчество Чехова и современное значение русской мысли. Пекин: Китайское издательство общественных наук, 2018. С. 25.

² Катаев В.Б. Проза Чехова: проблемы интерпретации. М.: Изд-во МГУ, 1979. С. 125.

«Врачи Чехова: Сборник рассказов Чехова о медицине» Джек Коулхэн: «Чехов не испытывал конфликта между искусством и наукой или искусством и медициной. Он считал, что знание одного дополняет другое»¹. В книге отражена продуктивность Чехова и его размышления о медицине – не только в обследовании и лечении пациентов, но и в решении проблем общественного здравоохранения.

Такой взгляд на себя и других с точки зрения врача Чехов трансформирует в эмпатию с точки зрения пациента. В разговоре со своим старым другом Г.И. Россолимо, обсуждая эту тему, Чехов формулирует новый взгляд на пациентов, и можно сказать, что он предсказал сегодняшнее направление медицинских гуманитарных наук – «Вот я страдаю, например, катаром кишок и прекрасно понимаю, что испытывает такой больной <...> Если бы я был преподавателем, то я бы старался возможно глубже вовлекать свою аудиторию в область субъективных ощущений пациента <...> это студентам могло бы действительно пойти на пользу»². Этот метод завершается в своем становлении именно в сибирско-сахалинском моменте биографии писателя, когда он вынужден был говорить о любой проблеме (закона, власти, устройства местной жизни, человеческих взаимоотношений) с точки зрения доктора.

Чехов использует свою уникальную проницательность для наблюдения за сложными жизненными ситуациями и фокусируется на решении медицинских проблем. Это показывает интерес Чехова к лечению. Врачи должны не только лечить болезни, но и лечить пациентов. Эмпатия, по крайней мере, так же важна, как клинические навыки и ловкость врача, эмпатия понимается как способность распознавать боль других и исцелять, это и является критерием человечности. Вопрос о сопереживании имеет и художественную основу и, на наш взгляд, требует обращения к проблематике сентиментализма.

¹ Coles R., Coulehan J. Chekhov's Doctors. A Collection of Chekhov's Medical Tales / Ed. by R. Coles. Foreword by J. Coulehan. Kent, OH: Kent State UP, 2003. P. 199.

² А.П. Чехов в воспоминаниях современников / Сост., подгот. текста и коммент. Н.И. Гитович; Вступ. ст. А.М. Туркова. М.: Худож. лит., 1986. С. 436.

В центре рассказа «Тоска» (1886) мысль автора о человечности героя и его способности переживать. Это напоминает пафос карамзинской повести «Бедная Лиза» и заставляет думать, что демократизм Чехова носит отчасти литературный характер. Все диалоги извозчика Ионы заканчиваются одним результатом и усугубляют одиночество бедного городского пролетария. Чехов не скупится на трогательные подробности и решается даже сделать лошадку слушателем человека. Здесь можно предположить будущий сюжет «Каштанки» (1887).

В финале рассказа «Мечты» (1886) дана такая же, как нам кажется, именно сентименталистская по своей художественной природе, сцена. Когда сотские, конвоирующие бродягу в судебное присутствие, неожиданно осознают несбыточность его надежды и грубо, прямолинейно высказывают это убеждение, мы видим неприятную картину страдания героя: «Непомнящий родства с ужасом глядит на строгие, бесстрастные лица своих зловещих спутников и, не снимая фуражки, выпучив глаза, быстро крестится... Он весь дрожит, трясет головой, и всего его начинает корчить, как гусеницу, на которую наступили... <...> Через минуту путники уже шагают по грязной дороге. Бродяга еще больше согнулся и глубже засунул руки в рукава» (С. V, 403). Данный синтетический образ не единственный в рассказе: он завершает развитие мотива, введенного в сюжет во вступлении, где показана такая же некрасивая природа: «сажен пять грязной, черно-бурой дороги, позади столько же, а дальше, куда ни взглянешь, непроглядная стена белого тумана. Они идут, идут, но земля всё та же, стена не ближе и клочок остается клочком. Мелькнет белый, угловатый булыжник, буерак или охапка сена, оброненная проезжим, блеснет ненадолго большая мутная лужа, а то вдруг неожиданно впереди покажется тень с неопределенными очертаниями; чем ближе к ней, тем она меньше и темнее, еще ближе — и перед путниками вырастает погнувшийся верстовой столб с потертой цифрой или же жалкая березка, мокрая, голая, как придорожный нищий. <...> А там опять туман, грязь, бурая трава по краям дороги. На траве виснут тусклые, недобрые слезы. Это не те

слезы тихой радости, какими плачет земля, встречая и провожая летнее солнце...» (С. V, 396).

В жестоком рассказе «Спать хочется» (1888), помимо внимательного и предельно детализированного изображения физического состояния героини, Чехов бомбардирует читателя особенной цветовой гаммой, заставляя его ощутить страдания девочки. Такая палитра довольно редкая для чеховской поэтики. Похожий пример можно найти только в рассказе «Гусев» (1890), который, по нашему мнению, завершает досахалинский этап творчества писателя, хотя хронологически и был начат им на обратном пути, в Индийском океане. Жалость к бедному солдатику проникает в сердце читателя тем легче, чем грубее звучит обличительная брань Павла Ивановича и чем сильнее муки самого героя, умирающего от чахотки. Этот автобиографический момент очень живописно подчеркнут пейзажем в сцене морских похорон. Пейзажная зарисовка в «Гусеве» представляет собой невероятный по живописности случай описания, равного которому в чеховской прозе найти, наверное, невозможно.

В целом, число таких примеров достаточно показательно для поэтики Чехова, переживающего художественную метаморфозу в середине 1880-х гг. Повесть «Степь» в этом отношении может рассматриваться как манифест Чехова-сентименталиста. Она собирает все названные выше особенности: и характерные описания природы степи, которые отличаются не только конструктивно (использованием точки зрения наблюдателя, наделенного особым зрением), но и палитрой пастельного типа, в оттенках и цветах которой доминирует световое «решение». Это, пожалуй, единственное художественное начало, которое сохраняется в творчестве Чехова 1890-х, и оно, скорее всего, не может рассматриваться как наследие поэтики сентиментализма, следы которой в зрелой прозе Чехова, после «Острова Сахалин», становятся едва заметными.

В 1890 году Чехов отправился на остров Сахалин и стал свидетелем жестоких домогательств, эксплуатации либо вопиющего равнодушия по

отношению к каторжникам и поселенцам со стороны военной администрации и чиновников. Он постарался зафиксировать суровость социальных условий, тем самым приближая сахалинскую действительность к российской социальности, опираясь на медицинские критерии анализа. В документальном тексте он выражает сострадание к безымянным героям книги непосредственно, тогда как в форме художественной он делал это через систему образов.

Чехов никогда не объявлял о цели своего путешествия, а такой фразой, как «хочется вычеркнуть из жизни год или полтора» (П. IV, 15), в письмах к друзьям пользовался как отговоркой. Путешествие Чехова на Сахалин можно рассматривать как физический и духовный труд. И.Л. Леонтьеву (Щеглову) Чехов пишет: «Если критика, на авторитет которой Вы ссылаетесь, знает то, чего мы с вами не знаем, то почему она до сих пор молчит, отчего не открывает нам истины и непреложные законы? Если бы она знала, то, поверьте, давно бы уж указала нам путь, и мы знали бы, что нам делать, и Фофанов не сидел бы в сумасшедшем доме, Гаршин был бы жив до сих пор, Баранцевич не хандрил бы, и нам бы не было так скучно и нудно, как теперь, и Вас не тянуло бы в театр, а меня на Сахалин...» (П. IV, 45).

В 1891-1893 годах Чехов в готовящихся путевых записках «Остров Сахалин» закончил исследование, касающееся заболеваемости каторжников и поселенцев в трех округах острова. В XXIII главе «Болезненность и смертность ссыльного населения», выбирая традиционную для диссертаций на соискание степени доктора медицины тему, он упоминает 44 различных распространенных на каторге заболевания, в том числе туберкулез, сифилис, желудочно-кишечные заболевания, сахалинскую лихорадку, крупозную пневмонию и другие болезни.

Он показывает убыль населения: в 1889 году было зарегистрировано 194 смертельных случая, что составляет 12,5% населения. Но нельзя игнорировать тот факт, что этот коэффициент смертности касается только рабочих возрастов: «при обыкновенных условиях на детские возрасты падает больше половины всех

умерших и на старческий возраст несколько менее четверти, на Сахалине же детей очень немного, а стариков почти нет, так что коэффициент в 12,5%, в сущности, касается только рабочих возрастов» (С. XIV-XV, 386). И этот коэффициент получен за счет ложной отчетной базы, 15 000 жителей – это вдвое больше, чем реальное количество жителей.

Чехов также сделал подробный анализ этиологии болезней в своей книге, например, этиология туберкулёза, при котором устанавливается высокий уровень смертности на острове, до 66%: «неблагоприятных условий жизни в общих тюремных камерах и непосильной тяжести каторжных работ, отнимающих у рабочего больше, чем может дать ему тюремная пища. Суровый климат, всякие лишения, претерпеваемые во время работ, побегов и заключения в карцерах, беспокойная жизнь в общих камерах, недостаток жиров в пище, тоска по родине – вот главные причины сахалинской чахотки» (С. XIV-XV, 363).

Страстная любовь к родине и настоятельное стремление к свободе заставляли ссыльных говорить о Сахалине с презрением. Когда речь заходила о материковой части России и собственной родине, их преданность, любовь и уверенность в себе как бы заставляли собеседников Чехова твердо верить в то, что, когда они туда вернутся, они наконец-то смогут почувствовать себя счастливыми. Для этих каторжных «в России всё прекрасно и упоительно» (С. XIV-XV, 343).

В условиях многолетнего сурового климата и окружающей среды, невыносимого каторжного труда почти все обычные люди, у которых в душе есть хоть малейшее чувство выживания, не могут в отчаянии не рисковать и не попытаться найти выход, чтобы продолжать жить, – и это побег в родину. Таким образом, Чехов неизбежно обращается к изображению психологии заключенных и поселенцев. Показывая их моральное и эмоциональное состояние, Чехов говорит о неизбежности и частотности форм социального протеста, среди которых значительную долю представляет побег. Чехов глубоко исследовал сахалинскую статистику с точки зрения психических заболеваний и может найти

много проблем, заслуживающих изучения. В III главе Чехов говорит об общих принципах своей переписи, а также разъясняет структуру своей карточки-анкеты, как она отражает его интерес к сахалинской бытийности (С. XIV-XV, 66-72). Он также использовал официальные документы каторжной медицины и администрации (С. XIV-XV, 357-369), это были и «Ведомости о приходе и расходе медикаментов в лечебных заведениях гражданского ведомства на о. Сахалине», и метрические книги местной церкви, и «Устав о ссыльных» (С. XIV-XV, 371-372) и мн. др.

А для большинства изгнанников трудность заключается не только в том, что они вынуждены покинуть родные места, но и в том, что в мире, где наиболее сконцентрировано автократическое правление, искажение человеческой природы приобретает максимальные параметры, - все это напоминает: ваш родной город останется недостижим для вас до конца вашей жизни. Таким образом, люди, пережившие ущемление в правах, оказываются в странном промежуточном состоянии. Лишенные чувства принадлежности, они сознательно не адаптируются к новой среде и мнемонически не отделяются от старой, находясь в затруднительном положении. Чехов с печалью говорит: «Вот около сосен плетется беглый с котомкой и с котелком на спине. Какими маленькими, ничтожными представляются в сравнении с громадною тайгой его злодеяния, страдания и он сам» (С. XIV-XV, 36).

Чехов фиксирует черты сахалинской лихорадки (*febris sachaliniensis*), являющейся частым заболеванием на острове: «появлялась она преимущественно в зимние месяцы, выражалась лихорадкою ремиттирующего типа, иногда с появлением *roseola* и общим угнетением мозговых центров, через короткий промежуток времени 5-7 дней лихорадка проходила, и наступало быстрое выздоровление» (С. XIV-XV, 361). Число пациентов, зарегистрированных в отчёте, меньше, чем сотая часть всех случаев, потому что большинство пациентов, как правило, не обращаются за медицинской помощью, а переносят

болезнь на ногах. Большинство заболевших – жители новых поселений, потому что они работают, в основном, в холодную и влажную погоду и остаются на открытом воздухе в тайге. Видно, что, хоть заболевание началось с обычной простуды, из-за несвоевременной медицинской помощи и суровых условий работы переросло в сахалинскую лихорадку. Название болезни, придуманное Чеховым, отражает климат острова, о котором он пишет в начале книги, оспаривая концепцию патриотов каторги¹, создававших образ сахалинского благополучия на основе географических параметров широты. Это название, одновременно, обнажает коррумпированность и бесчеловечность государственного управления, приводящего к стигматизации этой болезни на Сахалине.

Чехов писал А.С. Суворину: «мы сгноили в тюрьмах миллионы людей, сгноили зря, без рассуждения, варварски; мы гоняли людей по холоду в кандалах десятки тысяч верст, заражали сифилисом, развращали, размножали преступников и всё это сваливали на тюремных красноносых смотрителей. Теперь вся образованная Европа знает, что виноваты не смотрители, а все мы, но нам до этого дела нет, это неинтересно» (П. IV, 32). В книге «Остров Сахалин» Чехов делает некоторые выводы, основанные на анализе причин распространения сифилиса. Кроме скопления значительного числа вновь прибывших арестантов и их семейств, войск, ремесленников и всего пришлого населения, приходом судов, одной из важных причин распространения болезни является полное отсутствие санитарного надзора. Хотя в отчете отражены некоторые меры по профилактике и лечению сифилиса, такие как осмотр каторжных, партий, вновь прибывающих на остров, женщин, детей, но даже в районах с небольшим числом поселенцев эти меры не играют никакой роли.

¹ См., например: *Мицуль М. С.* Очерк острова Сахалина в сельскохозяйственном отношении. СПб.: Общедоступ. тип. и лит. А.Е. Ландау и К, 1873.

Писатель в селе Рыковском видит еврея с сифилитической чахоткой, которому не было предложено никакого лечения и осталось только медленно умирать. В книге также названа причина, по которой фиксируется высокий уровень заболеваемости: «неопрятность, неумеренное употребление алкоголя, давнее общение с китайцами и японцами, постоянная близость собак, травмы, и проч. и проч.» (С. XIV-XV, 175). Другое, более явное утверждение: «Наши приамурские инородцы и камчадалы получили сифилис от китайцев и японцев, русские же тут ни при чем. Один китаец, купец, большой любитель опия, говорил мне, что одна бабушка, то есть жена, живет у него в Чифу, а другая бабушка, родом гиличка, — около Николаевска. При таких порядках нетрудно перезаразить весь Амур и Сахалин» (С. XIV-XV, 175). Распространенность сифилиса на Сахалине обусловлена слабой осведомленностью местных жителей о профилактике заболеваний, которая просто трансформируется в дискриминацию по признаку расы. И ситуация оказывается подобной негласному правилу, о котором Чехов узнает перед тем, как ступить на остров: «не грех подстрелить в лесу китайца-бродягу, как собаку», — обычное явление (С. XIV-XV, 43).

В творчестве Чехова тема болезни присутствует неизменно. Фигура врача в рассказах писателя воплощает стандартное медицинское положение, своего рода учебную программу по гуманитарным наукам: атрибуты врачей и пациентов, здоровье и болезни, старение, смерть и горе, а также темы, связанные с неприкосновенностью личности, психическим здоровьем, уроками этики, гендерными вопросами и многим другим. По сути, он разоблачает и критикует состояние общества и отношение правительства к социальным проблемам. Благодаря поездке Чехов своими глазами видит дикую землю – Сибирь и Сахалин. Это место ссылки и каторги, безнадежно отставшее в культурном развитии, тюремный универсум (С. XIV-XV, 64-65). Наряду с этим поездка углубляет понимание писателем болезни, а болезнь в каторжных условиях не просто усиливает явление эмпатии у Чехова, но порождает свой язык. Дело не

только в формировании определенной аллегорической тенденции в прозе Чехова в первой половине 1890-х гг., когда он вернулся в Москву и приступил к работе над книгой «Остров Сахалин». К зиме 1891 года он уже не мог опираться на старый инструментарий, использованный в «Из Сибири» (июнь-август 1890, «Новое время»). Да Сибирь и не могла быть так глубоко обследована писателем, как Сахалин, Чехов не имел и доступа к документам, свидетельствующим о местной жизни. Но сахалинский уклад каторжных и ссыльнопоселенцев был изучен им досконально, и мы считаем, что писатель не просто «пережил» статистику сахалинского быта, а постарался найти для нее воплощение в обход всевозможных цензурных препон, давление которых, к тому же, по отношению к последним главам книги «Остров Сахалин» усиливалось. Полемику с методами каторжного администрирования на острове Чехов повел языком медицинских категорий и понятий: он ставил диагнозы (С. XIV-XV, 361), предпринял ряд жанровых описаний ситуации «доктор – пациент» (370), воссоздавал профессиональный диалог (С. XIV-XV, 59, 335-336) или портрет (С. XIV-XV, 111, 369), допускал интерпретацию положений «Устава о ссыльных» в стиле несобственно-прямой речи (С. XIV-XV, 233-234) или наивное цитирование высказываний офицеров и других должностных лиц, вроде «Каторга начинается не на каторге, а на поселении» (С. XIV-XV, 233), а также сочетание (нередко комическое) профессиональных данных различных отчетов с описаниями очевидцев (С. XIV-XV, 266-267, 363-364) и т.п. А уж портретов пациентов и редуцированных историй болезни в книге великое множество. Эти формы впоследствии проникают в его позднюю прозу.

Глава II. Осмысление социально-медицинских вопросов в публицистике

А.П. Чехова

Русская публицистика имеет почтенную историю. В русской публицистике XIX века анализируются различные культурные, социальные, политические и другие актуальные вопросы. Чехов свои усилия посвящает вопросам социальной медицины, гигиены, сохранения здоровья, воспитания детей, женского труда и женского здоровья и мн. др.

Как таковой медицинской публицистики у Чехова нет, но имеется несколько статей и набросков на медицинскую тему. Например, Чехов пытался восстановить причину смерти знаменитого царя Ирода, воспользовавшись, по сути, методом теледиагноза, и в 1892 году была создана статья «От какой болезни умер Ирод?». В письме к Н.М. Ежову Чехов пишет, что «вчера <...> целый день выматывал из души рождеств<енский> рассказ, написал, кроме того, про болезнь Ирода, прочел миллиард корректур и замучился» (П. V, 146). В этой статье писатель-врач впервые затрагивает медицинскую тему в популярной форме (С. XVI, 513).

Ирод был известен своей жестокостью. Согласно некоторым свидетельствам, он страдал не только от болезни почек, но и от гангрены. Еврейский историк Иосиф Флавий так описывает состояние царя: тело его зудело, на ступнях вздувались водяные волдыри, через короткое время его сотрясали судороги. Стоять рядом было невозможно от ужасной вони. Гангрена настолько разрушила тело, что даже с детородного его органа падали отмирающие куски черной плоти.

Исследователи до сих пор не пришли к выводу, что вызвало такое мучительное заболевание у царя, однако широкие массы предполагают его переживание из-за глубокой вины. Согласно христианской традиции, когда родился Сын Божий, он должен был изменить существующую власть. Царь Ирод понял, что потеряет трон, поэтому приказал убивать как можно больше

новорожденных. Одним из детей, который должен был быть убит, был Иисус Христос, что и привело к бесчеловечной "резне невинных".

Чехов описывает страдания царя Ирода в фельетоне: «На одре своего нестерпимого недуга, распухнув от болезни и сжигаемый жаждой, покрытый язвами на теле и внутренне палимый медленным огнем, пожираемый заживо могильным тленом, точимый червями, жалкий старик лежал в диком неистовстве, ожидая своего последнего часа» (С. XVI, 259). Таким образом, Чехов пытается по библейско-историческим источникам восстановить историю болезни царя Ирода. Он использовал свидетельство византийского писателя XI-XII вв. архиепископа Феофилакта, чтобы сделать выводы о состоянии здоровья царя перед его смертью: «этот жалкий старик "лукавую душу свою изверже" от болезни, сопровождаемой сильною лихорадкой, опуханием ног, заграждением ноздрей, трепетанием всего тела, главным же образом какими-то разрушительными процессами на наружных покровах с глубокими язвами, в которых копошились черви, и с "расседанием" всех членов <...> В краткой клинической картине <...> названа, между прочим, часть тела, пострадавшая от язвенного процесса, по-видимому, раньше всех, и на основании этого указания, или, вернее, намек, некоторые врачи остановились на заключении, что Ирод умер от заразной язвы» (С. XVI, 259-260).

Кроме того, автор также ставит теледиагноз на основе своего собственного медицинского опыта: «к сожалению, очень хорошо известной в культурных странах, именно в той ее не часто наблюдаемой тягостной форме, которая в медицине называется фagedенической <...> К описанию болезни Ирода близко подходит также Аденская язва <...> язвенный процесс распространяется в ширину и глубину, разрушая мускулы, сухожилия и даже кости; человек как бы гниет при жизни и в конце концов умирает от гноекровия» (С. XVI, 260). Эпизод реконструкции истории болезни царя Ирода был одним из первых в своем роде и демонстрирует уникальный подход Чехова к медицине.

Ранее в творчестве писателя появляются другие общие медицинские темы, связанные с детьми, антисанитарией и общественной гигиеной, поднятые в рубрике «Осколки московской жизни» журнала «Осколки». В этих фельетонах Чехов отражает свои художественные и публицистические взгляды на медицинскую этику и состояние медицины в России того времени. В течение трех лет Чехов написал 50 фельетонов-обзрений, которые бросают свет и на его "медицинское творчество" и медицинскую мысль, а также служат базой для создания его книги «Остров Сахалин» в дальнейшем.

С точки зрения новостной целесообразности чеховские «Осколки московской жизни» внушают читателю, вероятно, скептическое отношение, но в остальном вызывают интерес. Поэтому поэтикой «Осколки московской жизни» пренебрегать не следует, какими несерьёзными они ни казались бы. «Читая фельетонное обозрение Чехова, мы не только ярко представляем Москву и москвичей такими, какими они были больше ста лет назад, но и ощущаем личность и позицию самого Чехова, его отношение к изображаемому, его взгляд писателя-врача»¹.

Москва выделяется среди других городов высоким уровнем смертности, как в сравнении с европейскими, так и с азиатскими городами, «Независимо от нашего хромающего на обе ноги статистического бюро всему миру известно, что москвичи любят помирать <...> Процент смертности у нас превышает сорок на тысячу. Парижане и лондонцы, у которых этот процент не превышает двадцати, могут подумать, что у нас целый год свирепствует холера или чума» (С. XVI, 98). Однако, на самом деле, болезни могут приводить к высокому уровню смертности. Это связано с тем, что «В большом проценте виноваты не болезни (московского человека никакими болезнями не проберешь), не давящая конка, не трехгорное пиво и даже не “Hôtel de princes”, доводящий микроскопичностью порций своих princes до голодной смерти» (С. XVI, 98). Причиной смерти часто являются человеческие факторы, которые включают и те, что упомянуты в фельетоне

¹ Быстрова Т.Е. «Осколки московской жизни» А.П. Чехова как энциклопедия Москвы первой половины 80-х годов XIX века (к вопросу о прецедентности) // Культура и цивилизация. 2016. Том 6. № 5А. С. 238-246.

«бесчисленные доктора играют не иначе, как по большой» (С. XVI, 98). Когда речь идет о фундаментальных вопросах выживания человека в экстремальных ситуациях боли и смерти, врачи занимаются лечением и сохранением жизни пациентов, помогая им преодолеть боль и бороться с болезнями. Однако вопросы выживания охватывают гораздо более широкий спектр важных аспектов, таких как национальная социальная система, религия, мораль и этика.

А если врачи подобны пациентам, то об их врачебных обязанностях, совести и профессиональной этике говорить не приходится. Врачи не обращают внимания на оригинальный способ перевозки больных – «Способ этот заимствован у варваров, хоть и применяется только цивилизованными городовыми» (С. XVI, 98). То, что скрывается под внешностью цивилизованного города, это внутренняя болезненность, «Пока больной доедет, так ему все суставы повывихнут, печенки отобьют и мозги повытрусят. Живущие в Титах по целым дням поют кант "Изведи из темницы душу мою" и наблюдают этот способ перевозки» (С. XVI, 99).

Кроме того, писатель-врач Чехов также наблюдает за гигиеной московской шоколадной фабрики и мещанской богадельни с медицинской точки зрения, как он пишет: «На его шоколатной фабрике они нашли такую нечисть, перед которой затыкали себе носы даже извозчичьи лошади. <...> Приготовление шоколата, драже и духов, омовение невинных младенцев и разведение ваксы для чистки сапог производятся в одних и тех же посудицах <...> У Генералова <...> санитары нашли еще более ужасное... Осматривая его кухни и подвалы, они не снимали калоши и вязли в грязи. Около кадок с немывыми свиными кишками у миллионера готовят пастеты. На пастеты с потолка сыплется плесень, с земляного пола идут вонючие испарения, пропитывая все то, что с таким аппетитом кушают москвичи» (С. XVI, 125-126). В случае, если долгосрочная гигиена пищевых продуктов не гарантирована, неудивительно, что болезни

размножаются, «А ранее думали, что если в Москве будет холера, то она непременно начнется с Хитрова рынка» (С. XVI, 126).

А по поводу богадельни в Москве написано, что «санитары нашли, что благотельствуемые люди задыхаются от вони, заражают друг друга болезнями, спят на кроватях по двое, едят вонючую дрянь. Старухи живут в одной комнате с идиотами, в кладовых гниют и распространяют заразу сто пудов грязного белья» (С. XVI, 126). Правильно решенные вопросы питания и проживания являются основными гарантиями выживания людей, но их гигиенические условия не контролируются соответствующими ведомствами, что постепенно начинает сказываться на здоровье жителей Москвы: «Гнусность богадельных прелестей увеличивается еще тем, что каждый, попавший волею судеб в этот приют на жертву тифу и паразитам, должен быть довольным» (С. XVI, 127). И даже санитарный попечитель и гласный московской думы И.И. Бровкин был уличен в несоблюдении санитарных правил. Таким образом, когда проблемы с санитарией настолько распространены в городе, люди обычно привыкают к этой нездоровой среде обитания и закрывают на нее глаза.

«Считалось, что болезнь – это продолжение личности и следствие жизни пациента. Болезнь – наказание за греховную жизнь и приверженность одному или нескольким порокам. Исцелив душу, больной, как правило, излечивал и тело»¹. В фельетоне Чехова от 2 марта 1885 года читаем, что, когда в городе распространяется холера, управа тратит 125 рублей в месяц, чтобы нанять санитарных попечителей и санитарных врачей. В чрезвычайный момент люди, как правило, осознают важность мер гигиены и профилактики эпидемий: «в первые дни своего служения врачи ходили по дворам и домам, вычисляли кубические футы и удивлялись человеческой нечистоплотности» (С. XVI, 153). А когда холера утихает, осведомленность и бдительность управы, врачей, попечителей и людей снижается, и все на какое-то время забывают о катастрофе,

¹ *Смилянская Е.* Сакральное и телесное в народных повествованиях XVIII века о чудесных исцелениях // Русская литература и медицина: Тело, предписания, социальная практика: сб. ст. М.: Новое издательство, 2006. С. 28-40.

вызванной болезнью, и начинают заниматься «не менее плодотворной работой. Получают они теперь свои 125 р., воспитывают в страхе детей, женятся, обедают, пьют чай, курят "Египетские" и насвистывают романсы...» (С. XVI, 153). Возникновение болезней – это наказание за социальные пороки, реакция на халатное отношение к служебным обязанностям врачей и следствие отсутствия у каждого бдительности в жизни. Если сознание людей не проснется и жизнь не изменится, то «холере остается только испугаться таких экстренных мер, подобрать полы и подобру-здорову удрать...» (С. XVI, 153).

В «Осколках московской жизни» также упоминается вопрос о "зоологическом саде": «Есть ли у них звери или нет у них зверей, для них решительно все равно. Что это такое: равнодушие ли к вопросам науки или же отсутствие вкуса? Оставляем этот вопрос без ответа...» (С. XVI, 43). Люди становятся равнодушными, даже если полиция насильственно заставляет их пойти в зоологический сад. Они пропускают мимо ушей происходящие вопиющие нарушения и закрывают на них глаза.

Автор метафорически пытается пробудить людей, чья совесть еще не полностью глуха к неприятным открытиям и сопротивлению. «Есть мухи, воробьи, пауки, инфузории... Чего же вам еще нужно? Посмотрите-ка в микроскоп на муху или блоху! Сколько интересного, нового!» (С. XVI, 44). Такие мелкие животные подобны маленьким чиновникам, которые угнетают народ, и те бесстыдные мерзкие поступки, которые они совершают. Молчание людей делает их поведение более беспринципным, и чиновники как звери, зараженные холерой, распространяют заразу на других животных в зоологическом саду. «Наконец, скоро прибудет в сад еще новый, давно уже не виданный зверь... Этот зверь — холера. За прибытие его ручается та страшнейшая, зловоннейшая вонь, которая ни на секунду не расстанется с садом...» (С. XVI, 44).

Вопросы гигиены в зоосаде будут обсуждаться и анализироваться и в фельетоне «Фокусники», написанном уже в 1891 году. В нем Чехов продолжает работу над медицинской тематикой «Осколков московской жизни».

Чехов пишет, что «здесь мы прежде всего сталкиваемся с странным отношением московской публики к своему ученому саду. Она иначе не называет его, как "кладбищем животных"» (С. XVI, 248). Из-за невмешательства и пренебрежительного отношения дирекции Московского зоологического сада возникает впечатление шарлатанства, которое ведет к своим последствиям для зоопарка: «Можно сказать, что, начиная с оскорбляющей обоняние своими аммиачными испарениями, всем знакомой атмосферы Зоологического сада, выбора места под навесом деревьев, убогого, случайного, во всех отношениях непригодного помещения, жалкого числа опытов и кончая мельчайшими подробностями их неряшливого исполнения, — все здесь служит образцом того, как не поступают и как нельзя поступать при такого рода исследованиях» (С. XVI, 246).

Чехов в статье цитирует точку зрения специалиста по физиологии растений — московского профессора К. Тимирязева. Более того, он выступил за Тимирязева против шарлатанства. В письме к А.С. Суворину 28 августа 1891 г. сказано: «Как добавление к брошюре, посылаю заметку. Тимирязев воюет с шарлатанской ботаникой, а я хочу сказать, что и зоология стоит ботаники. Вы прочтите заметку до конца; не надо быть ботаником или зоологом, чтобы понять, как низко стоит у нас то, что мы по неведению считаем высоким» (П. IV, 265).

Таким образом, похожие описания среды обитания животных их «Осколков московской жизни» встречаются и в фельетоне «Фокусники»: «Воняет, животныедохнут с голода, дирекция отдает своих волков за деньги на волчьи садки, зимою холодно, а летом по ночам гремит музыка, трещат ракеты, шумят пьяные и мешают спать зверям, которые еще не околели с голода...» (С. XVI, 248). Животным не суждено покинуть зоологический сад, так же как люди не могут обойтись без

общества, в котором они живут. Такая "вонь" неизбежно загрязняет среду обитания, как пишет Чехов: «Так воняет, что просто хоть топор вешай!» (С. XVI, 44). Эти описания также демонстрируют критику Чеховым внутреннего управления Московского зоопарка и ботанического сада. Описание включает в себя экологические проблемы, с которыми сталкиваются животные, нехватку питания, а также невмешательство руководства, их пренебрежение и неуважение к научным исследованиям. Это свидетельствует о неподобающем отношении правительства и дирекции зоопарка к защите животных и к публике. В.А. Вагнер писал Чехову: «"Фокусники" произвели эффект бомбы. Авторами считают "молодую партию" Цингера, Усова и пр., а если не они, то Линдемана. Возражения не будет» (С. XVI, 509).

Мы можем видеть использование Чеховым аспектов медицинского знания и культуры в обоих произведениях. Эти фельетоны изображают проблемы и недостатки в обществе и показывают влияние этих проблем на физическое и психическое здоровье человека, а также и влияние на социальное развитие с медицинской точки зрения.

В фельетоне «Осколков московской жизни» от 27 августа 1883 года Чехов рассуждает о физическом здоровье населения: «все коротконогие, слабобедрые и бедрослабые! Если у вас в паспорте не написано, что вы в состоянии пробежать без отдыха 15-20 верст в час, то лучше и не показывайтесь к нам в Москву» (С. XVI, 45). Видно, что жизнь в Москве требует здорового организма для ее поддержания. Стремительный образ жизни вынуждает людей ускоряться. Если они не смогут соответствовать таким жестким требованиям, город от них откажется.

«Мы все скороходы. Кто у нас не скороход, того — фюйть! Г. Чичерин и в отставку подал потому, что пробежал в час только 8 верст. Будущему городскому голове будут поставлены в непереносимое условие здоровые легкие и крепкие бедра» (С. XVI, 46). Автор саркастически свидетельствует, что единственным

критерием для городского начальства является здоровье тела, а легкие и бедра заменяют разум и ответственность. Такое описание, напоминающее ситуацию в салтыковской «Истории одного города», подразумевает, что критерии отбора руководителей города недостаточно объективны, вызывая сомнения в их способностях и эффективности. «По кругу в продолжение целого часа бежит, не останавливаясь, какой-нибудь иностранный человек, одетый в паяческие одежды с ямщицкими бубенчиками. За ним, высунув язык и тяжело дыша, бежит мелкой рысцей бледный, как сметана, какой-нибудь Никита или Сидор» (С. XVI, 46). Быстро меняющийся образ жизни в городе, то есть напряженная и эффективная жизнь, подчеркивает социально-экономические дилеммы, с которыми сталкиваются люди, находящиеся на дне общества. Процесс урбанизации может привести к тому, что некоторые люди будут испытывать большее экономическое, социальное и физическое давление. Эти люди часто находятся на дне общества, и им нужно больше работать, чтобы зарабатывать на жизнь. Это еще в большей степени отражает социальную несправедливость и неравенство.

Кроме того, в рубрике от 8 октября 1883 года была затронута тема выживания детей на дне общества: «Кошки, собаки и мальчики-лавочники пользуются давней, всем известной "magna charta libertatum"» (С. XVI, 54), – с детьми, находящимися на дне общества, обращаются как с животными. В дополнение к отсутствию тепла со стороны общества и семьи, роскошью стала для них возможность отдохнуть во время праздника. Приказчики заслуживают того, чтобы лишить их отпуска. Однако тяжелая работа и напряжение этих детей не приведут к улучшению положения в их жизни. Они получают только нагоняй: «Бить ребят можно сколько угодно и чем угодно. Не хочешь бить рукой, бей веником, а то и кочергой или мокрой мочалкой, как это делают хозяйки и кухарки» (С. XVI, 54). Этих описаний достаточно, чтобы отразить жестокое обращение и несправедливость, которым подвергались дети, находившиеся в услужении в то время.

Однако общество и правительство не обращают никакого внимания на это большое количество детей, так что работа, связанная с ранним вставанием и поздним отходом ко сну, а также жизнь в условиях недостаточного питания и одежды продолжают негативно сказываться на теле и психике детей. «Мальчики ложатся в 12 ч., встают в 5. Едят они объедки, носят драные лохмотья, засыпают за чисткою приказчиных сапогов. День в холодной, сырой и темной лавке, ночь в кухне или в холодных сенях, около холодного как лед рукомыльника. И таких "герцеговинцев" не десять, не сто, а тысячи!» (С. XVI, 54). Автор наблюдает за беспомощностью, одиночеством и болью детей с точки зрения врача, именно поэтому тема детей продолжает появляться и в его следующих произведениях. Его работы выражают глубокие размышления о жизненных проблемах детей, а также призывают больше людей обратить внимание на этих детей, попавших в беду, и помочь им.

Например, Варька в его более позднем рассказе «Спать хочется» продолжает судьбу детей на дне общества, описанную в «Осколках московской жизни». 13-летняя девочка работает с утра до ночи. Её постоянно третируют хозяева, днём ей приходится работать в лавке, а ночью укладывать ребёнка спать и баюкать его. Ее самое большое желание – просто немного поспать: «А Варьке хочется спать. Глаза ее слипаются, голову тянет вниз, шея болит. Она не может шевельнуть ни веками, ни губами, и ей кажется, что лицо ее высохло и одеревенело, что голова стала маленькой, как булабочная головка <...> если Варька, не дай бог, уснет, то хозяева прибьют ее» (С. VII, 7).

Рассказ показывает жизнь и несчастье через поток разных мыслей и чувств девочки, а также подготавливает финал рассказа: «Варька подкрадывается к колыбели и наклоняется к ребёнку. Задушив его, она быстро ложится на пол, смеется от радости, что ей можно спать, и через минуту спит уже крепко, как мертвая...» (С. VII, 12). Тонкое и глубокое авторское повествование показывает страдания бедной и невинной маленькой девочки, полное сочувствия автора к

страдающим трудящимся людям. Финал рассказа выражает ту глубокую мысль, что засыпание Варьки означает не только окончание её жизни, но и разочарование миллионов трудящихся людей в надежде на выживание в ту эпоху.

Кроме того, в публицистических работах в принципе рассказывают о каких-то новостях или каких-то свежих событиях: по мнению Г.В. Лазутиной и С.С. Распоповой, «новость должна нести в себе очевидный факт, существенно изменяющий реальную конкретную ситуацию»¹. А в фельетонах «Осколков московской жизни» складывается много странных картин, которые до некоторой степени считаются публицистикой. Причина такого результата заключается в том, что изначально издатель «Осколков» Николай Александрович Лейкин поставил перед Чеховым задачу, чтобы тот описывал вчерашние события, стараясь избежать риск цензурного запрета.

Означают ли рассмотренные выше примеры, что Чехов по-своему стремился обозначить момент полемики (или полемического опровержения), выступая против лейкинского гнёта и одновременно волей-неволей избегая столкновений с цензурой, или это значит, что его репортажи и сообщения не несут новостного характера? Возможно, и то, и другое, ведь сообщение так или иначе становится предметом высказывания. Однако определенная дискредитация сообщения происходит в пределах почти каждого очерка, и это представляет для нас интерес.

Дискредитация собственного посыла – момент, в чеховской биографии не столь невероятный, он является еще одним примером, подтверждением неверия писателя в себя после «Безотцовщины», «Письма к ученому соседу», «Иванова», «Степи» и «Скучной истории». Сообщение о происшествии в очерке Чехова подчиняется не совсем и не только проблемам новостного контента, а обыгрывается по правилам комической риторики.

¹ Лазутина Г.В., Распопова С.С. Новостная журналистика в свете предметно-функционального подхода к дифференциации жанров // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2008. № 5. С. 86.

Кроме этого, Чехов, отчасти развивая свой комический арсенал на новом плацдарме, опирается на принцип круга и эллипса: это также требуется осмыслить. Это заключается в том, что Чехов на будущее намечает темы, к которым потом будет возвращаться. Параллелизм в произведениях писателя сказывается «в сюжетном построении, в характеристике субъектов и объектов действия и в нанизывании мотивов повествования»¹. Под кругом здесь подразумевается, что в начале и в конце своего очерка автор говорит об одном и том же. Таким образом, его очерк всегда вращается вокруг одного предмета, почти как в стихах, – слова или мысль повторяются в конце произведения, какой-то элемент из его начала воспроизводится еще раз или два, то есть в его очерках возникает кольцевая композиция². Чехов пользуется этим приемом сюжетного кольца, чтобы высмеивать правительство и общество и обвести вокруг пальца цензуру.

Следовательно, по поводу приёмов круга в фельетонах «Осколки московской жизни» мы можем назвать литературные аллюзии: «Далее следуют: ненужная возня в квартале <...> все это грубо, алчно и пьяно, как Держиморда, которому не дали опохмелиться» (С. XVI, 34); «Гуси, как известно из басни Крылова, Рим спасли» (С. XVI, 35), эти и другие известные имена, названия и коллизии упоминаются сплошь и рядом. Так, о современной повременной печати на примере «Света и теней» Пушкарёва сказано – «Вот они где, разрушители эстетики!» (С. XVI, 35), выражение цитирует название статьи Д.И. Писарева «Разрушение эстетики» (1865). Или, скажем, тезис «собственность есть воровство», который был создан еще Прудон (С. XVI, 37).

Кроме того, остроумие также является важнейшим по частотности приемом: Чехов сразу в готовом виде предлагает осмысление ситуации, чему способствуют кольцевые сюжетно-композиционные формы. Например, обыгрывание слова

¹ Якобсон Р.О., Поморская К. Беседы // Jakobson R.O. Selected Writings. Vol. 8. Berlin, 1988. P. 523.

² Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста // Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. СПб.: «Искусство-СПБ», 1996. С. 50-54.

"скот" (страхование домашнего «скота от чумы», «скотская персона», «ни за одного павшего скота»); игра слов; ритмические конструкции и рифмованные понятия («московские похороны (да и вообще все имена существительные, кончающиеся на "ны"...») (С. XVI, 34); комическое обыгрывание всего — абсолютизация комоса (подшучивание, иронизирование, осмеяние, гипербола, гротеск и пр.); речевые жанры, поставленные на службу комике, — всё это создает условия для дестабилизации новостного риторического колорита в очерке и сбивает с толку официального читателя (цензора).

Административное мышление автора-публициста проявляется в том, что Чехов не выступает от собственного лица. Мы знаем по его письмам, что он был заинтересован в сокрытии своего авторства. И другие особенности его речевой тактики указывают на стремление создать речевую маску автора, который накладывает на себя определенные обязательства перед городом и его населением, обществом. Наряду с этим, дескриптивные элементы сворачиваются в иллюстрации, например ситуация похорон: «Самый большой ерш, ставший поперек горла, не производит на мои нервы такого сильного, душащего впечатления, какое производят московские похороны» (С. XVI, 34).

Кроме этого, нельзя не обратить внимание на динамичную мотивную структуру: мотив задается без преамбулы, в четко маркированном стилевом поле, преподносится в недвусмысленной организации (ситуация гробовщика (С. XVI, 34); показное славянофильство (С. XVI, 35); свет просвещения и технического прогресса (С. XVI, 35-36) и т.п.), — возможно, в это время Чехов не мыслил иначе свою очерковую форму, так что без мотива не обходится ни один репортаж. Есть, правда, и ряд сквозных мотивов, помогающих воссоздать картинку грубых нравов и утраты человечности: не помнящие родства родственники (34), московские зодчие (35), г-н Пушкарёв (35-36) и пр.

Публицист, по сути, как доктор, который должен рассказать всё как есть. А понимание принципа эллипса относится к умолчанию. С точки зрения

Р.Г. Назирова, «умолчание есть пропуск понятного, заполняемый воображением читателя; при этом разгадка тщательно подготовлена автором и, в сущности, имеет явный характер»¹. А в условиях тогдашней цензуры публицист Чехов вынужден умалчивать о чувствительных и существенных темах. На самом деле, литературные попытки такого рода появились уже давно в творчестве таких писателей, как Н.В. Гоголь, М.Е. Салтыков-Щедрин, Н.С. Лесков и др. Салтыков создал эзопов язык (язык иносказаний), он является и одним из самых значительных мастеров в истории русской литературы, работавших с эстетикой эзопова языка². Так, Андрей Платонов впоследствии использует эзопов язык в своей пьесе «Ноев ковчег», чтобы описать Америку, намекая на ситуацию в СССР³. Чехов часто использует прием умолчания и превращает свое сообщение в очерке в речевую игру. Отсюда вытекает обилие речевых фигур, риторических конструкций, создающих комический эффект.

Примеры переключек также возвращают нас к комическому началу, ибо переключка срывает как вариант кольца. Например, сизый нос родственника переключается с красным носом гробовщика, видом неопохмелившегося Держиморды и нетрезвым отношением к чужому горю всех прочих участников печальной пьесы; комическое обыгрывание устойчивых конструкций (превращение пословицы в цитату с приращением смысла: ссылка на басню Крылова (С. XVI, 35) делает смысл пословицы более сгущенным, дополняет его новыми оттенками) порождает метафорические отношения в репортаже. Как говорит Э.А. Полоцкая: «без этих переключек, повторов, лейтмотивов рассказ Чехова, кажется, не был бы “чеховским”»⁴.

¹ Назиров Р.Г. Фигура умолчания в русской литературе // Поэтика русской и зарубежной литературы: Сборник статей. Уфа: Гилем, 1998. С. 61.

² Лагина Н. Послесловие // Лагин Л. Старик Хоттабыч. Харьков: Паритет, 1992. С. 184–186.

³ Матвеева Н.В. Драматургическая трилогия А. Платонова: «Шарманка», «14 Красных Избушек», «Ноев ковчег»: система мотивов: автореф. дис. ... канд. филол.н. Екатеринбург, 2008.

⁴ Полоцкая Э.А. Антон Чехов // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов): в 3-х кн. М.: Наследие, 2001. С. 424.

Кроме этого, медицинские тезисы и ситуации в чеховских «Осколках московской жизни» в такой же степени требуют анализа языка очерков, его повествовательных и дескриптивных формул. Например, в его очерке о женихах находим комическое обыгрывание демографических проблем, «Где нет браков, говорит наука, там нет населения» (С. XVI, 40-41), — создающее переключку с рассказом «Скверная история», где речь идет о том, что героиня Леля Асловская никак не может встретить свою любовь и, что важнее, выйти замуж: «Дело в том, что мужчины вели себя по отношению к ней больше чем по-свински <...> Она заметила, что они перестали обращать на нее внимание. Они стали неохотно плясать с ней» (С. I, 215).

В таком же, комическом, ключе рассматриваются проблемы содержания животных в Зоологическом саду: падеж животных, угроза холеры и т.д.: «Оправдываются люди тем, что в саду, мол, все зверье от голода передохло» (С. XVI, 43-44).

Публицистическая проза Чехова в основном посвящена личным и социальным проблемам, но она не избегает и как бы мелких вопросов, а потому отражает и его заботу о городских развлечениях, н-р, о зоосаде. Благодаря его публицистической прозе мы можем получить глубокое представление о российском обществе и условиях жизни в то время, а также о взглядах Чехова на эти вопросы. Автор рассматривает социальные проблемы с разных точек зрения и фокусируется на таких вопросах, как халатность правительства, несправедливое отношение общества к уязвимым группам и внутренний мир человечества. Таким образом, мы понимаем, что Чехов производит отбор еще на уровне темы и о самых болезненных вопросах он не пишет вообще. В этом сказывается влияние времени, его цензурных реалий, и суть требований Н.А. Лейкина, вынуждавшего Чехова-корреспондента мириться с несправедливыми ограничениями.

2.1 История исследования Сибири и Сахалина в творческом сознании Чехова

В истории русской литературы многие писатели отправлялись в Сибирь по таким причинам, как преследование по закону и последующая их каторга либо высылка. Во время путешествия, практически всегда подневольного, или на новом месте для них открывались различные перспективы для исследований и литературного творчества и философского мышления. Среди таких невольных исследователей Сибири оказался в свое время Ф.М. Достоевский, наследие которого включает не только «Записки из Мертвого дома», посвященные каторге, но и попытки понять жизнь далекой провинции.

Среди литературных произведений о жизни Сибири и Сахалина представительными являются книга «Остров Сахалин» Чехова и его путевые очерки «Из Сибири». Однако были писатели, которые использовали жанр путевых записок задолго до него, и это были очень разные личности, например, Л.В. Нельмин, автор очерков «В далёкие края. Путевые наброски и картинки», или К.А. Скальковский, написавший «Новые путевые впечатления», М. Гребенщиков и его «Поездка на Цейлон», В.В. Верещагин – «От Сан-Франциско до Гонконга», Е. Марков «Европейский Восток. Путевые очерки», П.И. Челищев «Путешествие по северу России в 1791 г.». Среди них должны быть упомянуты и ученые, изучавшие Сибирь: И. Гмелин («Путешествие по Сибири», 1751-1752), И.И. Лепёхин («Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства», 1771-1805), П. Паллас («Путешествия по Сибири»), – показавшие нам образ жизни в Сибири: «Содержание "Путешествия..." составляют сведения об обстоятельствах десятилетнего путешествия академического отряда, характеристики различных регионов Сибири, зарисовки быта и культуры аборигенных народов и русских, данные о торговле и промыслах, естественнонаучные наблюдения и археологические материалы»¹.

¹ *Gmelin Johann Georg*. Reise durch Sibirien, von dem Jahr 1733 bis 1743. Erster Theil. Göttingen: Vandenhoeck, 1751. S. 259.

Обширная территория Сибири была завоевана царской Россией еще в XVI веке, но только в XIX веке регион был относительно освоен. Его важное географическое положение побудило бесчисленное количество писателей и чиновников писать и проводить исследования. Будь то исследования сибирской жизни и культуры, осмысление сахалинской каторги, представление русских писателей о несчастной жизни ссыльных («Мертвый дом» Достоевского), как и изображение чиновников на Сахалине в книге Чехова, всё это и многое другое является проявлением сибирской тематики в русской литературе.

По сравнению с ситуацией, в которой оказывались упомянутые выше писатели, поездка Чехова на Сахалин произошла гораздо позже. Но еще до нее Чехов много сил посвятил исследованию истории Сибири и Сахалина. Он изучил записки множества экспедиций. И в процессе создания книги, вернувшись в Москву, и после 1895 года продолжал интересоваться этими вопросами. Поэтому контекст сибирско-сахалинской темы очень широк: это тексты И. Крузенштерна, Ю. Лисянского, Г. Невельского, В. Дедлова, С.Я.Елпатьевского, Н. Телешова и мн. др. И в то же время Чехов широко привлекает данные из работ современных исследователей каторги и колонии, также опиравшихся на исторические разыскания, например, колонии в Новом Южном Уэльсе в Австралии¹. В первой и второй главах книги «Остров Сахалин» он также воссоздал предысторию изучения и писал об историко-географической ситуации Сибири и Сахалина, основываясь на знаниях, полученных им перед поездкой: «я прибыл на пароходе в г. Николаевск, один из самых восточных пунктов нашего отечества. Амур здесь очень широк, до моря осталось только 27 верст; место величественное и красивое» (С. XIV-XV, 41). Затем, называя географические параметры расположения острова, Чехов отмечает его форму, длину и ширину, показывая, что Сахалин не совсем обычная земля: «северная часть Сахалина, через которую проходит линия вечно промерзлой почвы, по своему положению соответствует

¹ Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюремноведением... С. 206-212.

Рязанской губ<ернии>, а южная — Крыму» (С. XIV-XV, 53). Таким образом, мы можем полагать, что путевые заметки предыдущих путешественников предоставили Чехову большое количество вещественных доказательств и сведений, на которые можно было положиться. Это и позволило ему всего за короткое время разработать мифический мир Сибири и раскрыть фундаментальные социальные проблемы России: «Вся переработанная Чеховым перед поездкой литература убеждала писателя, что в обществе нет основы, нет материала для сколько-нибудь непредвзятого представления о северо-восточных окраинах России. Человек нередко увлекается при описании экзотического далекого края. В результате растет и укрепляется в сознании сибирский миф, который, в конечном итоге, лишает человека возможности освоить и принять Сибирь как реалию российской жизни»¹.

Среди писателей, произведения которых Чехов внимательно читал, был В.Л. Кигн-Дедлов, несомненно особенный, и это не только потому, что он одним из первых заметил талант Чехова и понял его стиль: «Конечно, В.Л. Кигн-Дедлов, будучи проницательным критиком, одним из первых "разглядевшим" Чехова, прекрасно понимал разницу между своим местом и местом Чехова в литературе, который всегда оставался для него недостижимым образцом подлинного литературного таланта»², но впоследствии он создал «Панораму Сибири» (1900).

Книга «Панорама Сибири» была опубликована в 1900 году, она является итогом поездки Дедлова в Восточную, Западную Сибирь и на Дальний Восток. Дедлов отправился в Сибирь в 1896 году, он был чиновником по особым поручениям по делам переселенцев, и его экспедиция продлилась больше года. В этой книге автор не только знакомит нас с обычаями и нравами различных городов Сибири, но и показывает читателям условия жизни переселенцев, он пишет: «Самыми интересными переселенцами, которых мы тут видели, оказались

¹ Шишпарёнок Е.В. Творчество А.П. Чехова в контексте сибирского мифа. Автореферат ... кандидата филологических наук. Красноярск, 2010. С. 4.

² Скибина О.М. Творчество В.Л. Кигна-Дедлова: проблематика и поэтика: автореф. дис. ... док. филол. наук. Моск. пед. гос. ун-т. Москва, 2003. С. 40.

"поляки" <...> И, что ещё неожиданный, жить им, должно быть, недурно, потому что они вызывают к себе новых поляков, и те идут, хотят идти, являясь в Барабу в качестве не только "разрешенных", но и "самовольных" переселенцев. Самое же удивительное – это то, что первые переселенцы были сосланы сюда после 63-ого года "страшным" Муравьевым»¹. Помимо описания переселенцев из разных этнических групп, автор также упомянул в книге характеристики этого региона, отличные от России, и автор знает, что эти характеристики нелегко воспринимать и понять: «Теперешний способ путешествия не дает возможности ознакомиться с чужой стороной ближе, и такое вплетение чужой жизни в рассказ о нашей, как это встречается у Тургенева, теперь уже невозможно. <...> Подробности и суть чужой страны остаются для вас закрытой книгой»².

Кроме Дедлова, есть ещё известные путевые очерки – «Очерки Сибири» С.Я. Елпатьевского, в этой книге неслучайно автор использует слово «чужой», словно предвосхищая идеи и категории мифологов XX века: «Как ни любопытно всматриваться в сибирскую деревню, все-таки дорога скучна и тосклива. Чужая земля, чужой воздух, чужие люди, чужая речь <...> то свои, русские люди проложили дорожки в чужую сторону...»³, – показывая тем самым, что Сибирь во многом отличается от России.

В 1894 г., после путешествия на Сахалин, Чехов посоветовал Н.Д. Телешову путешествовать по Западной Сибири, и Телешов так же, как и Чехов, обобщил впечатления от путешествий в книге «За Урал. Из скитаний по Западной Сибири: Очерки». В этой книге Телешов описал быт ссыльных, рабочих, крестьян, условия труда на рудниках, фабриках и т.д. Например, в книге говорится об использовании ссыльнокааторжных в качестве рабочей силы на заводах: «Им требовались "рабочие руки", но так как покупать крестьян или переселять их из внутренней России на Урал было вообще начетисто, то практиковался иной

¹ Дедлов В.Л. Панорама Сибири: (путевые заметки). СПб.: тип. М. Меркушева, 1900. С. 80.

² Там же, С. 184.

³ Елпатьевский С.Я. Очерки Сибири. М.: Тип. Т-ва И. Н. Кушнерев и К, 1893. С. 30.

способ: заводы принимали к себе беглых каторжников и ссыльных, беглых крестьян, рекрутов и притесняемых раскольников; все эти бесправные люди навсегда закабалились во власть Демидова <...> Таким образом своею смертью выручали беглые своих покровителей из неприятного положения»¹.

Кроме того, Чехов смог довольно точно реконструировать процесс исследования острова и создания его карты благодаря экскурсу в историю деятельности этих энтузиастов науки. Например, исследования о координатах западного побережья острова (или полуострова, как считали все предшественники Г. Невельского) и глубине Татарского пролива стимулируют размышления о характере исследователей. «Сахалинский залив в это время года труден для проведения работ: сильные ветры и поля дробленого льда из Охотского моря; сильное волнение, ветрено и холодно; нервные вахты, особенно ночные...»². Это приводит к интересным дополнениям, что Крузенштерн «обрадовался немало» запискам В. Браутона, поскольку его «точил червь сомнения» (С. XIV-XV, 47). Или о русском государе, который нашел поступок Невельского «молодецким, благородным и патриотическим» (С. XIV-XV, 48).

Размышления о картах острова и пролива получают продолжение (и это при том, что Чехов чрезвычайно высоко ценил научную традицию, когда не нужно до всего доходить своим умом): «Командир "Байкала" не доверяет официальной карте и смотрит в свою собственную, которую сам чертит и исправляет во время плавания» (С. XIV-XV, 50). Деление острова также претерпело со временем метаморфозу, описанную Чеховым с присущим ему стилем: «Прежнее деление его на северный, средний и южный неудобно в практическом отношении, и теперь делят только на северный и южный» (С. XIV-XV, 53).

Портрет генерала В.О. Кононовича, начальника острова, вызывает сложное впечатление: «до своего назначения на Сахалин в продолжение 18 лет заведовал

¹ Телешов Н.Д. За Урал. Из скитаний по Западной Сибири: очерки. М.: Тип. «Товарищество И.Д. Сытина», 1897. С. 26.

² Невельской Г.И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России. 1849–1855. Москва, 2009. С. 19.

каторгой на Каре; он красиво говорит и красиво пишет и производит впечатление человека искреннего, проникнутого гуманными стремлениями» (С. XIV-XV, 60). Точно так же и впечатление Чехова о Сахалине было сложным: с одной стороны, он видел и описал экзотический, по-своему красивый, мир, с другой – познал настоящий ад, созданный человеком, так Чехов и назвал каторжный Сахалин. В целом, влияние складывающихся впечатлений на автора «Острова Сахалин» трудно описать в простых значениях и категориях. Мир героев, а также картины пространства даны им в сложной идейной композиции. Чехов не приукрашивал своих новых знакомых. Положительное, соединяющее различные оценки, представление о Кононовиче присуще не только Чехову, но и другим лицам, способным критически оценивать сахалинские реалии¹. Пейзажные картины острова (его лесов, долин и берегов, а также некоторые ситуативные описания, как, например, описание праздника по случаю приезда начальства (С. XIV-XV, 64-65)) предстают перед читателем во всей их выразительности.

2.2 Женский и детский вопросы в публицистике А.П. Чехова

Женский вопрос был одной из важных тем в литературе почти всего XIX века в России. Возникновение и нарастание интереса к социальным проблемам женщин способствовало обсуждению социального неравенства и прав женщин. Русские писатели и поэты, такие как Н.В. Гоголь, И.С. Тургенев, Н.А. Некрасов, Ф.М. Достоевский, Н.С. Лесков, А.Н. Островский, Л.Н. Толстой, проявляли интерес к этой теме и в своих произведениях задавали вопросы о роли женщины в обществе, ее правах и ограничениях, а также о домашней жизни и семейных отношениях. В их произведениях можно обнаружить различные точки зрения на женский вопрос и размышления об общественном положении женщин. Это

¹ Антон Павлович Чехов: Сб.ст. / Под ред. М.В. Теплинского. Южно-Сахалинск, 1959. С. 183.

отражало широкий спектр мнений и дебатов, которые сопровождали обсуждение женского вопроса в России того времени.

Чехов, как писатель эпохи русской империи, проявлял интерес и сочувствие к трагической судьбе женщин. В своих произведениях он отражает социальные и психологические аспекты жизни женщин, а также высказывает свое отношение к данным проблемам. Среди источников в его работе над «Врачебным делом в России» указана книга «О состоянии женщин в России до Петра Великого», автор которой писал: «Чтобы воспроизвести в верной и по возможности ясной картине минувшую судьбу русской женщины, исследователь должен <...> проследить действительное значение женщины, с каким она является в событиях народной жизни, изображенных летописцами»¹. Кроме этого, в конце XIX века в Российской империи активно развивалась буржуазия, перестраивался социальный мир России и постоянно велась борьба народников с феодальным самодержавием. Все это также оказало влияние на самосознание русских женщин. В этот период женщины стали активнее участвовать в общественной жизни, образовываться, а также выступать за свои права. Надежда Федоровна, указывает Чехов в повести «Дуэль», читала Спенсера: «Героиня не столько обнаруживает понимание спенсеровской теории, сколько отдает дань моде, как бы обретает патент на образованность, утверждает себя, свое право на эмансипацию»². Чехов также поддерживал идею равноправия и развитие самосознания русских женщин. Он отмечал значимость их участия в общественной жизни и признавал необходимость для них выполнять социальные обязанности наравне с мужчинами. Итак, идея равноправия и участия женщин в общественной жизни является важным элементом движения за гендерное равенство. Она подразумевает, что каждая женщина имеет право самостоятельно выбирать свой жизненный путь, развиваться и реализовывать свой потенциал в соответствии с ее способностями и

¹ Шульгин В.Я. О состоянии женщин в России до Петра Великого. Киев: Типография И. Вальнера, 1850. С. 24.

² Семанова М.Л. Чехов – художник. М.: Просвещение, 1976. С. 80.

интересами. Обзор этой проблемы крайне труден, и мы не надеемся хотя бы в общих чертах осуществить его.

Всенародное женское освободительное движение возникало в России очень трудно и медленно. Одним из инициаторов его выступил доктор Н.И. Пирогов. С его точки зрения, «женщина, если она получит надлежащее образование и воспитание, может так же хорошо усвоить себе научную, художественную и общественную культурность, как и мужчина <...> И я, – подчеркивал Пирогов, – решительно не вижу, почему одинаковое общественное положение женщины с мужчиной может помешать такому развитию»¹. Похожие мысли впоследствии будет развивать Шамохин, герой «Ариадны» (С. IX, 131-132). Их драматическое воплощение мы найдем и в печальных рассказах «Анна на шее» и «Дом с мезонином», опубликованных в том же, 1895-м, году. Путь к ним намечен повестью «Дуэль» и рассказом «Жена».

В ранний период этого движения многие из его лидеров и активистов имели аристократическое происхождение. Эти деятели не только выступали за права женщин, но и активно оказывали помощь и поддержку женам крестьян, рабочих и других малообеспеченных слоев населения. Анна Павловна Философова, Александра Олеговна Конради и Мария Васильевна Трубникова были известными общественными фигурами своего времени. Они организовывали благотворительные мероприятия, предлагали дешевое жилье для женщин, страдающих от нищеты, а также создали ряд женских учебных заведений и т.д.

В конце XIX – начале XX века появились различные общественные союзы и даже партии, которые активно работали над достижением женского правозащитного движения, такие как "Русское Женское Взаимно-Благотворительное общество" (1895 год) и "Женская прогрессивная партия" (1860 год). Мог ли Чехов изолироваться от этих процессов? Одним из

¹ Пирогов Н.И. Из письма к Э.Ф. Раден 27 февраля 1976 // Пирогов Н.И. Севастопольские письма и воспоминания. М., 1950. С. 189.

важных событий в истории русского женского движения стал Всероссийский женский съезд, который проходил 10 декабря 1908 года в Санкт-Петербурге. Известный советский социолог Р.Г. Яновский предполагает, что «в России девятнадцатого века идея женской эмансипации как условия действительного равноправия в обществе глубоко укоренилась в сознании народа», уже тогда было особенно много женщин, выбравших медицинскую профессию¹. Таким образом, можно сказать, что Чехов не изолировался от феминистических и общественных процессов своего времени, а наоборот, активно взаимодействовал с ними, создавая художественные произведения, тем самым участвуя в общественной жизни.

Журналы, такие как «Журнал для милых» (1804), «Дамский журнал» (1823-1833), «Ваза» (1831-1884), «Лучи» (1850-1860), «Женский труд» (1881-1883) и другие², стали платформой для выражения идей феминисток, обсуждения женских вопросов, а также для привлечения внимания общества к гендерным асимметриям и социальному неравенству. Наряду с этим, на страницах этих журналов впервые затрагивались и обнаруживали свою гендерную асимметричность различные страты общества.

Журнал «Женский вестник», издаваемый врачом и общественной деятельницей М.И. Покровской в 1904-1917 годах в Санкт-Петербурге, выходил раз в месяц, у него также был подзаголовок – «Союз женщин, право голоса». Кроме этого, его можно назвать одним из наиболее ярких и отличающихся от других женских журналов того периода. Этот журнал «не использовал в качестве заголовков некоторые темы, такие как домоводство, рукоделие, мода и так далее. Издатели журналов не хотели навешивать на женщин ярлыки (домохозяйки, матери, жены и т.п.). При этом в журнале нет ярких картинок и иллюстраций. Это было связано не только с финансовыми трудностями того времени, но и с тем,

¹ Яновский Р.Г. Женщина и общество: социально-политический аспект // Гендерные исследования: проблемы и сравнительные перспективы. - М.: 2000.

² Крадецкая С.В. «Журнал женский вестник» (1904-1917). Опыт издания феминистского журнала в России // Женщина в российском обществе. 2013. № 1. С. 72-81.

чтобы не отвлекать читателей от содержания самого журнала. Видно, что для редакции важнее всего идеология, феминизм, пропаганда. Ее цель состоит в том, чтобы показать читателям различные пути, по которым женщины могут прийти к новой жизни. Таким образом, «Женский вестник» поставил перед собой широкомасштабную миссию по борьбе со старыми гендерными предрассудками и традициями, укоренившимися в российском обществе»¹.

На рубеже веков в Петербурге началось издание первого «Женского календаря» (1889-1915), затрагивающего широкий круг проблем, которые представляют интерес для женщин, в том числе охватывающего вопросы организации. Составитель и издатель этого уникального календаря – Прасковья Наумовна Ариян (1864-1949), русская писательница, переводчица, педагог. Она много писала о женском движении в России и о женщинах.

С непрерывным прогрессом мышления место русских женщин в общественном движении быстро менялось, наряду с этим этот процесс также заставлял людей осознавать, что женщина не просто некая важная составляющая общества и семьи, своего рода идеал – необходимо заботиться о ее здоровье, образовании, работе, вопросах семьи и брака, медицинском обслуживании, деторождении, и, конечно, эти темы разрабатывались во многих публикациях широким фронтом. А «Женский календарь» в качестве одного из периодических изданий наиболее полно отражал эти темы, и мы видим, что он включает в себя материалы о здоровье женщин, полезных и вредных продуктах, существенные данные для осмысления окружающего мира.

В 1885 году вступил в силу закон «О воспрещении ночной работы несовершеннолетним и женщинам на фабриках, заводах и мануфактурах». Закон запрещал работу женщин в ночное время (с 21.00 до 5.00) на хлопчатобумажных, полотняных и шерстяных фабриках, а с марта 1886 г. этот закон был принят в

¹ Нин Шилэй. Женский вопрос в произведениях А.П. Чехова // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. Ижевск. 2023. С. 1429.

административном порядке и распространен сначала на все текстильное производство, а затем – на условия труда в фарфоровом и спичечном производствах.

Законодательство до революции включало специальные правила для защиты женского труда. Женщины не допускались к обслуживанию механизмов (их смазка и чистка, починка, сшивка, перешивка, надевание и сбрасывание канатов, цепей и т.п.), к работам, при которых они подвергались воздействию различных видов пыли (особенно свинцовой), газов и дыма или контактировали с материалами, содержащими свинец. Родившие женщины не могли быть допущены к оплачиваемой работе до истечения четырех недель с момента родов. Беременные женщины не должны были переносить тяжести. Согласно Уголовному уложению Российской империи (статьи 14041 и 14043) владельцы или управляющие заводами, фабриками, мануфактурами и ремесленными предприятиями объявлялись виновными в несоблюдении установленных законом правил, касающихся занятости женщин на предприятиях и в промышленных учреждениях.

Кроме того, женщины с образованием работали как на государственных, так и на частных предприятиях. Были законы, запрещающие женщинам работать в отраслях, вредных для организма. Но, кроме этого, существовало различие в самой оплате труда. По данным обследования фабрик и заводов Московской губернии с 1879 по 1885 гг. (28 865 рабочих на 109 фабриках): взрослые мужчины зарабатывали в среднем 13 рублей 53 копейки в месяц; взрослые женщины зарабатывали в среднем 10 рублей 56 копеек в месяц¹.

Женщины в основном были заняты в бумагопрядильной и бумажной промышленности (83% всех занятых женщин), где заработная плата у них была ниже, чем в машиностроении, где были заняты, в основном, мужчины и где

¹ Струве П.Б. Заработная плата // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: URL: <https://www.vehi.net/brokgauz/all/041/41169.shtml>

заработная плата была выше именно в силу характера производства и его функциональной специфики.

Что касается женской медицины, то земства играли важную роль не только в народном просвещении, но и в бесплатном медицинском обслуживании сельского населения. Деятельность земств привела к удивительным результатам в организации образования и строительстве начальных школ, ремесленных училищ, гимназий, различных курсов, в создании библиотек и строительстве больниц – распространении медицинской помощи.

Рассматриваемые издания являются памятником тогдашнего общества, представители которого обращали наибольшее внимание на повышение оценки роли и значимости женщины в обществе.

Оказавшийся в перекрестье строгой цензуры государства и общественных тенденций вопрос – «каким образом отразить суть проблемы, чтобы вызвать народный и общественный резонанс?» – стал одной из тех проблем, которые вечно стоят перед писателями. Например, в своем «Острове Сахалин» Чехов использовал статистику, чтобы поднять огромную медицинскую тему. Например, «В ссыльной колонии на 100 мужчин приходится 53 женщины... К 1 января 1890 г. во всех трех округах преступницы составляли 11,5% всего числа каторжных... в Александровском, на 100 мужчин приходится 69 женщин, в среднем, Тымовском — 47, и в лучшем, Корсаковском — только 36» (С. XIV-XV, 244).

Ссылное население в Сибири – это искусственно созданная группа иммигрантов, поэтому колоссальный гендерный дисбаланс здесь неизбежен. Эта ситуация становится все более серьезной с увеличением численности ссыльного населения. Данные показывают, что в период с 1882 по 1898 год в общей сложности было сослано 229 000 человек, из которых 65% составляли мужчины,

только 10% этой массы составляли женщины, а 25% – дети¹. Кроме того, царское правительство тогдашней России считало, что брак – это лучший способ обустроить ссыльных, поэтому оно не только поощряло или даже уговаривало женщин сопровождать своих мужей к месту ссылки, но и давало установку, что они больше не смогут вернуться в Европу и Россию. Как воспроизводит Чехов женский голос: «"ехали жизнь мужей поправить и свою потеряли". Это, быть может, единственный пункт, по которому наш Сахалин в истории ссылки займет не последнее место» (С. XIV-XV, 245-246).

Преступления, вызванные различного рода отклонениями, также бесконечны, и, более того, женщины-преступницы в изгнании часто подвергаются насилию на своем пути, беременность и роды по пути в ссылку порождают тяжелые испытания для них и детей: «Человеческое достоинство, а также женственность и стыдливость каторжной женщины не принимаются в расчет ни в каком случае; как бы подразумевается, что всё это выжжено в ней ее позором или утеряно ею, пока она таскалась по тюрьмам и этапам» (С. XIV-XV, 251). Многие дети также становятся жертвами насилия, несправедливости и равнодушия, и власти попустительствуют всему этому, и судьба этих женщин и детей никоим образом не защищена. Женщины и дети становятся жертвами самого низкого бескультурья. И все это после окончания ссылки не уменьшается. Если взять ситуацию на Сахалине, то картина только усугубляется: «Местная практика выработала особенный взгляд на каторжную женщину, существовавший, вероятно, во всех ссыльных колониях: не то она человек, хозяйка, не то существо, стоящее даже ниже домашнего животного» (С. XIV-XV, 250). Остров Сахалин расположен в самой восточной части Сибирского континента, в опасном морском районе, вдали от материка. Все это делает преступность здесь еще более изолированной от остального мира.

¹ Ананьев Д.А. Женщины в ссылке и на каторге в Сибири и на Дальнем Востоке (вторая половина XIX – начало XX в.) // Исторический курьер. 2019. № 3 (5). С. 11.

А.П. Чехов неоднократно говорит в своих текстах об отношении и методах обращения с женщинами на Сахалине. Варварская концепция верхов и низов, система расовой дискриминации и хозяйственная прагматика еще больше увеличили дистанцию между островом и цивилизацией, усугубили и положение женщин и детей: «Зимою бабе нечего делать, она не помощница мужику, а только лишний рот. Потому-то хорошие хозяева берут их осенью неохотно» (С. XIV-XV, 251). «Члены же <семьи> женского пола одинаково бесправны, будь то бабка, мать или грудная девочка; они третируются, как домашние животные, как вещь, которую можно выбросить вон, продать, толкнуть ногой, как собаку» (С. XIV-XV, 178). «А женщины, ссыльные и свободные, добровольно пришедшие за мужьями, промышляют развратом» (С. XIV-XV, 86).

Женщины-каторжницы, описанные в книге «Остров Сахалин», отличаются только состоянием, а качественной разницы нет – женщины-каторжницы, которых видел Чехов, должны найти кого-то, кто сможет стать их местным сожителем, и только после этого они смогут выжить. Кроме этого, им приходится терпеть постоянную беременность и роды, они не могут самостоятельно зарабатывать на все необходимое для выживания и могут полагаться только на мужчин. Когда женщины-ссыльные прибывают на Сахалин, с ними обращаются как с проститутками; местная администрация организует нечто вроде продажи или распределения их, власти превращают место содержания женщин-преступниц в публичный дом: «Можно сказать, что, за исключением небольшого числа привилегированных и тех, которые прибывают на остров с мужьями, все каторжные женщины поступают в сожительницы. Это следует считать за правило» (С. XIV-XV, 250).

Если преступницы-женщины будут протестовать, то их отправят в пункт поселения, это означает, что они будут уличены в самой неограниченной проституции, потому что в таких местах часто бывает всего 2-4 женщины, а число одиноких мужчин составляет 50-60. Кроме того, после того, как местные

охранники и конторщики выберут женщин-преступниц, они продадут остальных и позволят правоспособным мужчинам выбрать их. Эти женщины становятся своего рода низшими существами наравне с домашним скотом. Женщины стали предметом, который можно передавать по наследству, раздавать, принимать и одалживать. По сути, женщины на острове Сахалине стали преступницами из преступников.

Очевидно, что сам Чехов испытывает уважение и сострадание к женщинам. Женщины на Сахалине несчастны, заключает он, несмотря на то что эти женщины – преступницы: «они поступают в колонию в сравнительно молодом возрасте; это в большинстве женщины с темпераментом, осужденные за преступления романического и семейного характера: "за мужа пришла", "за свекровь пришла". Это всё больше убийцы, жертвы любви и семейного деспотизма» (С. XIV-XV, 246). «Еще в трюме парохода многие арестанты пишут домой, что на Сахалине и тепло, и земли много, и хлеб дешевый, и начальство доброе; из тюрьмы они пишут то же самое, иногда по несколько лет, придумывая всё новые соблазны, и расчет их на темноту и легкоеверие жен, как показали факты, часто оправдывается» (С. XIV-XV, 255).

Если жена не приедет, ссыльнопоселенец может попробовать создать семью в месте ссылки, хотя это несомненно является незаконным действием, поскольку на нем все еще лежат брачные обязательства. Женщины всегда неохотно идут на развод. Развод – это грех по религиозным убеждениям. Другие считают, что развод бессмысленен, например, из-за преклонного возраста обеих сторон. Но старики по-прежнему желают семьи, стремятся к какому-то, пусть минимальному, уюту, поэтому жена будет думать, когда получит письмо с просьбой своего мужа: «В его ли годы жениться, – рассуждает жена, получив от мужа письмо насчет развода. – О душе бы, старый пес, подумал» (С. XIV-XV, 263). Но даже если мужчина женится на Сахалине и создаст семью, он, возможно, не сможет стабилизироваться. Многим людям все еще приходится скрываться от правосудия

и снова бросать своих жен и детей. Чехов рассказывает, что он иногда приходил в какую-то избу и спрашивал каторжных женщин, где были их мужчины? И те часто отвечали: «Кто знает?»

Кроме того, Чехов ещё заметил, что на острове есть большое количество семей не потому, что жизнь здесь удобна для семей, а из-за того, что администрация так предпочитает – любят размещать здесь ссыльных с семьёй, переселенцы здесь ближе к чиновникам и тюрьмам, и тогда тем более им легче «добыть» женщин. Большое число семей – это случайный эффект местной политики. Он вызван административной политикой, которая, по словам Чехова, выходит за пределы природных и экономических условий, она определяет качество жизни людей и становится их законом. Если ссыльных дразнила "случайная" административная власть, то женщин в этом месте дразнила и власть, и мужчины.

Записки Чехова о сахалинских женщинах особенно поразительны. Эти каторжницы должны были распределяться как ресурсы. На острове доминировало представление, что женщина есть и человек, и домохозяйка, и рабыня – существо более низкого статуса, чем домашний скот. Переселенцам нужны эти женщины для домашнего обихода и ухода за скотом. Чиновники обещали переселенцам, что выделяют им женщин. Они ещё внушали Чехову, что лучше присылать женщин в нужное время, а то им нечего делать осенью и зимой, когда они бесполезны: приезжают и только поглощают выдаваемый паек. Он написал: «Так рассуждают осенью о рабочих лошадях, когда предвидятся зимою дорогие кормы. Человеческое достоинство, а также женственность и стыдливость каторжной женщины не принимаются в расчет ни в каком случае ... Но унижение ее личности все-таки никогда не доходило до того, чтобы ее насильно выдавали замуж или принуждали к сожительству» (С. XVI, 135). Чехов и сам увидел такой случай: «Бывает, что приходят на каторгу старуха мать и взрослая дочь; обе

поступают в сожительницы к поселенцам, и обе начинают рожать как бы вперегонку» (С. XVI, 136).

В связи с этим, мы должны учесть как расширяющийся контекст, что социальные темы, скрытые сложной эмблемой женского вопроса, намеченные в досахалинской прозе, конечно, отражаются и в книге «Остров Сахалин», и в последующих произведениях А.П. Чехова.

Реформа крепостного права в царской России была медленной и мучительной, но всё-таки она шла, капиталистические производительные силы довольно быстро развивались. Феодально-крепостническое право потихоньку отменялось, и общество пробуждалось. Именно эта эпоха вызвала у Чехова глубокие размышления над некоторыми социальными проблемами, а женский вопрос является важным их компонентом. Литературная среда, в которой Чехов существовал, сильно повлияла на него и способствовала формированию его демократических убеждений, в том числе и взглядов на женщин. Развитие империи и реформа права не могут протекать изолированно. Ясно, что и вопрос о правах женщин стоял очень остро везде. Когда русские женщины занимались тяжелым трудом, точно так же японки преклонялись перед мужчинами, а китайки оборачивали ноги, чтобы служить им; ну, а арабские женщины до сих пор даже ещё не сняли чадру... поэтому любой писатель, обладающий совестью и чувством ответственности, не может не коснуться женской проблематики.

В 1886 году в журнале «Русское богатство» было опубликовано письмо Л.Н. Толстого к его товарищу В.Г. Черткову. И эта публикация вызвала огромную дискуссию среди критиков и читателей. Полемика заключается в том, что Л. Толстой излагает свои взгляды на роль, положение и профессию женщины в тогдашнем обществе. В тексте встречаются такие выражения, как «всегда было и будет то, что... и женщина, проводящая большую часть своей жизни в свойственном исключительно ей труде рождения, кормления, и возвращения детей, будут одинаково чувствовать, что они делают то, что должно», «идеальная

женщина, по мне, будет та, которая, усвоив высшее миросозерцание того времени, в котором она живет, отдается своему женскому, непреодолимо вложенному в нее призванию – родит, выкормит и воспитает наибольшее количество детей, способных работать для людей, по усвоенному ей миросозерцанию», «еще жалче: потому что земля эта могла бы родить только хлеб, а женщина могла бы родить то, чему не может быть оценки, выше чего ничего нет, — человека. И только она одна может это сделать»¹.

Очевидно, некоторые высказывания Л.Н. Толстого вызвали недовольство критиков, отрицавших любую стигматизацию женщины. Эти критики в том числе редактор «Русского богатства» Л. Оболенский, критик А.М. Скабичевский, известный публицист и общественная деятельница М.К. Цебрикова и др. В ответ на выступление Л. Толстого они опубликовали свои критические статьи в разных журналах, газетах, в том числе «Граф Л.Н. Толстой о женском вопросе», «Русская мысль» и критики Толстого» («Русское богатство», 1886, № 8) и т.д.

Кроме этого, следует отметить, что ещё в 1868 году М.К. Цебрикова опубликовала статью «Наши бабушки» (по поводу женских характеров в романе «Война и мир»), в которой проанализированы яркие характеры героинь романа: княгини Болконской, княжны Марьи и Наташи Ростовой.

М.К. Цебрикова считает, что эти женщины в романе такие живые, они настолько близки нашей жизни, их образ мыслей, чувств и поведения как бы отражает наших родственниц в нашей повседневной жизни, как бабушки. Например: одна из тех милых детей-куколок – игривая и очаровательная княгиня Болконская. Другой пример, робкая и покорная княжна Марья – хотя не такая красивая, но она дарит бескорыстную любовь, не ожидая никакого ответа. А ещё энергичная, одаренная Наташа Ростова. Все эти женщины умеют любить, но жизнь, семья и брак накладывают на них слой за слоем оковы². Как бабушки,

¹ В 1886 году в двенадцатом томе пятого издания сочинений Толстого появилась работа под названием «Мысли, вызванные переписью», отрывки из его обширного трактата «Так что же нам делать?», написанного в 1882-1886 гг. (см. т. 25). Последняя глава этих выдержек была озаглавлена «Женщинам».

² Николаева (Цебрикова М.К.) Наши бабушки (По поводу женских характеров в романе «Война и мир») // Отечественные записки. 1868. № 6. С. 167-192.

которые встречают жизнь с горькими улыбками в семейном мире. Очевидно, что внуки бабушек в новую эпоху оказываются совсем другими. Они стараются взять судьбу в свои руки вместо того, чтобы опираться на мужчин, и пытаются жить той настоящей жизнью, которая должна быть у независимой женщины, по крайней мере, судьба бабушек не продолжается для следующего поколения.

Полемика о взглядах на социальный статус женщины, несомненно, является бурной и глубокой. И на самом деле, эта борьба никогда не прекращалась в России. Писатели, высказывающие свое мнение, отвечающие и критикующие, оставили нам свои статьи о женских вопросах, и это значительная доля в публицистике любого исторического промежутка.

Статья М.А. Протопопова «Женское творчество», опубликованная в «Русской мысли» в 1891 г., также вызвала бурную полемику своими суждениями. Он считает, что если женщины-писательницы обладают какими-нибудь типическими и специфическими свойствами, то эта уникальность должна отражаться в их литературном творчестве, но женщины-писательницы на самом деле не привнесли никакой уникальности в литературу. Его безапелляционные оценки вызывают интерес тем, что высказывает их представитель интеллигентской публики: «лучшие представительницы литературного "женского творчества" текущего момента – г-жи Смирнова и Шапиро, без сомнения, писательницы талантливые, но только грубое безвкусие или узкое пристрастие могли бы поставить их в чисто литературном, эстетическом отношении рядом с такими яркими звездами, как Кохановская и Зайончковская... сущность дарований современных представительниц женского литературного творчества так немногосложна, что может быть исчерпана даже беглой характеристикой»¹.

Наряду с этим возникают иные мнения, утверждающие, что женщины имеют тонкий и уникальный взгляд на социальные и моральные вопросы, на проблему неравенства и конфликты. В разных повествовательных пространствах

¹ Протопопов М.А. Женское творчество // Русская мысль. 1891. Кн. 2. С. 123-141.

писательницы способны создавать женский голос, они обладают уникальными гуманистическими чувствами.

Как говорит Л. Толстой, «призвание всякого человека, мужчины и женщины, в том, чтобы служить людям»: задачи, лежащие на плечах мужчин и женщин, одинаковы, и любое предвзятое разграничение по признаку пола может вызвать бурю негодования, однако эти колебания в некоторой степени способствуют решению женских вопросов, будь то литературные произведения или публицистические статьи. Все они достойны полноценного обсуждения¹.

Следовательно, эти дискуссии также беспрерывно стимулируют независимую личность у женщин, хотя этот процесс является длительным, тем не менее он в определенной степени способствует пробуждению и становлению женского сознания. «Лишь мало-помалу пробудилась самосознательная личность, и, конечно, у женщины она пробудилась позднее, именно в силу того, что это пробуждение всегда является результатом противоположения своего "я" семейно-родовому союзу. Между тем, женщина почти до самого последнего времени оставалась замкнутой в сфере интересов семьи, почти совершенно лишенная самостоятельности и не посредственного воздействия на окружающую общественную жизнь»².

В 1899 году Л.Е. Оболенский в сборнике «Памяти В.Г. Белинского» опубликовал статью «Эволюция личности у женщин». В статье на примере некоторых женских персонажей Ибсена (Алина Сольнес, г-жа Альвинг, Гада Габлер, Гильда Тен и т.д.) объясняются становление и развитие личности женщин³. Любопытно, что в этом сборнике участвовал также А.П. Чехов, опубликовавший три рассказа.

¹ Михайлова М.В. Тематический семинар «Женская / “Дамская” литература в русском критическом дискурсе XX-XXI столетия» // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2021. № 1. С. 247-248.

² Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. Юбилейное издание (1828—1928). Серия 1: Произведения / Под общ. ред. В.Г. Черткова. М.; Л.: Гос. изд-во, Т. 1. 1957. С 296.

³ Оболенский Л.Е. «Эволюция личности у женщин» («Памяти В.Г. Белинского»). М.: Товарищество тип. А.И. Мамонтова. 1899. С. 520-558.

Л.Е. Оболенский писал: «женщины в течение всей почти истории шли первым путем, то есть путем регрессивного приспособления к чужим потребностям и состоянию рабской подчиненности. От этого-то они и пали так низко»¹. Нам нетрудно заметить, что обобщенная история этой героини почти тождественна историям чеховских героинь. Несколько раз упоминаемое в тексте «мало-помалу» также раскрывает трудности и страдания эволюции личности женщин – семейная этика, светская мораль, общественное познание стали причинами этой задержки. Вот, по мнению М.В. Михайловой, женщина и мужчина настолько опутаны ложными представлениями, что в их головах сложилась ложная картина о долге и обязанностях каждого – и эту гендерную картину надо «переписать» заново².

Кроме женщин, дети, без которых ни одно общество представить нельзя, имеют свое уникальное значение. С помощью "детей" Чехов разоблачал многие пороки царского русского общества. Он создал множество впечатляющих образов детей в своих произведениях. Например, в повести «Степь» он описывает девятилетнего героя, которого зовут Егорушка. "Одиночество" и "красота" степи показаны с точки зрения этого мальчика, переживания которого воплощаются в повествовании взрослого рассказчика. Взрослые стремятся к прибыли и лучшей жизни, заняты зарабатыванием, они совершенно, кажется, несовместимы с красивой природой, но естественные дети и красивая степь могут гармонично сосуществовать. Так, в эпизодах неоднократно фигурирует Егорушка в кумачовой рубахе: «От быстрой езды его красная рубаха пузырем вздувалась на спине и новая ямщицкая шляпа с павлиньим пером то и дело сползала на затылок <...> Одна баба поднимается и, взявшись обеими руками за измученную спину, провожает глазами кумачовую рубаху Егорушки» (С. VII, 14, 18). Красный цвет на зеленом фоне создает гармоничное цветовое сочетание. Вот, Л.П. Громов

¹ Там же.

² Михайловна М.В., Инь Лю. Опровержение гендерных стереотипов и радикальных феминистских воззрений в творчестве Е.А. Нагродской // Современные проблемы литературоведения, лингвистики и коммуникативистики глазами молодых ученых. Традиции и новаторство: Межвузовский сборник. РИЦ БашГУ Уфа, 2014. том 5, С. 85.

считает, что «эстетическое начало в натуре Егорушки противопоставляется антиэстетической сущности людей, для которых весь смысл жизни – нажива»¹.

Другим примером может служить маленький, пухленький, чувствительный мальчик в более раннем рассказе «Гриша»: «На нем длинный ватный бурнусик, шарф, большая шапка с мохнатой пуговкой и теплые калоши» (С. V, 83). В описании внешнего вида маленького главного героя ярко отображается естественность ребенка. Описание детей у Чехова тонкое и красивое. Он не только любил детей, но и верил, что они олицетворяют красоту.

Образ другого типа – дети, полные печали, слабые и беспомощные, обиженные их семьями или подвергшиеся насилию со стороны хозяев дома, – более заразителен и проникновенен, заставляет читателей сильно беспокоиться о судьбах слабых и социально незащищённых слоев общества, критиковать социальную систему и феодальные автократические семьи, которые калечат детей. Например, в повести «Мужики» девять братьев и сестер подвергаются нападкам пьяного отца Кирьяка. В рассказе «Отец семейства» героя Федю обвинил отец, у которого было плохое настроение; младшие брат и сестра – Данилка и Фекла – бездомны и просят подать им на пропитание в рассказе «День за городом». Голодный мальчик попрошайничает на улице вместе с отцом в рассказе «Устрицы». Бедная Варька в «Спать хочется», созданном в процессе работы над «Степью», в бессознательном состоянии совершает непоправимый поступок.

Описав трагическую судьбу детей "на дне общества", Чехов разоблачает пренебрежительное отношение тогдашнего правительства к маргинализированным детям, стремясь привлечь внимание людей к их судьбе. Изображения этих детей помогают заполнять пробелы в историческом портрете ребенка XIX века. Кроме этого, по сравнению с жалкой жизнью мещанских детей Чехов превозносил незапятнанную и прекрасную невинность детей через образы молодого поколения в своих произведениях и надеялся, что взрослые задумаются над своим безразличным отношением к миру.

¹ Громов Л.П. Этюды о Чехове. Ростов-на-Дону: Ростовское областное книгоиздательство, 1951.

Помимо образов детей, созданных Чеховым в его произведениях, образы детей в ссылке и на каторге царской России и картины их мучительной жизни достоверно представлены в путевых записках «Остров Сахалин». Во время поездки на Сахалин Чехов специально подсчитал количество детей на острове и исследовал их жизнь. На Сахалине насчитывалось 2122 ребенка. В книге, собравшей карточки чеховской переписи, «Быть может, пригодятся и мои цифры...» упоминается, что Чехов для работы над главой, рассказывающей о сахалинских детях, выбрал большинство детских карточек и систематизировал их по возрастным категориям, пронумеровав простым карандашом как отдельно каждую группу карточек, так и проведя общий подсчет респондентов того или иного селения или поста¹. Одни из этих детей были сосланы на остров вместе с родителями. Таких детей называли свободными. У них сохранялись все права на состояние. Большинство из них приехали туда в разумном возрасте. Они помнили и любили свою родину. Кроме этого, были ещё и другие дети, они родились на Сахалине, их называли крестьянами или мещанами, из них количество внебрачных детей составляло 37,2%, большую часть составляли внебрачные дети ссыльнокаторжных и поселенцев. Они не видели другой жизни, кроме сахалинской, поэтому считают остров своей родиной.

Условия жизни детей на Сахалине в то время были крайне суровыми. В своих путевых записках Чехов подчеркивает, что дети на Сахалине не имели доступа к образованию и медицинскому обслуживанию, а также испытывали недостаток питания и заботы своих родителей. «Отцы и матери говорят, что детей нечем кормить, что они на Сахалине ничему хорошему не научатся, и "самое лучшее, если бы господь милосердный прибрал их поскорее"» (С. XIV-XV, 270). Более того, страх, тревога и отсутствие защиты со стороны взрослых могут способствовать развитию психологических и эмоциональных проблем у детей, таким образом, их умственная деятельность искажается: «Дети провожают

¹ «Быть может, пригодятся и мои цифры...»: материалы сахал. переписи А.П. Чехова, 1890 г. / Гос. арх. Сахал. обл. Южно-Сахалинск: Рубеж, 2005. С. 8.

равнодушными глазами партию арестантов, закованных в кандалы; когда кандалные везут тачку с песком, то дети цепляются сзади и хохочут» (С. XIV-XV, 272). Эти дети становились свидетелями побегов, преступлений, курения и порки на острове. «Сахалинские дети говорят о бродягах, розгах, плетях, знают, что такое палач, кандалные, сожитель» (С. XIV-XV, 272). Из-за низкой температуры и влажного климата на острове, отсутствия подходящего рациона, вызванного тем, что дети едят только морскую капусту или соленую рыбу, из-за пренебрежительного отношения к ним со стороны местной администрации, эти дети выглядят бледными, худыми и слабыми. Смерть следует за ними по пятам: «умирают они почти исключительно от болезней пищеварительного канала» (С. XIV-XV, 272). Вред, причиняемый детскими болезнями, заключается не только в настоящем, но и в генетике болезни: «Если бы не эмиграция, то через два-три поколения, вероятно, пришлось бы иметь дело в колонии со всеми видами болезней, зависящих от глубокого расстройства питания» (С. XIV-XV, 273).

Кроме того, дети играют особую роль на Сахалине, так как они могут служить моральной опорой бездомным заключенным и жизненной связью мужчин и женщин на острове: «В огрубевшую, нравственно истасканную сахалинскую семью они вносят элемент нежности, чистоты, кротости, радости» (С. XIV-XV, 270). Даже в самых неблагоприятных условиях присущая детям красота все же привносит проблеск света в этот ад на земле.

Особое внимание Чехов уделял проблемам детей на острове, авторское отношение к детям проникнуто жалостью и любовью. Бесспорно, чеховские портреты детей на острове помогли заполнить пробелы в исторических групповых портретах России XIX века. В письме к А.С. Суворину от 11 сентября 1890 года он сообщает, что побывал во всех населенных пунктах, посетил всех жителей и поговорил с ними. В этом письме возникает такой факт, как «переписная картотека» для будущей работы. Чехов говорит о числе опрошенных и зарегистрированных в ней — «около десять тысяч человек каторжных и поселенцев». Чехов считает, что он проделал успешную работу по переписи

детей: «особенно удалась мне перепись детей, на которую я возлагаю немало надежд» (П. IV, 134).

Повседневная жизнь поселенцев, каторжников, женщин и детей на острове тесно переплетается со сложными и разнообразными темами болезней, напрямую обращаясь к жестоким реалиям местной политики, которые становятся ближайшей задачей литературы: «Между женщинами замечается нравственное падение вследствие пребывания в партиях, и в Сибирь они являются неспособными к семейной жизни, что касается детей, то они поражают смертностью в пути, недавно из Москвы ещё отправлялись арестантские дети, зараженные корью, и разносили эпидемию»¹. Таким образом, можем сказать, что изменение мировоззрения после Сахалина способствует формированию у Чехова особого взгляда на жизнь обездоленных людей.

2.3 Осмысление проблемы труда в публицистике А.П. Чехова

Вопросы о труде решаются в стихах и поэмах великого поэта Н.А. Некрасова, в его поэме «Кому на Руси жить хорошо» много персонажей, среди них люди с рабской психологией являются отрицательными персонажами, а крестьяне, способные мыслить свободно, понимающие цену красоты, – это положительные герои. Однако в длинной поэме много описаний посвящено осмыслению безрадостной, бесправной жизни народа. Деревня выглядит катастрофически: «Селенье незавидное: Что ни изба – с подпоркою, Как нищий с костылем, А с крыш солома скормлена, Скоту. Стоят, как остовы, Убогие дома». Крестьянин здесь существует, «скормив запасы скудные», а на его полях «На ваши всходы бедные Невесело глядеть!». С окончанием лета многие из них отправляются «на попрошайство осенью, как на доходный промысел». Поэт может только вздыхать, что «счастье» недостижимо не только для крестьян, – вот и священник, увидев в ладони старухи два пятака: «тянется с костлявою, Мозолистой рукой», –

¹ Ядринцев Н.М. Сибирь как колония: К юбилею трехсотлетия. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, С. 175.

отворачивается¹. Страдания трудящихся невыразимы. Их тяжелый труд не может уберечь их от вечной нищеты и не может уберечь от угрозы голода и смерти. Некрасов показывает, что все, кто в России трудится, бедны. Так и в романе А. Мельникова-Печерского «В лесах» герои размышляют о том, что родная земля к своему человеку неприветлива: и с хлебушком крестьянин самый бедный, на диво купцам рассказывает Василий Борисыч, а чужака-англичанина, подмечает Алексей, «матушка русска земля до усов ... кормит».

Следовательно, размышление по поводу вопросов труда в России позволяет нам понять суть классовых проблем, которые несут эксплуатацию трудящимся. А если все крестьяне, работающие в России, бедны, то работа на каторге в Сибири и на Сахалине просто бесчеловечна. Таким образом, мы можем полагать, что система ссылки и наказания в России обусловлена системой законов, и поэтому в ней мы видим переплетение нравственных, политических, медицинских, а не только так называемых каторжных вопросов, которые исследовал Чехов. Здесь находят воплощение и женский вопрос, и проблема отношения к детям и воспитанию, семье. Чехов в своих путевых записках обосновывает русскую тему: его мечта – создать «будущую, лучшую и более справедливую жизнь», это то достижение, к которому социальная медицина должна стремиться, и стоит уделять этому больше внимания.

Любое уложение в России, как и уголовное, в частности, не только воспроизводит общие нормы законности, но и отражает национальные особенности менталитета. И.Я. Фойницкий, известный русский правовед, писал: «Свод законов уголовных, изд. 1832 и 1842 гг. знал, кроме политической смерти, удержанной в виде замены смертной казни для преступлений государственных, два вида правопоражения: во-первых, это лишение всех прав состояния, и

¹ Некрасов Н.А. Кому на Руси жить хорошо // Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем в 15 т. Т. 5. Л.: Наука, 1982. С. 688.

во-вторых – лишение некоторых прав состояния»¹, – пытаюсь осмыслить меру справедливости в системе наказания. Сахалинская поездка для Чехова имеет значение формирования собственной этики и системы ценностей. Поэтому записки ни в ком случае нельзя рассматривать как обычные "частные письма" или "публицистически рукописи". Приём и структура текстов представляют обобщение писателя в области медицины, науки, искусства, социологии, морали, политики, закона и т. д.

А с позиции юриста и общественного деятеля А.Ф. Кистяковского наказание не должно быть сводимо лишь к ограничению свободы преступника. Вместо этого оно должно выполнять функцию примера для всего общества, с целью недопущения новых преступлений. Помимо этого, Кистяковский акцентировал мысль о важности коррекции личности осужденного. Только таким образом преступник сможет успешно вернуться в общество и стать его полезным членом. Например, в своей магистерской диссертации «Исследование о смертной казни» (1867) Кистяковский выдвигал и обосновывал идею о том, что «при более внимательном исследовании истории уголовных законодательств открываются такие факты, которые доказывают, что убеждение в несправедливости и ненужности этого наказания обнаружилось в роде человеческом гораздо раньше этого события»². Таким образом, мы можем сказать, что ссыльнопоселенцы подобны рабами и труд выступает как карательная мера, что противоречит основной идеологии современных уложений и трудов по уголовному праву и тюрьмоведению.

В книге «Освоение русского Дальнего Востока до конца XIX века» А.И. Алексеева и Б.Н. Морозова зафиксировано, что остров Сахалин является копией в миниатюре сибирской каторжной ссылки. В середине XIX века остров Сахалин стал крупнейшим местом ссылки в России. По указу «Положение

¹ Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. СПб.: Типография Министерства путей сообщения, 1889. С. 179.

² Кистяковский А.Ф. Исследование о смертной казни. Тула: Автограф, 2000. С. 126.

Комитета об устройстве каторжных работ» Александра II (апрель 1869 года) Сахалин становится местом каторги и ссылки. И в том же году туда было перемещено 800 преступников. С тех пор каждый год на Сахалин приезжают сотни преступников и члены их семей¹. В связи с этим в статье Д.Г. Тальберга также зафиксировано, что на остров Сахалин сослано около двух тысяч ссыльнокаторжных преступников в 1876 году².

После открытия в 1880 году морского пути между Европой, Россией и Дальним Востоком на Сахалине становится все больше ссыльных и каторжных рабочих. С 1886 года остров используется как место политической ссылки. К 1897 году на Сахалине насчитывается в общей сложности 8 936 ссыльных, что составляло 31,8% от общей численности населения острова. Кроме этого, на острове Сахалин насчитывается 4 979 каторжников, что составляет 46,5% от общего числа каторжников в Сибири. По состоянию на 1 января 1900 года общая численность населения острова Сахалин составляет 38 230 человек. Ссылное население составляет 23 062 человека, из которых 5 822 были каторжниками. Из этих цифр видно, что большое количество заключенных сосланы на остров Сахалин. Их заставляют заниматься каторжным трудом и терпеть различные мучения и трудности. Эти цифры являются позором не только для тогдашней России, но и для человеческой цивилизации³.

Сахалин является настоящим островом каторги, где основными "поселениями" являются тюремные замки, так как ссыльные и каторжники составляют большинство от общей численности населения острова. Так, Чехов записывает виды работ, выполненных и выполняемых каторжниками: рубка деревьев, работы в угольной яме, нагрузка и выгрузка пароходов, постройка домов для начальства, строительство зданий канцелярии, почтово-телеграфной конторы, полицейского управления, лавок колонизационного фонда, военных

¹ Алексеев А.И., Морозов Б.Н. Освоение русского Дальнего Востока до конца XIX века. М.: Наука, 1989.

² Тальберг Д.Г. Ссылка на Сахалин // Вестник Европы. СПб., 1879. Т. V. С. 218.

³ Там же.

казарм, тюремной больницы, военного лазарета, казенных домов, также и ссыльнокаторжной тюрьмы с её многочисленными складами и мастерскими и т.д. Как пишет Чехов в книге про каторжные работы в Александровске: «Что касается каторжных работ, производимых в самом Александровске, то здесь приходится наблюдать, главным образом, строительные и всякие хозяйственные работы: возведение новых построек, ремонт старых, содержание на городской манер улиц, площадей и проч. Самыми тяжкими считаются плотницкие работы» (С. XIV-XV, 94). Согласно наблюдениям Чехова, каторжники вынуждены заниматься многими видами работ и находятся под строгим надзором. У них нет права выбирать работу, они долгое время работают в нечеловеческих условиях и лишены малейшей свободы и прав. Это напоминает систему рабства, и существование этой системы в корне нарушает права и достоинства человека.

Кроме того, автор также описывает работы каторжников в Дуйской и Воеводской тюрьмах: «От усмотрения этой последней <администрации рудника. – *Н. Ш.*> зависит назначение на работы, количество и степень напряжения труда на каждый день и для каждого отдельного каторжного; от нее, по самой постановке дела, зависит наблюдать за тем, чтобы арестанты несли наказание равномерно» (С. XIV-XV, 137-138). Как особый вид рабочей силы, ссыльные сыграли определенную роль в развитии Сибири. Самая длинная грунтовая дорога на Дальнем Востоке, грунтовая дорога Хабаровск – Благовещенск, была построена каторжниками в 1898 году. Сибирь – крупнейшая в России база по добыче золота, и большинство золотодобытчиков здесь – это ссыльные каторжники, потерявшие право на возвращение домой. Рабочие, занимающиеся добычей полезных ископаемых в шахте, не имеют никаких гарантий безопасности, и несчастный случай часто приводит к гибели большого количества ссыльнокаторжных на дне колодца¹. Это составляло картину Чехова еще в его отрочестве, неслучайно одним из мотивов его последней пьесы становится

¹ Максимов С.В. Сибирь и каторга: в 3-х ч. СПб., 1871. С. 360.

«звук лопнувшей струны» – отголосок его степных воспоминаний, означающий, что в шахте сорвалась бадья, т.е., скорее всего, погибли люди.

До конца XIX века измученных ссыльнокаторжных можно было увидеть повсюду – на солеварнях, винодельнях, шахтах, строительных площадках – и других местах с тяжелыми условиями труда в Сибири и на Сахалине. По мнению одной из первых исследовательниц экономики в России, М.Н. Вернадской, разделение труда приносит огромную пользу развитию: от этой «силы» зависят «все успехи человечества, все благосостояние материальное и духовное, то есть все счастье человека. Не смотря на все это, разделение труда было бы совершенно бесплодно без свободы выбора труда. Обратите свободный труд в насильственный, и почти вся сила разделения труда исчезнет»¹.

Опираясь на разработки и концепции современных экономистов (С.В. Максимова, Д.Г. Тальберга и др.), Чехов показывает, как сводятся на нет все достижения цивилизации на Сахалине. Он много писал о тяжести труда здесь, так что в его осмыслении на страницах книги возникали воистину драматические картины борьбы человека с природой, болезнями и оказавшимся на их стороне административным климатом. В книге «Остров Сахалин» описаны крайние трудности, с которым столкнулись сахалинские поселенцы: «Если тяжесть наказания измерять количеством труда и физических лишений, то на Сахалине часто поселенцы несут более суровое наказание, чем каторжные» (С. XIV-XV, 233). В процессе освоения целины им приходится бороться с суровыми условиями, такими как пасмурная погода, ежедневные дожди и низкая температура. Длительное пребывание во влажной среде и при низкой температуре подвергает серьезной опасности их здоровье: «на Сахалине часто поселенцы несут более суровое наказание, чем каторжные» (С. XIV-XV, 233). Этот контраст подчеркивает, что карательный труд применяется, по сути, именно в отношении поселенцев, уже отбывших свое наказание. Каторга начинается не на каторге, а на

¹ Вернадская М.Н. Собрание сочинений покойной Марии Николаевны Вернадской, уржд. Шигаевой. Санкт-Петербург: Тип. Департамента Уделов, 1862. С. 21.

поселении – это не чеховское наблюдение. Автор стенографирует речь генерал-губернатора В.О. Кононовича, прекрасно понимающего суть ситуации, но не имеющего возможности ее изменить, и это создает в книге острый акцент.

В повести «Записки из Мертвого дома» Ф.М. Достоевский делит каторжников на три категории: каторжники, служащие в шахтах, и каторжники, служащие на фабриках. Ещё есть каторжники, содержащиеся в тюрьмах под надзором военных. Военный уход за третьей категорией людей строже, правила и предписания тяжелее. Эти каторжники всегда носят кандалы, а двери их барачных комнат всегда закрыты, хотя для других типов каторжников законы не столь строги. Вот Достоевский описывает такое состояние каторжников в своей повести: «выйдет он тогда из душной промозглой комнаты с низкими кирпичными сводами и пройдет по двору острога, и... и только. За острог уж его не выпустят никогда. Он сам знает, что спущенные с цепи навечно уже содержатся при остроге, до самой смерти своей, и в кандалах. Он это знает, и все-таки ему ужасно хочется поскорее кончить свой цепной срок. Ведь без этого желания мог ли бы он просидеть пять или шесть лет на цепи, не умереть или не сойти с ума? Стал ли бы еще иной-то сидеть?»¹

Чехов лично посетил поселения, расположенные повсюду на острове, в том числе Корсаковское, Ново-Михайловку, Красный Яр и др. Он обнаруживает, что некоторые селения были построены на низменных и бедных территориях, они застроились недавно и уже заброшены, значит, затем будут перестраиваться или переноситься в другие места, и это приведет к огромной трате рабочей силы и материальных ресурсов.

«На Сахалине каторжные работы разнообразны в высшей степени; они не специализировались на золоте или угле, а обнимают весь обиход сахалинской жизни и разбросаны по всем населенным местам острова. Корчевка леса, постройки, осушка болот, рыбные ловли, сенокос, нагрузка пароходов» (С.

¹ Достоевский Ф.М. Записки из Мертвого дома. СПб., 2016. С. 360.

XIV-XV, 76). Автор с гуманной точки зрения подчеркивает, что ссыльные подобны чернорабочим и у них нет никакой свободы, им каждый день приходится вкладывать огромный объем труда, невыносимый для обычного человека, а разнообразие видов работы также заставляет ужасаться.

Автор также критически комментирует положение каторжников, что они как дешевая рабочая сила тесно связаны с жизнью на Сахалине: перечисляя виды работ, он констатирует, что «по необходимости до такой степени слились с жизнью колонии, что выделять их <...> можно разве только при известном рутинном взгляде на дело» (С. XIV-XV, 76). То, что особенно вызывает глубокое сочувствие у писателя, это трагическое положение каторжанок, испытывающих двойные страдания в такой системе. Они наказываются не только по закону, но и страдают от социальной дискриминации и угнетения: «Когда их везут на остров, то думают не о наказании или исправлении, а только об их способности рожать детей и вести сельское хозяйство. Каторжных женщин раздают поселенцам под видом работниц, на основании ст. 345 «Устава о ссыльных», которая разрешает незамужним ссыльным женщинам "пропитываться услугою в ближайших селениях старожилов, пока не выйдут замуж". Но эта статья существует только как прикрытие от закона, запрещающего блуд и прелюбодеяние» (С. XIV-XV, 250). Таким образом, эксплуатацию женщин и отношение к ним Чехов резюмирует как результат полнейшего равнодушия.

Подобное состояние также зафиксировано Д.Г. Тальбергом в статье для «Вестника Европы»: «Женщины, подобно мужчинам, почти везде раздавались в услуги лицам управления, не исключая и холостых надзирателей, а также передавались каторжным и поселенцам под предлогом устройства их хозяйства»¹. А вот про женский труд пишет М. Вернадская: «Как часто случается нам слышать жалобы женщин на свою горькую участь. "Мы рождены

¹ Тальберг Д.Г. Ссылка на Сахалин // Вестник Европы: журнал историко-политических наук. 1879. № V. С. 240.

для страдания! <...> Мы должны подчиняться всем условиям света, повиноваться капризам и деспотизму мужчин"»¹.

Тяжелая работа на острове Сахалине образно показана в судьбе одного из героев книги, Егора: в тюрьме он выполнял самую грязную работу, подметал камеры и носил обед. А на Сахалине «...перво-наперво копали канавы под здание <...> Корчевали, обирали, копали и всё прочее <...> Потом мы возили бревна из-под Михайловки <...> У Сашки я делал всё по крестьянской работе: жал, убирал, молотил, картошку копал, а Сашка за меня в кóзну бревна возил <...> Выдали мне топор и веревку — дрова таскать. Семь печей отоплял. Я в юрте жил, за камарщика воду носил и подметал» (С. XIV-XV, 105).

Егор стал бесплатным слугой и долгосрочным работником у местных чиновников и солдат. Однако для Егора эта жестокая эксплуатация уже давно привычна, он приспособился. С его точки зрения: «Жил я ничего, бог здоровья давал, и косил я хорошо. Других надзиратель колотил, а я дурного слова не слыхивал. Ругается только народ, зачем бойко идешь, — ну, да ничего. В слободное время или когда дождь, я плел себе ступни. Люди спать с работы, а я сижу да плету» (С. XIV-XV, 105). На адском острове только такой каторжник, как Егор, у которого нет чувства сопротивления и который сводит всё к божьей воле, может спокойно существовать: «Вот и живу помаленьку, как бог дает» (С. XIV-XV, 106). Чехов использует лаконичные и простые слова, чтобы обрисовать реалистичного Егора как представителя тысяч каторжников на острове.

По сравнению с мятежными ссыльными, которые могли выбрать побег с Сахалина и изменить свою судьбу, т.е. рискнуть жизнью в отчаянной попытке, фигура Егора, которому посвящена особая глава в книге, не менее значительна. Мы сочувствуем его несчастью, но гневаемся на то, что он не хочет бороться. Он скромный пахарь, покорный "тупица", в повествовании автор дважды пытался его прервать, и это показывает, что он был невинным и его пригнали сюда

¹ Вернадская М.Н. Собрание сочинений покойной Марии Николаевны Вернадской, урожд. Шигаевой. 1862.

несправедливо. Несмотря на то, что ему минуло сорок лет, что ему присущи неуклюжесть и медлительность и выглядит он глупо, в его жестах видны черты простого и трудолюбивого человека. Чехов описывает неустойчивость Егора, его глаза ищут работы, потребность в действии не позволяет ему утомиться: «Здесь, на каторге, он сам построил себе избу, делает ведра, столы, неуклюжие шкапы. Умеет делать всякую мебель, но только "про себя", то есть для собственной надобности» (С. VI 28). Сфабрикованное в суде дело привело к распаду его семьи, которая могла бы быть счастливой.

В эту неустойчивую эпоху самыми непосредственными жертвами коррумпированной судебной системы и произвольной системы ссылок стали такие мужики, как "Егор", возникший под пером Чехова. Господствующая машина тирании принесла человеку не опору, а своего рода оковы. О несправедливостях прошлого Егор рассказывает настолько спокойно и отстраненно, что его слова почти не вызывают сочувствия и жалости у читателей.

А.П. Чехов, кажется, объективно и спокойно пишет о трагическом прошлом Егора с точки зрения стороннего наблюдателя, не оценивая истину и не предполагая никаких моральных стандартов. Трудолюбие Егора позволило ему найти некое убежище, но за это он трудится непрерывно, и всё это лишь ради того, чтобы выжить. Такое прозябание, по сути, есть подчинение насилию и смирение с судьбой.

До Сахалина А.П. Чехов находился под сильным влиянием Толстого: «Но толстовская философия сильно трогала меня, владела мною лет 6—7...» (П. V, 27), — а после того, как он своими глазами увидел судьбу Егора: «...толстовская мораль перестала меня трогать, в глубине души я отношусь к ней недружелюбно...». «Чтобы детям ума-разума послал...» — молился Егор. Чехов, обладающий острой проницательностью, видит в этом "глупость"; может быть, Егор осознает свое неумение бороться с судьбой, но все же питает надежду.

Однако все, что выпадает на его долю, непреодолимо и неизбежно. Пока его жизнь продолжается, у него есть будущее, но это, возможно, тупик.

Подавляющее большинство каторжников на острове были сосланы по решению суда, они потеряли свободу после заключения в тюрьму, где курение, шутки и общение запрещены. Каторжники содержатся в тесных камерах, в духоте, им сбривают половину волос на голове, чтобы предотвратить таким образом побег. В некоторых тюрьмах, как ни странно, непокорные каторжники не работают, хотя это и продиктовано правилами тюрьмы: они закованы в ручные и ножные кандалы и длинной железной цепью привязаны к тачке, которая мешает им двигаться. Неподвижность отражается на их мускулатуре: впоследствии их «руки до такой степени привыкают к тому, что всякое даже малейшее движение сопряжено с чувством тяжести, что арестант после того уж, как наконец расстается с тачкой и ручными кандалами, долго еще чувствует в руках неловкость и делает без надобности сильные, резкие движения; когда, например, берется за чашку, то расплескивает чай, как страдающий *chorea minor*» (С. XIV-XV, 141). Для них прикование к тачке есть лишение не только свободы, но и здоровья – настоящая пытка, изощренная, убийственная. Местные чиновники не принимают во внимание двойные физические и психологические страдания, а просто думают о том, как можно было бы содержать каторжных в тюрьме, не дав им возможности сбежать, даже если это приводит к мышечной атрофии.

Стоит отметить, что слово "кандалы" широко используется и много раз появляется в книге «Остров Сахалин», превращаясь в символ бедствия. Например, на пароходе, направлявшемся на Сахалин, «одного арестанта сопровождала пятилетняя девочка, его дочь, которая, когда он поднимался по трапу, держалась за его кандалы» (С. XIV-XV, 44). Потом это слово возникает вновь – писатель добрался до острова, и к нему подходит группа каторжников: «звения цепями, тащат тяжелую тачку с песком» (С. XIV-XV, 61). Автор описывает голод, болезни, холод, нечеловеческие условия жизни, пытки и смерть на острове. Это может

послужить ориентиром для будущего опыта этих детей, которые, не совсем понимая происходящее, катаются на тачку и развлекаются.

Чехов на острове видит даже прикованных собаку и петуха и сомневается в этом: «Зачем это у тебя собака и петух привязаны?». Хозяин отвечает: «У нас на Сахалине все на цепи!» (С. XIV-XV, 73). Кроме того, в книге встречаются и другие описания: «В Дуэ всегда тихо», и от звука кандалов «впечатление мертвой тишины становится сильнее»; «у меня есть фотография, где изображена толпа дуйских и воеводских каторжных на раскомандировке, и большинство закованных постаралось стать так, чтобы кандалы на фотографии не вышли»; «...как позорящее наказание, цепи во многих случаях достигают цели, но то чувство унижения, которое они вызывают в преступнике, едва ли имеет что-нибудь общего со стыдом» (С. XIV-XV, 332).

В VIII главе книги автор подробно описывает звук, издаваемый кандалами, и ужасающую атмосферу, которую они создают: «К мерному звону кандалов, шуму морского прибоя и гуденью телеграфных проволок скоро привыкает ухо, и от этих звуков впечатление мертвой тишины становится сильнее» (С. XIV-XV, 132). Кандалы – одно из ключевых слов в книге, это символ страдания, рабства, наказания, оскорбления, связанных с тяжелым трудом.

Кроме того, физические и психические пытки, которым подвергаются каторжники, это не только дневная и ночная работа, но и издевательства и эксплуатация местных чиновников. Чехов также явно критикует это в книге: «Вся исключительная тяжесть не в самом труде, а в обстановке, в тупости и недобросовестности всяких мелких чинов, когда на каждом шагу приходится терпеть от наглости, несправедливости и произвола. Богатые чай пьют, а бедняки работают, надзиратели у всех на глазах обманывают свое начальство, неизбежные столкновения рудничной и тюремной администраций вносят в жизнь массу дрызг, сплетней и всяких мелких беспорядков, которые ложатся своею тяжестью прежде всего на людей подневольных, по пословице: пань дерутся — у хлопцев чубы

болят» (С. XIV-XV, 139). Воссоздавая стилистику «Осколков московской жизни», Чехов показывает читателю иррациональность и жестокость каторжной системы. Его критика социальной несправедливости и нарушений прав человека заставляет задуматься о вреде и боли, причиняемых этой системой.

Из-за увеличения числа ссыльных из года в год тюрьмы во всех сибирских губерниях и на острове оказываются переполнены. А потому и санитарные условия в них становятся ужасными, это и приводит к тому, что в тюрьме распространяется эпидемия. Вот как Чехов зафиксировал эти данные: «По данным медицинского отчета за 1889 г., на каждого арестанта приходится здесь воздуха 1,12 куб. саж. Если летом, при открытых окнах и дверях, пахнет помоями и отхожим местом, то, воображаю, какой ад бывает здесь зимою, когда внутри тюрьмы по утрам находят иней и сосульки» (С. XIV-XV, 131). И если тюрьма переполнена, именно в это время года вентиляция в ней хуже всего: одежда, пахнущая овчиной, кожей и дегтем, ношенное нижнее белье, пропитанное потом и грязью, длительная невозможность умываться приводят к тому, что тело кишит вшами, из-за плохого питания каторжные постоянно страдают метеоризмом. Хлеб, мясо и рыба, которые они едят, также хранятся в бараках. Повсюду клопы. Кроме того, во время сильного мороза, по утрам окна изнутри покрывались слоем льда, и в казарме становилось темно: «сероводород, аммиачные и всякие другие соединения мешаются в воздухе с водяными парами и происходит то самое, от чего, по словам надзирателей, "душу воротит"» (С. XIV-XV, 92).

А по поводу окружающей среды в Корсаковской тюрьме в книге есть такое описание: «Казармы здесь старые, в камерах тяжелый воздух, отхожие места много хуже, чем в северных тюрьмах, хлебопекарня темная, карцеры для одиночного заключения темные, без вентиляций, холодные; я и сам несколько раз видел, как заключенные в них дрожали от холода и сырости» (С. XIV-XV, 193). Это описание показывает чрезвычайно суровые условия, в которых находятся каторжные. Тесные, многолюдные, вонючие, грязные и холодные помещения —

норма: «Сырость и холод – явление обыкновенное в камерах сахалинских тюрем. Всю меблировку камер составляют сплошные нары, под которыми скопляется масса грязи», – описывает тюремный быт доктор, служивший на острове уже после приезда Чехова¹. Такие условия жизни и неразумная система наказаний превращают тюрьмы в место перманентных пыток и разрушения физического и психического здоровья каторжных. Эти условия причиняют заключенным сильную боль.

В дополнение к суровым условиям жизни питание каторжников также становится одним из факторов несправедливой суровости наказания. В книге Чехов специально записывает это в главе XIX – «Пища ссыльных и что и как едят арестанты»: «Хлеб был в самом деле ужасный <...> из дурно смолотой муки и, очевидно, с невероятным припеком <...> 3 фунта хлеба, входящие в пищевой пай, очень часто, вследствие злоупотреблений припеком, содержат муки гораздо меньше, чем следует по табели» (С. XIV-XV, 293). Кроме воровских уловок на хлебе, неизбежны и серьезные проблемы с мясом и рыбой, которые становятся одной из причин заболеваний среди каторжников: «во-первых, этот продукт легко портится <...>; во-вторых, в котел поступает и та больная рыба, которую в верховьях ловят каторжные поселенцы. В Корсаковской тюрьме одно время кормили арестантов супом из соленой селедки; <...> суп этот отличался безвкусицей, селедка очень скоро разваривалась на мелкие кусочки, присутствие мелких костей затрудняло проглатывание и производило катары желудочно-кишечного канала» (С. XIV-XV, 295). А для каторжных, отправленных заниматься тяжелым физическим трудом, то есть тех, кто работает далеко от тюрьмы, или тех, кто работает в шахтах, тогда проблемы с питанием будут еще острее, «по словам заведующего медицинской частью, работая на берегу моря и рек, не брезгают выброшенными ракушками и рыбой, а тайга дает

¹ Лобас Н.С. Каторга и поселение на о-ве Сахалине: Каторга и поселение на острове Сахалине: Несколько штрихов из жизни рус. штраф. колонии. Павлоград: изд. В.С. Лобас, 1903. С. 28.

различные корни, подчас ядовитые. Работавшие в рудниках, по свидетельству горного инженера Кеппена, ели салные свечи» (С. XIV-XV, 297).

Кроме того, Чехов также описывает другие проблемы, с которыми каторжные могут столкнуться в своем питании, такие как неправильное хранение продуктов или отсутствие надлежащих санитарных условий. Эти факторы также повышают риск пищевых отравлений и инфекционных заболеваний. Таким образом, это оказывает серьезное влияние на их здоровье – еще один критерий критики Чеховым каторжной системы, указывающий на ее неразумный и оскорбительный характер. Вот так оценивает принципы каторги Д. Тальберг в своей статье: «Ссылка на Сахалине явилась у нас также при чрезвычайных условиях; полный упадок и дезорганизация каторжных работ, грозившие серьезной опасностью благосостоянию и безопасности Сибирского края, совершенно нарушили установленную законом связь между различными частями нашей карательной системы и дискредитировали значение высшего уголовного наказания»¹.

В Александровске Чехов познакомился с младшим врачом окружного лазарета Борисом Александровичем Перлиным. Несмотря на то, что в книге «Остров Сахалин» его имя появилось лишь один раз: «В рапорте врача окружного лазарета г. Перлина от 24 марта 1888 г., копию которого я привез с собой, между прочим сказано: "Меня постоянно ужасала большая заболеваемость ссыльнокаторжных рабочих острым воспалением легких"; и вот, по мнению д-ра Перлина, причины ...» (С. XIV-XV, 361), как безымянный персонаж он возникает не раз: «Один из них, старик без усов и с седыми бакенами, похожий лицом на драматурга Ибсена, оказался младшим врачом местного лазарета...», «Доктор рассказал мне, что незадолго до моего приезда ... генерал замахнулся на него палкой...», «Доктор показал мне целую кипу бумаг <...> Это были копии с прошений, жалоб, рапортов и... доносов» (С. XIV-XV, 58-59).

¹ Тальберг Д.Г. Ссылка на Сахалин... С. 250.

При цензурных обстоятельствах это объясняется попыткой Чехова защитить Перлина, потому что тот «находился <...> во враждебных отношениях с сахалинскими чиновниками и сахалинским начальством» (С. XIV-XV, 58). Перлина часто приглашают чиновники тюрьмы для лечения каторжных, поэтому он становится свидетелем жалкой и бесчеловечной реальности острожного быта. Он записывает все то, что своими глазами видит на Сахалине, и сохраняет это вместе с прошением, жалобой, рапортом и доносом, которые представляют собой лучшее свидетельство того, что надзиратель и чиновники жестоко издеваются над каторжными, делая питание скудным, используя телесные наказания и непосильный труд¹.

Таблица 1. Заболеваемость и смертность на острове Сахалин с 1879 по 1889 гг. (в чел.)

Заболевание	По медицинскому отчету за 1889 г.		По метрическим книгам за последние десять лет		Месяц проявления болезней
	Количество заболевших	Смертный случай	Количество заболевших	Смертный случай	
корь	3	0	по преимуществу детский возраст,	45	
жаба, воспаления горла		20 детей			сентябрь, октябрь
тиф	23		50		
лихорадка	17				в зимние месяцы
крупозная пневмония	27	треть	125		январь, февраль, март, май, июнь, ноябрь
дизентерия (кровавый понос)	5			8	
перемежающаяся лихорадка	428				
сибирская язва		1			
болезни дыхательных органов (бугорчатка)	одна треть умерших (бугорчатка берет 15%)				март, апрель, сентябрь, октябрь, ноябрь
сифилис	246	5		13	
цинга	271	6		19	
невралгия и судорога	16				
воспаление мозга, апоплексия и паралич	24	10			
эпилепсия	31				

¹ Дударев Г.И. Первые сахалинские врачи (по материалам российского медицинского списка, медицинским календарям и другим источникам) // Вестник сахалинского музея. Южно-Сахалинск, 2009. С.180-187.

расстройство умственных способностей	25				
желудочно-кишечные заболевания	1767	338			июль, август
женские болезни	105				
глазные болезни (конъюнктивит)	211				
травматические повреждения, вывих, перелом, ушиб и рана всякого рода	1217				
ознобление	290				
неестественная смерть			170		
больные, обращавшиеся за медицинской помощью	11309	194			

Учитывая, что каторжные гораздо сильнее подвержены различным заболеваниям в суровых условиях жизни и питания, Чехов приводит статистику заболеваемости ссыльных в главе XXIII – «Болезненность и смертность ссыльного населения». Болезнями, от которых часто страдают ссыльные, являются пневмония, сифилис, оспа, скарлатина, корь, лихорадка, дифтерит, паралич сердца, сыпной тиф, брюшной тиф, дизентерия, невралгия, судорога, воспаление мозга, цинга, апоплексия, эпилепсия, расстройство умственных способностей, желудочно-кишечные заболевания, женские болезни, конъюнктивит, травматические повреждения, вывих, перелом, ушиб и т.д. Однако, для ссыльных самый высокий уровень смертности (в 66% случаев) дает туберкулез: «Суровый климат, всякие лишения, претерпеваемые во время работ, побегов и заключения в карцерах, беспокойная жизнь в общих камерах, недостаток жиров в пище, тоска по родине — вот главные причины сахалинской чахотки» (С. XIV-XV, 363).

При условиях каторжного труда нехватка медицинских ресурсов, таких как врачи, медикаменты и оборудование, также является одной из причин высокого уровня смертности, что приводит к распространению заболеваний среди ссыльных и каторжных, серьезно влияющих на их жизнь и здоровье. Чехов резюмирует медицинское лечение на острове в книге как крайне скудное:

фельдшер назначается только в «большую партию» каторжных, и остальные, в том числе поселенцы, «за дальностью расстояния и по причине дурной погоды» не могут обратиться к доктору (С. XIV-XV, 368). Исходя из этих условий, можно увидеть, что жалкая жизнь каторжников в месте ссылки, плохое питание и тяжелый каторжный труд фактически истязают этих людей.

Стоит отметить, что возникновение различных заболеваний на острове также тесно связано с его суровым климатом. Проблема климата в Сибири была затронута Чеховым еще по пути на остров: с одной стороны, перед отъездом Чехов пообещал А.С. Суворину написать для газеты «Новое время» очерки о своих сибирских впечатлениях. Так и родилась увертюра к книге «Остров Сахалин» – очерки «Из Сибири». Хотя они не отражают весь процесс путешествия писателя по Сибири, этот цикл достаточно завершен по мысли и форме, и его темы имеют то же происхождение, что и «Остров Сахалин», и являются его неотъемлемой частью. Во-первых, здесь автор выступает против пожизненного характера наказания, и в Сибири он нередко показывает тех, кто, как и ссыльные, словно обречены несправедливыми законами на такую трудную жизнь. Во-вторых, в этих очерках поднимаются и другие важные вопросы, такие как трудные и опасные дороги, произвол и коррупция местных чиновников, обычаи и привычки жителей Сибири, ее суровые природные условия и так далее. Это так же напоминает панораму московской жизни, создававшуюся Чеховым для Лейкина. Любопытно, что положительную оценку «Острова Сахалин» дает А.И. Богданович, определяя книгу как классическое произведение. Он называет ее вкладом в историю русской ссылки с точки зрения изучения жизни страны¹. И это соотношение большого и малого в картине мира чеховских очерков дает повод задуматься о том, что однажды взятая писателем на себя задача предопределила перспективу всей его публицистики. В этом направлении ведется систематизация материалов работы.

¹ Богданович А. Остров Сахалин. А.П. Чехов // Мир божий. 1902. № 9. С. 62-63.

«Место ссылки» осмысливается ссылкойными и поселенцами в унисон с их судьбой: «Кричать от боли, плакать, звать на помощь, вообще звать — здесь значит реветь, и потому в Сибири режут не только медведи, но и воробьи и мыши» (С. XIV-XV, 9), «Сибирская природа в сравнении с русскою кажется им однообразной, бедной, беззвучной», «на Вознесенье стоит мороз, а на Троицу идет мокрый снег» (С. XIV-XV, 27), «Дождь не идет, а, как говорится, лупит во всю мочь» (С. XIV-XV, 18). В различных эпизодах мы встречаем подробные описания природы вдоль сибирского тракта: «Вечером земля начинает промерзать и грязь обращается в кочки», «Холодно! Ни жилья, ни встречных...» (С. XIV-XV, 9). Чехов называет остров Сахалин "адам на земле", а сибирский тракт, ведущий на остров, мы можем рассматривать как дорогу в этот ад: «Сибирский тракт — самая большая и, кажется, самая безобразная дорога во всем свете» (С. XIV-XV, 28). Про ужасные дороги Сибири также написано в книге Дж. Кеннана: «При самых благоприятных условиях не могут 6-10 тысяч человек, - мужчин, женщин и детей, - пройти 200 миль по такой стране, как Сибирь, не подвергаясь ужасным лишениям. Одних физических страданий достаточно тут, чтобы подорвать здоровье и силу обыкновенного человека; а если присоединить сюда плохую одежду, недостаточную пищу, отвратительную атмосферу переполненных этапов и почти полное отсутствие медицинской помощи — придется удивляться не тому, что так много арестантов умирает, а тому, что их так много выживает»¹.

Уже в начале книги писатель дает настолько выразительные и подробные описания, что читатели оказываются словно "заключены" в тюрьму на острове с сильным чувством тьмы и безысходности жизни.

Чеховский Сахалин впервые появляется перед читателями в образе "туманной полосы", «исчезает во мгле берег, уходящий в неведомый север», а вдали находится "ад на земле". В первой главе книги есть такое описание: «На правом берегу горел лес; сплошная зеленая масса выбрасывала из себя багровое

¹ Кеннан Дж. Сибирь и ссылка: в 2 ч. / пер. с англ. И.Н. Кашинцева; вступ. ст. Ф. Волховского; ред. Ф. Дедова [и др.]. СПб.: В. Распопов, 1906. С. 80.

пламя; клубы дыма слились в длинную, черную <...> полосу, которая висит над лесом... Пожар громадный, но <...> никому нет дела до того, что гибнут леса», «Когда в девятом часу бросали якорь, на берегу в пяти местах большими кострами горела сахалинская тайга <...> Страшная картина, грубо скроенная из потемок, силуэтов гор, дыма, пламени и огненных искр, казалась фантастическою <...> похоже, как будто горит весь Сахалин <...> И всё в дыму, как в аду» (С. XIV-XV, 45). Густой дым, огонь и черные полосы формируют цветовой фон дороги на Сахалин, но красивые цвета и таинственная атмосфера вызывают у автора непростое чувство: «Но настроение духа, признаюсь, было невеселое, и чем ближе к Сахалину, тем хуже. Я был непокоен» (С. XIV-XV, 54). Плохие дорожные впечатления заставляют Чехова усомниться в своих силах. В двадцати трех главах книги часто появляются описания природы, и эти картины создают достаточный эффект, чтобы представить тьму и жестокость режима пенитенциарной системы конца XIX века.

После трех месяцев исследования и разговоров с местными жителями, реальность Сибири, которую Чехов своими глазами видит, была намного тяжелее, чем описания в произведениях его предшественников. Вот как он пишет в письме к Суворину 9 декабря 1890 года: «...я сделал полную и подробную перепись всего сахалинского населения и видел всё, кроме смертной казни. <...> Пока я жил на Сахалине, моя утроба испытывала только некоторую горечь, как от прогорклого масла, теперь же, по воспоминаниям, Сахалин представляется мне целым адом» (П. IV, 139). Столкнувшись с жуткой реальностью Сахалина, Чехов приближается к пониманию, что его прежнее отношение к жизни было поверхностным. Социальная миссия писателя должна состоять в том, чтобы разоблачать темную и уродливую реальность, а не угождать низменным вкусам некоторых людей и писать бессмысленные тексты.

Перед отъездом в Сибирь Чехов прочитал много произведений и документов об острове Сахалине, в том числе книгу «Сибирь и каторга», написанную

С.В. Максимовым в 1871 году, статью «Наши тюрьмы и тюремный вопрос», написанную Н.В. Муравьевым¹ в 1878 году, и другие работы про Сибирь, как статью стремившегося помочь Чехову В.В. Птицына «Тюрьмы Приленского края», опубликованную в «Северном вестнике», где издавались и чеховские произведения. В письме к А.А. Долженко Чехов просит: «...попроси Ивана привезти мне из моей библиотеки <...>: 1) Максимов. "Сибирь и каторга". 2) Никольский. "Тамбовский уезд. Диссертация" <...> 3) Никольский. "О. Сахалин и его фауна". 4) Андриевский. "Речи". 5) Грязнов. "Череповский уезд. Диссертация"» (П. IV, 229).

«Сибирь и каторга» была написана С.В. Максимовым после того, как он отправился в путешествие, в 1861 г. По словам сестры Марии Павловны, Чехов познакомился с ним в январе 1890 года. В то время Чехов готовился к поездке на остров Сахалин и остро нуждался в соответствующих материалах. Эта книга станет одним из первых источников Чехова для ознакомления с жизнью сибирских ссыльных. Именно поэтому Чехов в письме к А.С. Суворину просит эту книгу: «Нет ли у Вас в библиотеке "Климаты разных стран" Воейкова? Очень хорошая книга. Если есть, то пришлите <...> Пришлите Максимова "Сибирь и каторгу"» (П. XXII, 46). Глубокая эмпатия Максимова к несчастным каторжникам глубоко заражает Чехова и многому его учит. И так постепенно Сибирь становится ключом к раскрытию тайн царского правления для Чехова, и это осознание возникает благодаря исследованиям быта жителей Сибири другими писателями и исследователями.

Более того, Чехов также прочитал статью о Сахалине, написанную М.Н. Галкиным-Враским. Сравнив ее с книгой Максимова, он понял, что эти отчеты и документы серьезно оторваны от реальности и являются лакированием реальности. В письме к А.С. Суворину 20 февраля 1890 года об этом было сказано так: «У Вас живя, я многое прочел, многое видел и слышал и сварил кашу не с

¹ *Муравьев Н.В.* Наши тюрьмы и тюремный вопрос // Русский вестник. 1878. IV.

одним только Галкиным – и это всё, невзирая на винопийство и шаганье из угла в угол» (П. IV, 22).

Галкин-Враский много раз посещал крупнейшие тюрьмы Сибири и считался человеком с выдающимися политическими способностями. Чехов, по всей видимости, питал некоторые иллюзии относительно этого чиновника и еще перед отъездом на Сахалин даже сообщил ему в письме от 20 января 1890 года о своих намерениях и надеялся на его помощь: «Предполагая весною этого года отправиться с научною и литературною целями в Восточную Сибирь и желая, между прочим, посетить остров Сахалин <...>, беру на себя смелость покорнейше просить Ваше превосходительство оказать мне возможное содействие к достижению мною названных целей» (П. IV, 10). Однако факт заключается в том, что каждый раз перед выездом Галкина-Враского с инспекционной поездкой начальники крупных тюрем Сахалина совершали временные рейды по улучшению пищевого режима и санитарно-гигиенических условий каторжных, чтобы пройти проверку, а потом впоследствии усилить истязание над каторжными. Галкин-Враский был не в курсе этого, и тем более у него равнодушное отношение к исследованию и пониманию каторжных. Таким образом, в его глазах Сахалин становится "раем" и идеальным миром для ссыльных и каторжных. Галкин-Враский пишет: «Д.Г. Анучин высказал мне, между прочим, что, по его мнению, остров Сахалин наиболее пригоден для поселений, так как работы собственно каторжного разряда там не много»¹.

По сравнению с Галкиным-Враским Чехов по существу искренний писатель, и его творческие принципы заключаются в поиске абсолютной истины. Великий русский писатель Л.Н. Толстой именно так и оценивает Чехова: «он писал о том, что видел и как видел»².

¹ Галкин-Враский М.Н. Поездка в Сибирь и на остров Сахалин в 1881-1882 гг.: Из путевого дневника М.Н. Галкина-Враского. СПб.: тип. т-ва "Общественная польза", 1901. С. 9.

² Толстой Л.Н. <Интервью> // «Русь». 1904. № 212. 15 июля.

Так, Г.А. Бялый в «Истории русской литературы» пишет, что Чехов выступил в своей книге «не как художник, не как публицист, а как исследователь народной жизни, протекающей в условиях каторги и ссылки. По целям своим Чехов ближе к автору "Сибири и каторги" (1871), чем к Достоевскому или Короленко. Изучив специальную литературу и проверив научные данные личными впечатлениями художественно зоркого наблюдателя, Чехов рассказал обо всём увиденном и узнанном из книг с удивительной сдержанностью или полной беспристрастностью <...> Гуманное чувство пронизывает всю книгу Чехова, только проявляется оно не в эмоциях автора, а в языке фактов и цифр, говорящих <...> о бездушии общего порядка, поражающего гиблые места»¹.

Таким образом, Чехов откровенно пишет Суворину перед поездкой в Сибирь, объясняя причину своей поездки для исследования: «Сахалин – это место невыносимых страданий, на какие только бывает способен человек вольный и подневольный. Работавшие около него и на нем решали страшные, ответственные задачи и теперь решают. <...> Из книг, которые я прочел и читаю, видно, что мы сгноили в тюрьмах миллионы людей, сгноили зря, без рассуждения, варварски <...> Сахалин нужен и интересен, и нужно пожалеть только, что туда еду я, а не кто-нибудь другой, более смыслящий в деле и более способный возбудить интерес в обществе» (П. IV, 32). Великий писатель полагает, что такие места, как Сахалин, должны рассматриваться как священные, люди должны их посещать, чтобы узнать больше о том, что происходило в прошлом, и чтобы в будущем избежать повторения таких ошибок.

2.4 Алкоголизм как тема чеховской прозы

Согласно медицинскому пониманию, синдром патологического влечения можно разделить на две категории, это обсессивное (психическое) и компульсивное (физическое) расстройство. В этих стадиях последовательно

¹ Бялый Г.А. Антон Чехов // История русской литературы. В 4 т. Л.: 1983. Т.4. С. 184 – 185.

проявляются такие симптомы, как снижение аппетита, потеря веса, падение артериального давления, одышка, нарушение речи и походки, судороги конечностей, припадки и т.д. По мере того, как время употребления алкоголя растет, принесенный вред также увеличивается. Проблема алкоголя считается не просто одной из актуальных проблем общества, этот вопрос часто отражается в литературных произведениях, чтобы косвенно раскрыть различные проблемы в российском обществе. Эта проблема является своего рода медицинским достижением, открытием эпохи конца XIX века.

В это время понимание болезнетворности данного влечения только складывалось. Предшественник Чехова – И.М. Сеченов – в своей диссертации «Материалы для будущей физиологии алкогольного опьянения» (1860) доказал, что алкоголь не разрушается в желудочно-кишечном тракте, а попадает в кровь и может оказывать влияние на функциональную деятельность всех органов организма. Кроме того, русский психиатр С.С. Корсаков, будучи ординатором Преображенской психиатрической больницы, в 1887 году в своей диссертации «Об алкогольном параличе» описал своеобразный тип психических расстройств, которые возникают у пациентов с неблагоприятным течением алкоголизма. Это представляет собой одну из форм хронической алкогольной энцефалопатии, которая характеризуется катастрофическим и необратимым повреждением памяти. Данное состояние возникает в результате того, что алкоголь разрушает мамиллярные тела гипоталамуса. Старший брат Ал.П. Чехов также активно занимался организацией лечебниц для алкоголиков. С психиатром В.В. Ольдерогге он задумался о создании колонии для алкоголиков. В рамках этого проекта он рассчитывал отправиться на Аландские острова ради устройства там лечебницы. 1 января 1899 года в Петербурге была устроена лечебница. Затем, 25 ноября 1903 года, в финляндских шхерах началась работа колонии для алкоголиков. Кроме того, Александр Павлович в 1897 году написал книгу «Алкоголизм и возможная борьба с ним».

Помимо очерков, А.П. Чехов пишет об этом в разных произведениях, это в том числе «Палата №6», «Крыжовник», «В овраге» и др.

В рассказе «Крыжовник» Чехов заставляет одного из героев высказаться о вреде алкоголизма. В сельском обществе многие жители злоупотребляют алкоголем. Это явление охватывает как крестьян, так и представителей более состоятельного населения. Алкоголь служит для них способом отвлечься от скучной и тяжёлой жизни, от ежедневных проблем и неудач: «наглость и праздность сильных, невежество и скотоподобие слабых, кругом бедность невозможная, теснота, вырождение, пьянство, лицемерие, вранье...» (С. X, 62). Алкоголь делает людей неспособными контролировать свои действия и эмоции – «в торжественный день, ставит им полведра, а они пьют и кричат ура, и пьяные кланяются ему в ноги» (С. X, 61) – это звучит как реминисценция из «Железной дороги» Некрасова.

Алкоголизм изображается и в повести «В овраге». Мужики часто попадают в трясину алкоголизма. Например, испитые мужики, уволенные с фабрики за пьянство, также и старший сын Анисим, который часто выпивал: «Анисим напрягал лицо и надувал щеки, и от него пахло вином» (С. X, 151). Или: «дяденька, как выпьет, то смеется: “Никак, говорит, я не разберу, где тут мои дети, а где чужие”» (С. X, 169). Это явление отражает отсутствие духовности и культуры в жизни села Уклеева и его жителей того времени, а также пассивное отношение людей к недугу.

В повести Чехова «Палата №6» алкоголизм является заметной чертой поведения двух персонажей: доктора Рагина и сторожа Никиты.

У Ивана Дмитрича Громова реакция на алкоголь крайне сильна. Даже минимальное количество, всего одна рюмка вина, вызывала у него головокружение и провоцирует истерические атаки: «Он никогда, даже в молодые студенческие годы, не производил впечатления здорового. Всегда он был бледен, худ, подвержен простуде, мало ел, дурно спал» (С. VIII, 76). Это свидетельствует о его слабости организма и особой чувствительности к алкоголю, которая,

возможно, является следствием его хронического нездоровья и неустойчивого психического состояния.

В то же время сторож Никита представляет собой полную противоположность Ивану Дмитричу в плане отношения к алкоголю. Он находится в постоянном состоянии опьянения. Несмотря на то, что его основная обязанность – присматривать за больными, он выполняет эту работу будучи пьяным. Это не только ставит под угрозу безопасность и благополучие пациентов, но и служит ярким примером безответственности и развращенности там, где нужно заботиться о здоровье и психическом состоянии людей.

Чехову говорил об устройстве лечебниц для алкоголиков в своих письмах его старший брат Александр. Чехов читал и статьи Александра по этому поводу. С другой стороны, сам Чехов, конечно, прекрасно понимает вредное влияние алкоголя для человека, так он писал, например: «Сам я, как ты знаешь, не безгрешен, сам знаю тяготу алкоголизма, а потому тебе и должна быть понятна моя забота о борьбе с алкоголизмом. Клинических картин я насмотрелся достаточно. Написал я, как тебе известно, несколько фельетонов на эту тему...»¹

Под действием алкоголя состояния пьянства на каждой стадии проявляются по разным, что также отражены в некоторых произведениях Чехова, например, в рассказе «Осенью» написано: «Малодушество! У всякого свое горе бывает, так и пить, значит? Вот у нас, к примеру взять, старшина. Жена к себе учителя среди бела дня водит, мужнины деньги на хмель изводит, а старшина ходит себе, да усмешки на лице делает...», «Выпив пять стаканов, барин отправился в угол, раскрыл медальон и пьяными, мутными глазами стал искать дорогое лицо...» (С. II, 236, 241). В этом рассказе, который Чехов впоследствии переделал в драматический этюд «На большой дороге», алкоголь показан как средство побега от горестей и проблем. Барин теряет самоконтроль от алкоголя, он бежит реальности, не справляясь с дурным настроением и неразрешенными проблемами

¹ Александр и Антон Чеховы. Воспоминания, переписка / *Гушанская Е.М., Кузьмичев И.С.* (сост., подг. текста и коммент.) М.: Захаров, 2012. С. 740.

в своей семье. Автор тут изображает различные аспекты алкоголизма, от его потенциально разрушительной силы до стремления людей найти утешение, убежать от реальности.

А в рассказе «Конь и трепетная лань» показан пьяница Фибров, который никогда не возвращается домой трезвым. Всю причину он сваливает на свою должность: «Должность такая анафемская». Каждый раз такая фраза как "нельзя не выпить" становилась оправданием: «там рюмку выпьешь, в другом месте пива, а там, глядь, приятель пьющий встретился <...> А иной раз и сведения не получишь без того, чтоб с какой-нибудь свиньей бутылку водки не стрескать» Но, несмотря на его отвращение, на уговоры оставить пьянство он отвечает по-прежнему: «Бросить? Как можно!» (С. IV, 97-100). Герой постоянно пьет и не может остановиться. Автор описывает безрезультатную борьбу Фиброва с желанием пить и негативные последствия его должности, которая требует общения с другими пьющими людьми.

В рассказе «Казак» находим такие детали: «А когда он по пути забежал в кабак закурить папиросу и выпить стаканчик, ему стало еще веселее...», «Все эти напасти, как говорил Максим, произошли оттого, что у него злая, глупая жена, что бог прогневался на него и его жену... за больного казака. Он все чаще и чаще напивался. Когда был пьян, то сидел дома и шумел, а трезвый ходил по степи и ждал, не встретится ли ему казак...» (С. VI, 164, 168), - когда описывается герой, который находит удовольствие в принятии алкоголя. Это придает ему чувство радости и веселья. Наряду с этим рассказ отражает негативные последствия алкогольной зависимости, такие как финансовые проблемы, конфликты в отношениях и утрата ценных вещей. Также отмечается связь между пьянством и негативными последствиями для здоровья и поведения героя.

Такая же ситуация также отражена в рассказе писателя «Петров день», где были такие фразы: «Охотники выпили и закусили. Доктор тотчас же налил другую и выпил. Ваня последовал его примеру <...> с Ваней сделалось дурно. Водка, смешанная с пивом, подействовала как рвотное... Нужно было везти Ваню

домой» (С. I, 67-79), Алкоголь влияет на человека, вызывая негативные физические и моральные последствия. Чехов в своих произведениях изображает различные аспекты алкогольной зависимости и ее последствия для жизни и поведения персонажей. Он представляет своих героев в различных ситуациях, как в городе, так и в сельской местности, чтобы продемонстрировать, что проблема алкоголизма является общей и касается различных слоев общества.

Эту проблему описывает писатель ещё и в рассказе «На гулянье в Сокольниках»: «Мужчина пьян жестоко... <...> быстро поднимается и, качаясь, выходит из-за стола. Публика, сидящая на других столах, начинает посмеиваться... Дама конфузится... <...> М-маша, где мы? — Молчи! Постыдился бы, все люди пальцами показывают. Тебе-то, как с гуся вода, а мне-то каково? Добро бы законный был, а то... так... Даст рубль и месяц попрекает: «Я тебя кормлю! Я тебя содержу!» Очень мне нужно! Да плевать я хотела на твои деньги! Возьму и уйду к Павлу Иванычу...» (С. III, 237-239). Мужчина пьянствует и вызывает насмешки со стороны других людей. В диалоге между мужчиной и женщиной создается образ человека, использующего алкоголь как средство ухода от проблем и потому вызывающего негативные эмоции и разочарование у окружающих. Автор использует такие сюжеты и персонажей, чтобы выразить свое отношение к проблемам алкоголизма и семейных конфликтов.

В рассказе «Средство от запоя», показывая запойного актера, Чехов словами его знакомого утверждает, что тот «скорей издохнет, чем проспится!». «Гребешков вытащил из кармана полуштоф водки и блеснул им перед глазами комика. Пьяный, при виде предмета своей страсти, забыл про побои и даже заржал от удовольствия. Гребешков вынул из жилетного кармана кусочек грязного мыла и сунул его в полуштоф. Когда водка вспенилась и замутилась, он принялся всыпать в нее всякую дрянь» (С. IV, 175-180). Этот отрывок продолжает тему алкоголизма, которая прослеживается в творчестве Антона Чехова. В нем описывается поведение пьющего героя, который, забыв про все, обращает внимание только на алкоголь и его эффекты.

Через внешние характеристики этих пьющих: жесты, мимику, язык и т.д. — показано, как алкоголь действует на людей: это реальная проблема в обществе.

Эти чеховские произведения стали материалом, который раскрывает психологию алкоголизма, однако эти психологические факторы также открывают путь к пониманию Чеховым русского общества и каторги на Сахалине. В переписке с Антоном в 1897 году Александр рассказывал об устройстве лечебницы для алкоголиков, чтобы спасти пьющих и изменять общество, он написал: «Нашлись доброхоты — большей частью измочаленные пьянством, — которые дают деньги для того, чтобы основать колонию для алкоголиков.... Но если мне, под диктовку психиатрии, удастся организовать колонию для алкоголиков и таким путем помочь хоть двум-трем Свешниковым, то я умру с сознанием, что жил не совсем даром...»¹. Он видит алкоголизм не только как личную болезнь, но и как проблему, требующую работы — изменений в обществе и создания системы поддержки.

В 1997 году доктор Мартин Франкфорт защитил свою диссертацию на тему «Чехов — антипсихиатр?», в которой было доказано, что Чехов мог бы стать блестящим психиатром. В работе он подчёркивает, что Чехов говорит об алкоголизме без жестокости, понимая необходимость милосердия, без осуждения. Вспоминается герой рассказа «Беда», который, пережив личный опыт алкоголика, стал хорошо относиться к пьяным: «Когда он видит пьяных, то уже не смеется и не осуждает, как прежде. Он любит подавать милостыню пьяным нищим и часто говорит: — Порок не в том, что мы пьянствуем, а в том, что не поднимаем пьяных. Может быть, он и прав» (С. VI, 400-405).

Рисуя картины страшного пьянства, преступлений майданщиков в тюремных бараках (пути водочной контрабанды, цены на водку), формы развращения алкоголем гиляков, Чехов не просто воссоздает картины низкого быта («и я тоже должен был пить водку, то есть спирт, наполовину разведенный водой», с. 187,

¹ Александр и Антон Чеховы. Воспоминания, переписка... С. 740-741.

или страшного «натурального обмена»), но представляет взгляд на проблему алкоголизма с пониманием и состраданием, и это впоследствии отразится в его художественной прозе. Некоторые люди могут испытывать изменение своего отношения к алкоголю и зависимости, осознавая, что это проблема, требующая не столько осуждения, сколько помощи и поддержки. Проявление милости и сострадания к пьяным именно в этом контексте – это попытка помочь и смягчить их горе, а не просто поощрение пьянства. Конечно, подходы к помощи и лечению алкоголизма могут различаться. Комплексный подход включает в себя медицинскую помощь, психологическую поддержку и социальную реабилитацию. Среди них самое главное является понимание зависимости от алкоголя, что это болезнь, которая требует эмпатии и рационального подхода к ее решению.

Глава III. Человек на каторге и поселении в очерках «Из Сибири» и «Острове Сахалин»

В настоящей главе нас интересует не природа документального или публицистического произведения Чехова, но менее масштабный вопрос о медицинском знании писателя, воплотившемся в его повествовании и поставленном на службу анализу социальных вопросов, логики поведения человека по обе стороны системы наказания в суровых условиях поселения в Сибири или на сахалинской каторге. Нас интересует, как Чехов рассматривает и изображает природу индивидуальности и социальных моделей, применяя для этого медицинские критерии, формы медицинской статистики, позволяющие ему ускользнуть от цензурных преследований и добиться легитимизации идей недопустимости такой модели, как каторга, а также мысли о бесчеловечности, порой и преступности, “правил” такой организации поселения, которые он изучал на Сахалине. Тем самым возможно создать подробное представление о медицинской и публицистической стороне в художественной тематике сибирско-сахалинской прозы Чехова.

3.1 «Из Сибири» и «Остров Сахалин» как отражение недугов человека

Симптомы заболеваний людей, в любом случае остающихся членами общества, естественно, глубоко социальны. Сьюзен Сонтаг в своей книге «Болезнь как метафора» называла болезнь «сумеречной стороной жизни, тягостным гражданством»¹. Поэтому описание болезни у Чехова представляет собой гораздо больше, чем просто болезнь как таковую, оно указывает на все общество, позволяя больному человеку и больному обществу существовать как единое целое в интересах осознания болезненности. Он выстраивает в тексте модель исторической обусловленности недугов – от частного к общему.

¹ Сонтаг С. Болезнь как метафора / Пер. М.Дадян, А.Соколинская. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. С. 3.

Индивидуальный недуг означает частную историю, но гораздо более выразительные и проблемные темы посвящаются Чеховым вопросам социальной медицины, в том числе гигиены, сохранения здоровья, питания, уровня жизни, воспитания детей, женского труда и женского здоровья и мн. др. Например, Чехов пишет о таких болезнях, как "жаба" и "воспаление горла", в XXIII главе, эти болезни имеют заразный и эпидемический характер – «на что всякий раз указывал мне ряд детских смертей в короткий промежуток времени» (С. XIV-XV, 358). Эпидемия обычно начинается в сентябре или октябре каждого года, так как в это время пароход Добровольного флота привозит в колонию вместе с каторжными заболевших в пути детей (С. XIV-XV, 358).

Чехов обладал уникальной чувствительностью к болезни, ее симптомам, ситуациям инфекции и ее пикам. У него получается точный диагноз и анализ заболеваний, это все является результатом многолетней медицинской практики. Именно поэтому во время его путешествия по острову, где он тоже принимал больных, делал операции, он продолжал накапливать опыт: «Приводят мальчика с нарывом на шее. Надо разрезать. <...> Прошу карболовой кислоты в растворе — мне дают, но не скоро; видно, что эта жидкость употребляется здесь не часто. Ни таза, ни шариков ваты, ни зондов, ни порядочных ножниц, ни даже воды в достаточном количестве» (С. XIV-XV, 370). Из приведенного выше описания видно, что медицинская помощь на острове не соответствует требованиям, хирургическое оборудование отсутствует, и больные страдают от этого.

Страницы этой главы выразительно коррелируют с эпизодами сахалинского ада в предыдущих сценах и позволяют сделать неутешительные итоги об истории создания колонии на острове. Отсутствие гигиены сказывалось на детях, вечно голодных, худых, обращающих на себя внимание своей недоразвитостью. Почти половина всех смертей на острове приходилась на долю детей. Это еще один резон, объясняющий, почему никто не хотел оставаться на острове – см. сцену беседы с «молодым каторжным, брюнетом», за которым на Сахалин приехала его жена с дочерью, но уехала в Николаевск спустя два месяца (С. XIV-XV, 115).

Будучи врачом, Чехов также обращал внимание на питание и рассматривал причины болезней. Например, в X главе он описывает вопиющий случай: «Когда я был в кухне, там варили в котлах похлебку из свежей рыбы — кушанье нездоровое, так как от периодической рыбы, пойманной в верховьях реки, арестанты заболевают острым катаром кишок» (С. XIV-XV, 159) – но интонация позволяет понять, что для арестантского рациона это норма. Кроме того, в путевых записках «Из Сибири» он тоже описывает местную «кухню»: «Если в полдень попросишь чего-нибудь вареного, то везде предлагают одной только "утячьей похлебки" и больше ничего. А эту похлебку есть нельзя: мутная жидкость, в которой плавают кусочки дикой утки и потроха, не совсем очищенные от содержимого. Невкусно, и смотреть тошно» (С. XIV-XV, 17). Очевидно, нездоровое питание становится одной из причин сахалинской лихорадки.

Что касается диеты, Чехов заимствует из официального медицинского отчета данные о суточном рационе: «пай содержит в граммах: белка — 142,9, жиров — 37,4, углеводов — 659,9 в скоромные дни и 164,3, 40,0 и 671,4 — в постные» (С. XIV-XV, 297). Чем больше человек работает и чем больше у него физических нагрузок, тем больше жиров и углеводов он должен потреблять в соответствии с правилами гигиены (С. XIV-XV, 297).

Кроме диеты, врачи должны учитывать качество быта. В XIX главе Чехов пишет, что прибывший в острог «зачастую <...> спит в мокрой одежде, так что, пока каторжного не поставят в более человеческие условия, вопрос, насколько одежда и обувь удовлетворяют в количественном отношении, будет открытым» (С. XIV-XV, 299). Влажная одежда серьезно вредит здоровью арестантов. Сахалинский климат крайне опасен, и Чехов вступает в полемику с пропагандистами каторги: «В году бывает дней с осадками в среднем 189: 107 со снегом и 82 с дождем (в Череповецком уезде 81 день с дождем и 82 со снегом)» (С. XIV-XV, 113) Как один из факторов среды климат является главной причиной возникновения болезней.

Помимо профессионализма местных врачей, Чехова интересовали не только вопросы гигиены, сохранения здоровья, организации питания, уровня жизни, он уделял внимание и проблемам образования на острове, например, он пишет в книге: «Среди мужского населения грамотные, считая взрослых и детей, составляют 29%, среди женского — 9%. Да и эти 9% относятся исключительно к школьному возрасту, так что о взрослой сахалинской женщине можно сказать, что она грамоте не знает <...> среди детей, прибывших из России, грамотные составляют 25%, среди же родившихся на Сахалине только 9%» (С. XIV-XV, 308). Проблема образования на острове указывает на его развитие и будущее, а вред, причиняемый отсутствием образования, может затронуть все общество.

Следовательно, Чехов видел все индивидуальные и социальные недуги своими глазами во время переездов по острову, а для того, чтобы вскрыть различные медицинские проблемы, нужен был особый язык, и для Чехова статистика (не только медицинская), несомненно, является таким методом.

Наиболее выразительные (и, вероятно, опасные в цензурном отношении) факты Чехов вынужден был «скрывать» в сносках. Так, одна из них содержит сопоставление финансовой отчетности Серпуховской земской больницы и на первый взгляд образцового, новенького Александровского лазарета. Чехов сначала описывает положение больных в одном из барачков (на соседних койках лежат каторжный с перерезанным горлом, покушавшийся на самоубийство, китаец с гангреной и больной с рожей и т.д.), а затем «добывает» читателя арифметикой сахалинского воровства и/или безалаберности: «Одежда и белье стоили 1795 руб. 26 коп., пищевое довольствие 12832 р. 94 к., лекарства, хирургические инструменты и аппараты 2309 р. 60 к., расходы комиссариатские, канцелярские и проч. 2500 р. 16 к., медицинский персонал 8300 р. <...>. Медицина на Сахалине обходится очень дорого...» (С. XIV-XV, 371).

С точки зрения французского философа и историка М. Фуко, медицина — это политика, а политика — это просто медицина в широком смысле¹. Разными

¹ Фуко М. Рождение клиники... С. 28.

путями болезни проникли в политическую систему, меняя социальное мышление, и это имеет определенные последствия. Он считает, что «первая задача медицины политическая. Борьба против болезней должна начинаться как война против плохого правительства. Человек может быть полностью и окончательно вылечен, лишь если он сначала будет освобожден»¹.

Творчество Чехова раскрывает жестокие явления грабительской несправедливости в российском обществе того времени, подвергает глубокой критике систему ссылки. «В 1891-м писатель создал два текста – "Остров Сахалин" и "Дуэль". Иными словами, параллельно с писанием "Дуэли" – май, июнь и первую половину июля – Чехов был занят работой над "Островом Сахалином"»².

И в повести «Дуэль» возникает описание местности, словно напоминающей Сахалин или Сибирь: «Направо расстилалось море, налево – была неровная коричневая стена с черными пятнами, красными жилами и ползучими корневищами, а сверху, нагнувшись, точно со страхом и любопытством, смотрели вниз кудрявые хвои» (С. VII, 384). Угнетающая картина моря и скал еще больше подчеркивает, что природа, кажется, заманивает людей в ад: «Первое впечатление у всех было такое, как будто они никогда не выберутся отсюда» (С. VII, 386). Нетрудно обнаружить, что через «Дуэль» проступает сахалинский фон.

В повести рассказывается история главного героя Ивана Андреича Лаевского – пустого, ленивого человека, жизнь которого «...сводится к вину, картам, туфлям и женщине. Женщина играет в его жизни роковую, подавляющую роль» (С. VII, 371). Когда Лаевский влюбился в Надежду Федоровну, он стремился заполучить ее и привезти на Кавказ, чтобы тем самым избавиться от пошлости и пустоты жизни. А теперь он уверен в том, что если бросит Надежду и вернется в Петербург, то получит то, что ему нужно. Он хочет сбежать, но у него нет денег на поездку, и он просит в долг у своего друга – военного доктора Самойленко.

¹ Там же.

² Кантор В.К. Метафизическая дуэль. К пониманию Чехова // Вопросы литературы. 2020. № 4. С. 19.

Самойленко – добрый человек, но у него денег нет. И Лаевский решает занять у фон Корена, который испытывает отвращение к Лаевскому. С его точки зрения, Лаевский вреден и его следует уничтожить: «у Лаевского же она <женщина. – Н. III.> — всё, и притом только любовница <...> он весел, грустен, скучен, разочарован — от женщины; жизнь опостылела — женщина виновата» (С. VII, 372). Лаевский смотрит на женщин глазами сахалинских чиновников. В их глазах женщины – товар или скот, который можно использовать и выбросить. Вот как отмечает Л.В. Лукьянова: «Осмысление "женского вопроса" вело Чехова к познанию естества человека, которое и открывалось писателю прежде всего в женщине...»¹.

В своих путевых заметках Чехов иронизировал, что «шведский писатель Стриндберг, известный женоненавистник, желающий, чтобы женщина была только рабыней и служила прихотям мужчины, в сущности единомышленник гиляков» (С. XIV-XV, 178). Это свидетельствует о развитии его принципов работы с характером героя,

Автор дает оценку таким людям устами зоолога фон Корена: «У этих сладострастников, должно быть, в мозгу есть особый нарост вроде саркомы, который сдавил мозг и управляет всею психикой». Или: «вид у него томный, разочарованный, ничто для него не интересно, всё пошло и ничтожно, но как только вы заговорили о самках и самцах <...> глаза у него загораются любопытством, лицо проясняется и человек оживает» (С. VII, 372). Эти оценки, довольно грубые и примитивные по своей научно-медицинской сущности, до некоторой степени отражают отвращение Чехова к интеллигенции, и отношение фон Корена к Лаевскому в этом аспекте совпадает с некоторыми взглядами автора. Но и мысли Лаевского, понимающего, как относится к нему зоолог, не могут быть в полной мере противопоставлены чеховским взглядам: «Деспотия и в науке так же сильна, как на войне. <...> Он здесь король и орел; он держит всех жителей в

¹ Лукьянова Л.В. Проблема женских характеров в рассказах А.П. Чехова: В свете дискуссии по "женскому вопросу": диссертация ... кандидата филологических наук. Москва, 1996. С. 52.

ежах и гнетет их своим авторитетом. Он прибрал к рукам всех, вмешивается в чужие дела, всё ему нужно и все боятся его» (С. VII, 398). Это описание близко к характеристике Лиды Волчаниновой из «Дома с мезонином» и в общем смысле подобно трактовкам чиновников сахалинской каторги, вполне образованным людям (некоторые из них имели дипломы университета), устроивших на острове образец самого дикого варварства, злоупотребляющих властью, чтобы контролировать не только заключенных, но и свободных людей.

«Чехов использовал в "Дуэли" "писаревский" финал»¹, отвечая злобе дня и полемизируя с точкой зрения критика. В конце повести Лаевский решается на дуэль с фон Кореном. Однако на дуэли никто не погиб. Лаевский выстрелил в воздух, а пуля зоолога оцарапала ему шею.

В конце 1880-х годов российское общество переживало радикальные перемены и потрясения, и благоденствие состоятельных слоев общества не могло скрыть жизнь низших слоев населения. На этом фоне Чехов начинает затрагивать ряд социальных проблем, и такие его произведения, как «Спать хочется», «Припадок» и «Скучная история», подобны лучу света в ночи, который обнаруживает его озабоченность социальной действительностью.

К примеру, «Спать хочется»: главная героиня рассказа, Варька словно олицетворение бесчисленных людей, находящихся на дне общества. В тринадцать лет она вынуждена покинуть родные места и приехать в незнакомый город, чтобы работать няней. В рассказе «Припадок» и в повести «Скучная история» Чехов также затрагивает социальные проблемы с разных сторон.

В «Припадке» показано сильное давление на личность социальной среды. Это отражает некоторые социальные проблемы, такие как безразличие межличностных отношений, подавление социальной системой человека, разрушение человеческой природы и т.д. А в повести «Скучная история» Чехов глубоко раскрывает духовный кризис русской интеллигенции конца XIX века. В

¹ Семанова М.Л. Чехов – художник... С. 86.

погоне за знаниями и карьерным успехом они постепенно теряют страсть и веру в жизнь и впадают в состояние пустоты и растерянности. Эта духовная проблема не только личная трагедия, но и трагедия всего общества.

Существует связь между указанными произведениями Чехова, но это лишь поверхность вопроса, требующего более глубокого и развернутого рассмотрения. По мнению В.К. Кантора, которое было обосновано, в общем, давно, еще в мемуарах о Чехове: «...Сахалин все же сказался. Он как мощное подводное течение, которое определяет температуру (в данном случае — подчеркнутое безразличие к человеческой жизни) <...> Вот рассказ, навеянный Сахалином, — это "Гусев": о том, как едущий домой солдат умирает на корабле, который везет его в Россию, а тело сбрасывают в океан акулам. Акула — существо из доисторических времен, как и медуза, предмет занятий фон Корена. Оба — существа хтонические, чуждые человеку»¹. Автор впоследствии никогда не отходил от темы Сибири и каторги, ссылки в плане обстановки, персонажей и финала повести. В.Л. Кигн (Дедлов) писал Чехову в 1904 г.: «Когда я читал "Сахалин", мне думалось, что тамошние краски сильно пристали к Вашей палитре. Почему-то мне кажется, что великолепнейшая "Дуэль" вывезена отчасти оттуда»². Это достаточно убедительно показывает, что путешествие Чехова оказало большое влияние на его творчество, а причину такого влияния можно свести к работе над проблемой общего человеческого недуга.

Изображение общего недуга означает универсальный медицинский дискурс, общее отношение (субъективное и объективное). Например, книга «Врачебное дело в России» Чехова, интересующая не только историков медицины, но и литературоведов, показывает исторически конкретные и закономерные недуги. Поэтому описание болезни у Чехова выходит далеко за рамки самой болезни, указывает на все общество, объединяя больное тело и больное общество ради анализа социальной травмы того периода.

¹ Кантор В.К. Метафизическая дуэль. К пониманию Чехова... С. 21.

² Семанова М.Л. Указ. соч. С. 87.

На далеком Сахалине из-за сокрытия правительством истинной ситуации настоящий голос правды давно подавлен. Как бы Чехов ни пытался повествовательльно дискредитировать свою позицию, его рассказчик не отказывается от форм высокой риторики, стилистически ярко выраженной иронии и доносит до общества свой голос протеста, который публика захочет услышать, в то время как слабый протест одиночек никто не услышит.

3.2 Сахалинская каторга в публицистике А.П. Чехова

Остров Сахалин является естественной тюрьмой, из которой преступникам почти невозможно сбежать без каких-либо средств, в этом были убеждены многие чиновники. Власть России XIX века укрепляла свой фундамент всеми средствами. Все, что находилось под властью долгой, более чем 300-летней, политики изгнания на просторах Сибири и Сахалина, воплощало принципы самодержавной системы в России. Об образах Сибири в русской литературе XIX века М.К. Азадовский пишет, что Сибирь в основном рассматривается как холодная и ужасная страна, мрачное место ссылки¹. Ю.М. Лотман также подчеркивает, что царское правительство использовало Сибирь как "карательную" колонию для всех категорий преступников – и политических, и уголовных, и ссыльных, чтобы обширные границы Российской империи стали автономными: «Сибирь уже вошла к этому времени в литературные сюжеты и в устную мифологию русской культуры как место ссылки»². В это время остров Сахалин в силу своего особенного геополитического положения становится крупнейшей колонией России после Сибири и Кавказа.

Вопрос о колонии для Чехова не был новым, в современном контексте империи она представляет собой типичное явление. Когда накануне отъезда он писал Суворину: «Нет у меня планов ни гумбольдтских, ни даже кеннановских»

¹ Азадовский М.К. Статьи и письма. Неизданное и забытое. Новосибирск, 1978. С. 46.

² Лотман Ю.М. Декабрист в повседневной жизни: (бытовое поведение как историко-психологическая категория) // Литературное наследие декабристов / Под ред. В. Г. Базанова, В.Э. Вацура. Л.: Наука, 1975. С. 308.

(П. IV, 32), – это могло означать, что он не ставит перед собой широких научно-исследовательских задач, но признания Чехова редко раскрывали суть его замысла. Писатель не мог не осознавать, что он практически первый человек, который сможет писать о Сахалине непредвзято, вне принципов «фирмы и ярлыка», которые он давно уже приравнял к фарисейству (П. III, 11). В этом же письме к А.Н. Плещееву от 4 октября 1888 года он говорит: «Мое святая святых – это человеческое тело, здоровье, ум, талант, вдохновение, любовь и абсолютнейшая свобода», – как бы предвосхищая тезис Астрова о прекрасном в человеке (С. XIII, 83). В этом также можно увидеть суть метаморфозы, пережитой писателем в рассматриваемое время.

Удаленность колонии делает ее особенным пространством, в результате чего возникает вопрос о границах и взаимоотношениях между колонией и материковой страной, а также о правах и статусе жителей колоний.

Колонизационный статус в значительной мере определяет юридические обстоятельства жизни колонии. В истории существовали различные формы колониализма, от колоний с рабовладельческими системами до колоний с административным самоуправлением. Важно, что колонизационный вопрос порождает проблемы национальной и культурной идентичности местных народов, потому что колониальные режимы нередко подавляют их культурные традиции. Однако Чехов показывает, что и каторжный человек поставлен в условия, когда ему необходимо сохранять свое «я», и, не видя такой возможности, он вынужден бежать с острова. Всё это порождает огромные возможности для Чехова как для художника и исследователя.

На Сахалине каторжники, ссыльнопоселенцы, свободное население, а также гиляки и нивхи составляют основную часть местного общества. Каторжники и поселенцы день за днем несут бремя наказания, а свободное население с утра до вечера обсуждает, кого били, кто бежал, кого поймали и кого подвергнут наказанию. Коренное население острова считается племенем относительно

низкого интеллектуального развития, которое живет почти в каменном веке. У гиляков нет ни веры, ни феодальных обрядов, ни уважения, ни почтения к старшим и предкам, а женщины их находятся на низшей ступени этноса. Независимо от возраста и семейного положения их женщины часто становятся рабынями или предметом торговли, что являются особой "валютой" на острове.

В письме к Суворину Чехов пишет: «Сахалин может быть ненужным и неинтересным только для того общества, которое не ссылает на него тысячи людей и не тратит на него миллионов. После Австралии в прошлом и Кайены Сахалин – это единственное место, где можно изучать колонизацию из преступников; им заинтересована вся Европа, а нам он не нужен?» (П. IV, 31-34). Кроме этого, на Сахалине всегда проживали представители трех народов – это коренное население. Айны, нивхи и ороки-уйльта, чьи предки появились на острове сотни лет назад, в отличие от японцев и русских. В момент начала русской колонизации видно, что одни размещались на севере, максимально была заселена центральная часть острова, а айны селились на юге.

Среди факторов, определяющих данную тенденцию, особая роль отводится как абсолютной численности населения, так и малочисленности коренных народов Сахалина. Осуществленная Чеховым перепись, ее осмысление, положившее основу книге, крайне важный момент в истории этой трансформации, сдвинувшей с мертвой точки тот ужас, который Чехов называл «сахалинским адом».

Поездка в Сибирь для Чехова является испытанием на смерть; прежде чем отправиться в путь, он написал В.М. Лаврову 10 апреля 1890 года: «Я, пожалуй, не ответил бы и на клевету, но на днях я надолго уезжаю из России, быть может, никогда уж не вернусь, и у меня нет сил удержаться от ответа» (П. IV, 56). Когда он едет по тракту в Сибири, люди смотрят на него с недоумением: «На меня все смотрят с сожалением, как на покойника...» (С. XIV-XV, 29). Россия и Сибирь кажутся двумя совершенно разными пространствами, разделенными пропастью. С

одной стороны, это "близкое" пространство, которое связано с жизнью и цивилизацией, а с другой стороны, "чужое", полное враждебности и страха, заставляющее людей чувствовать себя покинутыми. Независимо от того, добровольно или вынужденно предпринимается это путешествие, оно ведет не просто в неизвестное географическое пространство, но в нечеловеческую жизненную ситуацию.

Ю.М. Лотман указывает в своих исследованиях по культурной типологии, что "граница" закладывает основу культурного пространства, она делит культурное пространство на две части: «Поскольку внутреннее пространство замкнутое, заполнено конечной группой точек, а внешнее — разомкнутое, то естественным является истолкование оппозиции "внутреннее-внешнее" в качестве пространственной записи антитезы "организованное (имеющее структуру) — неорганизованное (не имеющее структуры)". В различных текстах культуры она может получать разного рода интерпретацию...»¹. Человек существует в одном пространстве, и он рассматривает место, где он живет, как «внутреннее пространство», то есть знакомое, собственное пространство, затем процесс постоянного расширения кругозора и сферы действия становится процессом установления внутренней и внешней границы для самого себя.

А такое ощущение неизвестности во время перехода внутренней границы упоминается Чеховым в I главе книги «Остров Сахалин», то есть в процессе постепенного приближения автора к острову: «Если внимательно и долго прислушиваться, то, боже мой, как далека здешняя жизнь от России! <...> во всем чувствуется что-то свое собственное, не русское <...> не говоря уже об оригинальной, не русской природе, мне всё время казалось, что склад нашей русской жизни совершенно чужд коренным амурцам, что Пушкин и Гоголь тут непонятны и потому не нужны, наша история скучна и мы, приезжие из России, кажемся иностранцами. В отношении религиозном и политическом я замечал

¹ Лотман Ю.М. О метаязыке типологических описаний культуры // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3-х т. Таллин, 1992. Т. 1. С. 393.

здесь полнейшее равнодушие <...> И нравственность здесь какая-то особенная, не наша» (С. XIV-XV, 42). Эти картины нерусской атмосферы позволяют читателям ощутить культурные конфликты и неприспособляемость поселенцев. Например, в одном из первых селений, в Александровском, Чехов фиксирует культурный феномен: «каторжные в течение трех лет корчевали, строили дома, осушали болота, проводили дороги и занимались хлебопашеством, но по отбытии срока не пожелали остаться здесь и обратились к генерал-губернатору с просьбой о переводе их на материк <...> Дуйские каторжные с течением времени становились поселенцами, из России прибывали каторжные с семьями, которых нужно было сажать на землю» (С. XIV-XV, 78). Таким образом, здесь было потрачено так много человеческих сил и денег, что при чтении «Заметки об острове Сахалине» доктора Ф.М. Августиновича по поводу числа домов в заселенных местностях возникает тягостное впечатление: «а) в д. Александровке 28; б) в Александровской форме 41; в) в Верхнем Урочище 44; г) в Мало-Тымовском поселении 35; д) в Рыковском поселении 27»¹.

Но, возвращаясь к проблеме инаковости местной жизни, мы можем предположить, что после Сахалина Чехов все чаще затрагивает тему о непонимании в своих поздних художественных произведениях и решает ее не столь комически (даже если это и был рассказ «Тоска», в нем, тем не менее, глухота пассажиров Ионы рассматривалась сквозь призму жестокой иронии). В рассказах «Попрыгунья», «Страх», «Дама с собачкой», пьесе «Три сестры» герои натыкаются на стену непонимания и даже какой-то неуместности своего «я», непреодолимой отчужденности в насущном мире, где интерес к миру и человеку, знание иностранных языков и переживание искреннего чувства делает героя изгоем, обрекает на трагическое непонимание.

Это могло быть спровоцировано и наблюдениями за сахалинским «обществом». Чехов показывает, как, из какого «элемента» формировались

¹ Августинович Ф.М. Заметки об острове Сахалине. СПб.: тип. Мин-ва вн. д., 1880. С. 46.

поселения на острове, по возможности фиксируя и национальные особенности быта: «Здесь сельские жители еще не составляют обществ». Тот факт, что на Сахалине мало старых жителей, а приезжие составляют большинство, численность населения всегда нестабильна, люди приезжают и уезжают, они меняются каждый год. Всё это приводит к тому, что сельское общество ещё не сложилось: «жители производят впечатление не сельского общества, а случайного сброда. Они называют себя братьями, потому что страдали вместе, но общего у них все-таки мало и они чужды друг другу. Они веруют не одинаково и говорят на разных языках» (С. XIV-XV, 242). Некоторые пожилые люди критически смотрят на это и говорят, что «какое может быть общество, если в одном и том же селении живут русские, хохлы, татары, поляки, евреи, чухонцы, киргизы, грузины, цыгане?» (С. XIV-XV, 242). Социальность на острове – это тема чрезвычайно обширная. В условиях стремительной миграции, даже при длительных сроках каторги и поселения, устойчивостью национальный состав населения не может отличаться. Но это не значит, что ситуация не может рассматриваться, и Чехов вносит свой вклад в ее изучение.

С 1853 года Фридрих Энгельс и Карл Маркс начинают систематически проводить углубленное исследование по восточным проблемам, в Европе активизируется изучение Востока. В 1887 году, то есть после третьего издания книги Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», он ещё раз подтверждает свои взгляды на три основных вида угнетения: «В азиатской и классической древности преобладающей формой классового угнетения было рабство, то есть не столько экспроприация земли у масс, сколько присвоение их личности»¹. «Присвоение личности» – это пережитки рабства, они чрезвычайно очевидны в российской общественной жизни, тем более на Сахалине, где земля долгое время не была принадлежностью империи, то есть не знала русской юрисдикции и самого феномена легитимности. Чехов не является

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 21. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1961. С. 348-349.

марксистом, но раскрывает сущностную истину истории через свое, в медицинском отношении корректное, понимание жизни и социальной практики. И рабство в этой "нерусской России" порождает ошеломляющее впечатление.

Таблица 3 – Данные о численности каторжных обоего пола на острове Сахалин за 1889 год

Осужденные на сроки	Численность каторжных	Процент
до 8 лет	2124	36%
8-12 лет	1567	26.5%
12-15 лет	747	12.7%
15-20 лет	731	12.3%
20-50 лет	175	3%
бессрочный	386	6.5%

Нам уже приходилось отмечать губительность осознания каторжными пожизненности наказаний на Сахалине и в Сибири. Как пишет Чехов в очерках «Из Сибири», «ссылка на поселение страшна именно своею пожизненностью», «пожизненность, сознание, что надежда на лучшее невозможна, что во мне гражданин умер навеки и что никакие мои личные усилия не воскресят его во мне», дальше речь идёт о том, что «все высшие карательные меры, которые заменили смертную казнь, все-таки продолжают носить самый важный и существенный признак ее, а именно — пожизненность, вечность, и у всех у них есть цель, унаследованная ими прямо от смертной казни, — удаление преступника из нормальной человеческой среды навсегда» (С. XIV-XV, 25). Таким образом, Чехов высказывает собственное, остро критическое, мнение об этом: «Я глубоко убежден, что через 50 - 100 лет на пожизненность наших наказаний будут смотреть с тем же недоумением и чувством неловкости, с каким мы теперь смотрим на рвание ноздрей или лишение пальца на левой руке. <...> как бы искренно и ясно мы ни сознавали устарелость и предрассудочность таких

отживающих явлений, как пожизненность наказаний, мы совершенно не в силах помочь беде. Чтобы заменить эту пожизненность чем-нибудь более рациональным и более отвечающим справедливости, в настоящее время у нас недостает ни знаний, ни опыта, а стало быть, и мужества; все попытки в этом направлении, нерешительные и односторонние, могли бы повести нас только к серьезным ошибкам и крайностям — такова участь всех начинаний, не основанных на знании и опыте» (С. XIV-XV, 25). Чехов считает, что пожизненные наказания несправедливы и неэффективны, такая форма наказания лишает преступника не только надежды на лучшую жизнь, но возможности измениться, делая его изгоем.

Пожизненное наказание вызывает у каторжных и ссыльных чувство отчаяния, ведущее к побегу: «к общим причинам побегов следует отнести также пожизненность наказания. У нас, как известно, каторжные работы сопряжены с поселением в Сибири навсегда; приговоренный к каторге удаляется из нормальной человеческой среды без надежды когда-либо вернуться в нее и таким образом как бы умирает для того общества, в котором он родился и вырос» (С. XIV-XV, 345). В XXII-й главе, частично опубликованной за три года до выхода в свет книги под названием «Беглые на Сахалине», в 1892 г. в сборнике московской газеты «Русские ведомости» «Помощь голодающим», Чехов рисует широкую палитру побега, демонстрируя его многогранность в социальном, юридическом и моральном планах.

Чехов также рисует нелегкие испытания, возникающие на пути сахалинских беглецов («...даже вольные сытые ходоки делают не больше 8 верст в сутки» (С. XIV-XV, 343)), но, почти как Ф.М. Достоевский в своих «Записках из Мертвого дома», обнаруживает в каждой истории побега непреодолимую, в чем-то алогичную, волю к свободе. Отношение многих каторжных к Сахалину характеризуется отрицанием, в основании которого лежит мотив неподлинной жизни: они считают, что на Сахалине не может быть ничего настоящего и долгого.

Одна старушка «не шла под благословение» к местным священникам, «потому что на Сахалине не могут быть настоящие священники» (С. XIV-XV, 344). Случались у Чехова и другие анекдотические знакомства с беглецами: «В Корсаковском посту живет ссыльнокаторжный Алтухов, старик лет 60 или больше, который убегает таким образом: берет кусок хлеба, запирает свою избу и, отойдя от поста не больше как на полверсты, садится на гору и смотрит на тайгу, на море и на небо; посидев так дня три, он возвращается домой» (С. XIV-XV, 344-345). Егор – это тоже своеобразная форма отрицания, ухода в мелочную и суетливую деятельность, в которой можно забыться.

Однако реальность такова, что сообщений и статей о ссылке в тогдашней России было довольно мало: «Взгляните-ка вы на нашу литературу по части тюрьмы и ссылки: что за нищенство! Две-три статейки, два-три имени, а там хоть шаром покати, точно в России нет ни тюрьмы, ни ссылки, ни каторги» (С. XIV-XV, 26). При сильной цензуре социальные проблемы Сахалина скрыты, и литературе остается лишь вопрошать. По этой причине, мы уверены, Чехов и создает контаминацию социального и медицинского в своем исследовании.

Трехмесячное расследование не только сделало Чехова свидетелем безвыходного положения каторжников, но и помогло ему понять их тревоги. XXII глава книги, посвященная побегам на материк, дает понимание, которое не может быть передано ни языком статистики, ни языком медицинских понятий того времени. Когда каторжным открывается «туманная полоса земли с красивыми горными пиками», которая «манит к себе и искушает ссыльного, обещая ему свободу и родину» (С. XIV-XV, 342), они скучают по родине в чужой стране, и в их душе появляется заблуждение, вызывающее лихорадку. Воспоминания сопровождаются жалобами и горькими слезами, проговариваются как бред, «поражающий часто своею нелепостью и похожий на сумасшествие» (С. XIV-XV, 344).

Писатель стремится понять психологию беглецов, невольно конкурируя с юристами-авторами книг по тюрьмоведению (н-р, И. Фойницким): «Причиной, побуждающею преступника искать спасения в бегах, а не в труде и не в покаянии, служит главным образом не засыпающее в нем сознание жизни» (С. XIV-XV, 343). Чехов показывает, что не учитывается в этих книгах и вряд ли когда-то будет осознано «красноносими зрителями». Послушав разговор каторжных, можно подумать, что на родине всё прекрасно. Несмотря на то что люди весело говорят о Сахалине, о земле, местных людях, деревьях и климате, это всё-таки веселость отчаянная, с оттенком издевательства, отвращения и сожаления. Просто невообразимо, что в России могут быть несчастные люди, в такие моменты каторжные сентиментальны, трогательны. Эмоциональные проявления, близкие к психическому расстройству, вынуждают Чехова рассуждать о психологии беглеца. Преступники бегут не оттого, что хотят найти избавление от тяжелого труда и покаяния, по мысли Чехова, их порыв заключается в том, что у них в сердце не угасло сознание выживания. Иными словами, все то, что существует на Сахалине, было отмечено печатью смерти, и, чтобы избежать ее, каторжный выбирает побег, пусть даже он обречен на смерть.

Кроме этого, хотят сбежать те каторжники, кого ждет наказание: «Наказание плетями или розгами полагается за всякое преступление, будь то уголовное или маловажное; применяется ли оно, как дополнительное, в соединении с другими наказаниями или самостоятельно, оно всё равно составляет необходимое содержание всякого приговора» (С. XIV-XV, 332). Чехов выявил жестокость телесных наказаний, он стал свидетелем этого наказания в Дуэ, и это оставило незабываемое впечатление, так что потом он обнародовал этот жестокий опыт. 11 сентября 1890 г. он писал Суворину: «Присутствовал при наказании плетьюми, после чего ночи три-четыре мне снились палач и отвратительная кобыла» (П. IV, 133-134).

«Бродяга Прохоров <...> человек лет 35–40, бежал из Воеводской тюрьмы и... был приговорен хабаровским окружным судом» к телесному наказанию, которое не было приведено в исполнение (С. XIV-XV, 335). Его неудачный побег вскрыл всю предысторию, и теперь наказание стало неизбежным. Чехов описывает судорогу, звуки рвоты, хрип и мычание Прохорова: «... кажется, что с начала наказания прошла целая вечность, но надзиратель кричит только: "Сорок два! Сорок три!" До девяноста далеко. Я выхожу наружу. Кругом на улице тихо, и раздрающие звуки из надзирательской, мне кажется, проносятся по всему Дуэ» (С. XIV-XV, 337). Наряду с этим, Чехов описывает доктора, притворяющегося милосердным, равнодушного надзирателя, высокого и сильного палача. Также автор уделяет особое внимание фигурам двух военных фельдшеров, которым нравится смотреть на телесные наказания, один стоит у входа и просит умоляющим голосом, чтобы ему разрешили посмотреть: «люблю смотреть, как их наказывают! – говорит радостно военный фельдшер, очень довольный, что насытился отвратительным зрелищем» (С. XIV-XV, 338). Очевидно, что такая «система наказания – лишение свободы и применяемые методы наказания – способствует не воспитанию, исправлению пороков, а усугубляет имеющиеся, ожесточает и огрубляет людей»¹.

В конце этой главы Чехов цитирует газету «Ведомости»: «По имеющимся у меня данным, из 1501 бежавших поймано и добровольно вернулось 1010 каторжных; найдено мертвыми и убито при преследовании 40; без вести пропало 451 человек. Стало быть, из всей массы бегающих Сахалин теряет одну треть, несмотря на свое островное положение. В "Ведомостях", откуда я брал эти цифры, 602 добровольно вернувшиеся и пойманные показаны в одном числе, найденные мертвыми и убитые при преследовании тоже показаны нераздельно, и потому неизвестно, какое число относится на долю поимщиков и какой процент беглых погибает от солдатских пуль» (С. XIV-XV, 356). Страшная панорама,

¹ *Одесская М.М.* Преступление и наказание в произведениях А.П. Чехова // *Остров Сахалин – открытый финал: Материалы ...* С. 37.

соединившая палачей и зрителей, мучения наказываемого каторжника, которые совершаются по регламенту исправительного учреждения, по степени зверства и варварства это и есть болезненное состояние царской России. «Вопрос о наказании горячо дискутировался в различных общественных кругах России, особенно в период отмены крепостного права. По мере продвижения общества по пути цивилизации остро вставали вопросы прав и свободы личности»¹.

Л.Н. Толстой гневно критиковал свободу и равенство западноевропейской цивилизации в рассказе «Люцерн»: «Паршивая ваша республика!...». Однако, свобода и равенство в России, как счастье, остается лишь в мечтах. А на Сахалине чиновники свирепствуют, превращаясь в кровожадных зверей. Если Л.Н. Толстой словами главных героев выражает свой протест, то Чехов был более спокоен: он вскрывает все эти язвы, гниль и предъявляет миру, совершая свой суд, более широкий и суровый, — однако патографические сюжеты его, как нам кажется, не привлекают².

«Конечная задача ссылки заключается в том, чтобы ссыльные, отнеся известные, положенные им сроки кары, сделались колонизаторами страны, чтоб они развили на Сахалине новые отрасли деятельности — сельскохозяйственную и земледельческую. Дело это, однако, едва ли вполне осуществимо»³. Сахалинская каторга насчитывает не очень долгую историю, еще короче история колонизационного проекта. Можно говорить, что насильственный этап ее закончился относительно быстро и отношения с метрополией перешли в иной статус. Жизнь коренных жителей Сахалина за последнее столетие значительно изменилась, так что можно сказать, что эти народы вступили в новую фазу своей истории. Большая заслуга в этом принадлежит Чехову, его просветительской и

¹ Там же.

² См.: Русская литература и медицина: Тело, предписания, социальная практика: сб. ст. / под ред. К. Богданова, Ю. Мурашова, Р. Николози. М., 2006. См.: также: *Кибальник С.А.* «Поэтика медицины» в творчестве А.П. Чехова // Русская литература. – 2022. – № 3. – С. 35-41; *Стенина В.Ф.* Патографический текст в эпистолярной А.П. Чехова // Вестник ТГПУ. – 2012. – № 3 (118). – С. 158-164.

³ *Поляков И.С.* Путешествие на остров Сахалин в 1881-1882 гг.: (Письма к секретарю общества) / [Соч.] И.С. Полякова, члена-сотрудника Императорского русского географического общества. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1883. С. 53.

исследовательской позиции. Оба аспекта генетически восходят к культуре медицинской науки и ее гуманным ценностям.

3.3 Осмысление положения человека в сибирско-сахалинской публицистике А.П. Чехова

На протяжении всей долгой истории России нетрудно обнаружить, что вместе со сменой режимов, подъемом и падением самодержавия литература всегда интересовалась общественными переменами. Россия XIX века была довольно консервативной в политическом отношении, но в идеологическом отношении это была активная эпоха. В гуманитарную научную мысль давно вошло понятие колонизации, которое является перспективным как для культурологического, так и литературоведческого исследования. В условиях длительной ссыльнокааторжной и колониальной политики, продолжавшейся более трехсот лет в Сибири и затем почти полвека на Сахалине, для царской России XIX века распространение деспотизма, равнодушного к законам, стало средоточием зла русского общества.

В условиях царской колониальной политики в отношении Сибири и Сахалина возник целый ряд проблем, включая этнические, культурные, экономические и, в дальнейшем, экологические. «Действительно, экономика, политика или социология в современной академической сфере — это идеологические науки, и уж конечно, они являются "политическими"»¹. Современные постколониальные исследования посвящены главным образом проблеме подавления этнического и культурного своеобразия коренных народов имперскими колонизаторами, а также вопросам геноцида и других репрессивных последствий колонизации. Литературные и публицистические тексты в этом

¹ Саид Э. Ориентализм / Пер. с англ. А. В. Говорунов. СПб.: «Русский Миръ», 2006. С. 19.

случае выступают объектом критики в качестве одного из средств осмысления колонизации, источника риторических моделей её оправдания и нормализации.

Чеховские очерки и книга «Остров Сахалин» возникли не только как изображение колониального мира и даже в не очень значительной степени соответствуют этой задаче, хотя Чехов вполне сознательно сопоставлял некоторые работы по исследованию европейских колоний с мотивами вышеупомянутых исследователей (Максимова, Птицына, Ядринцева и др.) и со своими наблюдениями. Все же ввести его публицистические работы в контекст постколониального дискурса было бы не совсем справедливо уже потому, что Россия того времени еще не вышла из стадии колониальных форм освоения территории. Но произведения Чехова могут рассматриваться как критика колониальной политики царского правительства. Поэтому, вероятно, книга «Остров Сахалин» нередко используется в постколониальных исследованиях как ключевой текст при анализе влияния колониализма на нацию, ее культуру, экономику и окружающую среду, проливая свет на угнетение и эксплуатацию, имевшие место в условиях колониального правления, и на то, какую роль в этом контексте играла литература – в духе построений индийского литературоведа Гаятри Спивака, считающего, что интеллектуалы создают новый нарратив¹. Следует учесть по этому поводу и полемику В.Б. Катаева² с Эвой Томпсон, пытавшейся навязать Чехову репутацию глашатая империализма³.

В книге «Остров Сахалин» показаны наиболее существенные источники губительного для коренных народов Сахалина процесса распространения так называемой цивилизации, надвигавшейся на остров из Сибири и Азии, – алкоголизм, грабительское отношение к ресурсам, пренебрежение культурно-историческими традициями местных.

¹ Спивак Г.Ч. Могут ли угнетенные говорить? // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия / Под ред. С.В. Жеребкина. Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. С. 649-670.

² Катаев В.Б. К пониманию Чехова. Статьи. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 69-71.

³ Томпсон Э. Имперское знание: русская литература и колониализм // Перекрестки. – 2007. – № 1-2. С. 32-75.

Более 80% представителей народностей нивхов и уйльта (ороки) проживают в шести административных округах Сахалинской области, определивших специальные районы проживания коренных малочисленных народов Севера. На протяжении всего XX века в этих регионах наблюдался быстрый рост числа вновь прибывших. С началом кризиса и экономических реформ люди стали покидать эти районы.

Таблица 2 – Данные о численности населения на Сахалине за 1889 год

Возраст	Мужчина	Женщина	Процент
0-5	493	473	24.9%
5-10	319	314	
10-15	215	234	
15-20	89	96	2%
20-25	134	136	24.3%
25-35	1419	680	
35-45	1405	578	24.1%
45-50	724	226	24.7%
55-65	218	56	
65-75	90	12	
75-85	17	1	
85-95	-	1	
Возраст неизвестен	142	35	
Общее количество людей	5265	2842	100%

Изменения, которые имеют большое значение для демографической ситуации на Сахалине в целом («Неблагоприятно отзывается на росте каждого селения также еще пестрота иного рода: в колонию поступает много старых, слабых, больных физически и психически, преступных, неспособных к труду, практически не подготовленных, которые на родине жили в городе и не

занимались сельским хозяйством» (С. XIV-XV, 242)), по своей природе существенны и для коренных народов острова. Указываемые Чеховым тенденции часто имели губительное значение для тех, кого некоторые каторжные чаще всего не воспринимали как людей: «В Корсаковском округе за убийство айно было приговорено к смертной казни 11 человек» (С. XIV-XV, 341), – предельно кратко, как всегда при упоминании жестокости, передает автор рассказ «начальника округа». Сегодня коренные народы остаются очень небольшим меньшинством не только на территории Сахалина в целом, но и официальных районов, в которых они проживают. В настоящее время очень трудно создать территорию для обеспечения устойчивой традиции жизни.

Уже на ранних этапах колонизации Сахалина Японией и начался процесс разрушения того равновесия между природой и человеком, которое формировалось здесь веками. И все, кто владел островом в последние 150 лет, считают его главным богатством рыбу и морепродукты, древесину и получаемые из нее целлюлозу и бумагу, а также уголь, нефть и газ. На острове также осуществлялась сельскохозяйственная колонизация. Она носила базовый, первичный характер по отношению к сырьевым заготовкам разного рода (если не считать рыбный и водорослевый промысел, который силами айнов вели здесь японцы, носившие «по семи шелковых халатов», настолько дело было прибыльным (С. XIV-XV, 224)). Агроном М.С. Мицуль в своей книге «Очерк острова Сахалина в сельскохозяйственном отношении» писал о возможностях сельского хозяйства на острове. Он также заложил основы научного ведения сельского хозяйства на Сахалине, обследовал средний и южный Сахалин с целью выявления мест, пригодных для земледелия и животноводства¹.

Сравнивая личные письма Чехова к своей семье во время его поездки с опубликованными репортажами в журнале «Новое время», можем заметить, что в репортаже есть намеренное упущение. В письме к своей сестре 24 апреля 1890

¹ Мицуль М.С. Очерк острова Сахалина в сельскохозяйственном отношении...

года, когда он плывет по реке Каме в Сибирь, он пишет: «Стали попадаться инородцы. Татар очень много...», – «народ почтенный и скромный» (П. IV, 69), «Быть может, и про татар написать вам? Извольте. Их здесь немного. Люди хорошие. В Казанской губ<ернии> о них хорошо говорят даже священники, а в Сибири они "лучше русских" – так сказал мне заседатель при русских, которые подтвердили это молчанием» (П. IV, 82). Он часто встречается со ссыльными: «Кстати уж и о поляках. Попадают ссыльные, присланные сюда из Польши в 1864 г. Хорошие, гостеприимные и деликатнейшие люди» (П. IV, 81). На самом деле, к 1890 годам в Сибири все ещё проживает много коренных народов, таких как казахи, буряты, якуты и татары, количество населения достигает 1,345 миллиона человек¹. Однако в репортажах Чехов ни словом не упоминает о коренных народах и европейских иммигрантах других этнических групп, которые имели с ним личные контакты, создавая для читателей образ пустынной и незаселенной Сибири, у которой словно нет исторических корней и социальных связей. Несмотря на то, что некоторые жители проявляют активность, в бескрайней тайге Сибири все усилия человека не приводят к каким-либо серьезным изменениям: «Вот около сосен плетется беглый с котомкой <...> Пропадет он здесь в тайге <...> сильна и непобедима тайга...» (С. XIV-XV, 36).

Статистик, историк К.И. Арсеньев, определяющий Сибирь как «истинную колонию земледельческую, металлоносную и коммерческую»², отметил ее преимущества перед колониями других европейских государств. Сибирь не была отделена от России ни океаном, ни чужой территорией. В связи с этим немецкий геолог и географ Ф. Рихтгофен писал, что в колониальном отношении Россия находится в более выгодном положении относительно других государств,

¹ Ван Сяоцзюй. Исследование проблем иммиграции и развития на Востоке России. Пекин: Китайское издательство общественных наук, 2003.

² Арсеньев К.И. Статистические очерки России. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1848. С. 25.

поскольку прочие колонии на расположены рядом с метрополией и представляют собой недоступные земли¹.

В 60-х годах XIX века выдающийся исследователь-этнограф Г.Н. Потанин писал в своем дневнике: «возникает вопрос, что такое в самом деле Сибирь, колония или провинция? Чем колония отличается от провинции? Называются ли колониями только те приращения государства, которые сделаны за пределами океана <...>? ... разница между колонией и провинцией создает не оторванность края, не морской пролив, а применение или неприменение к вновь занятой стране политики, называемой колониальной...»². Многие вопросы, которые сибирское общество задавало себе почти полтора века назад, актуальны и сегодня.

Один из видных представителей сибирской интеллигенции, Н.М. Ядринцев, дополнил полемику весомыми аргументами. Его книга «Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении» дала ответы на вопросы, связанные с колониальным статусом этой огромной территории. Сняв политический смысл, исследователь говорит в первую очередь о земледельческом значении Сибири³.

В то же время у концепции колониального статуса Сибири находилось множество противников и до, и после революции. Они утверждали, что, в отличие от европейских стран, породивших удаленные колониальные территории, Россия никогда не имела таковых. Как отмечает А.В. Ремнев: «главное отличие Российской империи от мировых западных властей в том, что она вся регионально локализована»⁴.

У России, в отличие от многих европейских государств, нет богатого опыта управления удаленными территориями и никогда не было таких полей для эксперимента, как у Римской империи, Голландии, Португалии или Британии.

¹ Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск, 2004. С. 28-29.

² Потанин Г.Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Т. 6. Новосибирск, 1983. С. 106.

³ Ядринцев Н.М. Сибирь как колония: К юбилею трехсотлетия... С. 700.

⁴ Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти... С. 43.

Русское государство со времени правления первых московских князей само по себе, постепенно, неудержимо расширялось во все стороны, заполняя необитаемые территории на своих границах и поглощая иноземные поселения, заключаемые в свои границы. Об этом и писал В.О. Ключевский, называя данный процесс колониационным.

И в этом смысле у России никогда не было традиционных колоний. Воспринимать Сибирь как стандартную колонию довольно трудно без оговорок. Переселение русского человека, как насильственное, так и относительно добровольное (или вынужденное), как один из механизмов порождения колонии, в этом отношении дает гораздо более сложную картину. Совокупность причин обширной миграции на территории России интересовала не только Чехова, но и многих его современников. Нельзя сказать, что для писателя она была первостепенной по значимости. К этой теме он чаще обращается в своей прозе. Но одна из бытийных причин неустроенности русского и инородческого населения в России, зафиксированная в книге «Остров Сахалин», ведет именно к проблеме обширной внутренней миграции. И чеховский «Сахалин» весьма выпукло отразил все важные в идейном отношении пункты этой масштабной исторической картины: веру в царя-батюшку, мифические, чаще всего, представления о бескрайних просторах России и Сибири, такая же сказочная убежденность, что где-то возможен иной социальный мир и простому человеку доступна свобода вне юридических условностей русских уложений и т.п. Однако тема о переселении, Чехова, без всякого сомнения, интересовавшая, требует самостоятельной разработки.

Чехов отсчитывает историю освоения Сахалина в соответствии с официальной историей империи – с середины XIX века. Еще и до поездки он заинтересовался ею, а затем, находясь на острове, сделал складывающуюся картину более выразительной. Это видно по его заинтересованности самого широкого гуманитарного характера, выразившейся в фиксации топонимов,

деталей этнографии автохтонного населения и прочих аспектах. Вся эмпирика местной жизни, насколько Чехов мог ее зафиксировать в типическом образе сахалинской каторги, представляет собой любопытный слой колониционной темы в книге, поскольку Чехов демонстрирует конфликтное состояние, в котором пребывает местная культура по отношению к пришлой.

В представлении Чехова, в материалах его экспедиции, необходимо искать то, что он стремился осознать, а затем представить, – реальную ситуацию с каторгой Сахалина и дать понять тем, кто принимал решение, насколько провальной была затея с таким освоением Дальнего Востока с использованием системы каторжной ссылки, не только не достигшей поставленных целей, но и приведшей к гуманитарной катастрофе всех ее участников, как преступников, так и чиновников, и простых солдат, которые «управляли» каторжными и поселенцами.

На Сахалине, который является территорией каторги, важнейшим аспектом существования, а не только местом обитания является жилье – временное, которое придется когда-нибудь покинуть, а материальная зависимость людей от администрации и контроль администрации над их личной свободой при этом создают явление «пожизненности», бесконечности. Сочетание образа "привязанного, прикованного существа" и сущности "временного" составляет основу глубокого анализа, наблюдения и понимания Чеховым острова Сахалин. Переосмысление и понимание Сахалина с точки зрения "временного общества" – направление, которому в литературе и антропологии раньше уделялось меньше внимания, которое позволяет нам как увидеть суть сахалинского общества, так и глубже понять колониальные проблемы острова.

"Временное общество" Сахалина проявляется прежде всего в способах жизнеобеспечения. Идея использования каторжников и переселенцев для сельскохозяйственной колонизации возникла еще в начале сахалинского проекта, и в результате остров всегда определялся как сельскохозяйственная колония. «Но

было ли оно производительно, удовлетворяло ли также колониационным целям, об этом с самого начала сахалинской ссылки до последнего времени были выражаемы самые разнообразные и чаще всего крайние мнения. <...> Колония была основана на острове еще не исследованном; с научной точки зрения представлял он совершенную *terram incognitam*» (С. XIV-XV, 275). Присланные ради этой задачи подневольные и необразованные люди здесь не могли заниматься сельским хозяйством, чтобы прокормить себя, и они перешли к более архаичным видам деятельности, как охота, собирательство, торговля. И все эти формы породили свои преступные механизмы (или даже возродили некоторые из них) и крайне усугубили социальную ситуацию. Люди работают от случая к случаю, чтобы прокормить себя (в течение, например, 10 лет каторги, прежде чем они смогут законно стать крестьянами), спонтанно переходя от одного вида деятельности к другому (временность также отражается в том, что после отъезда с острова люди планируют другие виды деятельности, нежели те, которыми они занимались на острове). Такой временный характер является основной причиной бедности отдельных людей и семей, а также причиной упадка и перманентной зачаточности деревень, неспособности создать деревенское общество.

С одной стороны, Чехов оценивает грубость и небрежность властей в размещении и строительстве колониальных поселений: «Сахалинская администрация сажает людей на участки как-нибудь, не соображаясь с обстоятельствами и не заглядывая в будущее <...> и при условиях здешней урожайности, принимая даже во внимание возможные заработки, двухсот хозяев было бы, как говорится, за глаза, а между тем их тут вместе с сверхштатными более пятисот» (С. XIV-XV, 158). А с другой – высказывает слова похвалы – несмотря на хаос во всей колонии: в ней все же были и положительные стороны. Например, среди множества тюрем он очень высоко оценивает Рыковскую: «Тюрьма в Рыковском <...> стала считаться лучшей тюрьмой во всем Сев<ерном> Сахалине. Мне она тоже показалась лучшей. <...> подворные описи

и алфавиты они ведут в образцовом порядке <...> то же впечатление порядка и дисциплины производили на меня кашевары, хлебопеки и проч.» (С. XIV-XV, 159). О хорошем состоянии в Южном Сахалине он пишет: «Люди здесь всё основательные, зажиточные, имеют много скота и некоторые даже промышленяют им» (С. XIV-XV, 197).

Кроме того, сколько бы ни было жалости и доброты у самого автора, факт заключается в том, что не только присланные, но и коренные жители стали париями. Наблюдения Чехова остры и точны, и не раз он пишет о том, каким притеснениям подвергаются и каторжные, и местное население. В книге также говорится о том, что начальство стремится русифицировать коренных жителей, нанимая их в качестве тюремных сторожей или надзирателей и предлагая им вознаграждение за участие в преследовании беглецов. Говоря о том, что гиляков соблазняют водкой, что ведет к быстрому вырождению, автор пишет: «Что близость к тюрьме не обрусит, а лишь вконец развратит гиляков, доказывать не нужно» (С. XIV-XV, 179). Многочисленные прецеденты доказывают, что это еще один путь к гибели нации: «желание проникнуть в этот чужой мир (здесь колонизированный «третий мир») ...может открыть путь к концептуализации мировой культуры, основанной не на экзотичности и мультикультурализме или разнообразии культур, а на вписывании и соединении гибридности в культуре»¹.

Что касается выживания этнических меньшинств на острове, Чехов пишет о них, что «почти все, писавшие об айно, отзывались об их нравах с самой хорошей стороны. Общий голос таков, что это народ кроткий, скромный, добродушный, доверчивый, общительный, вежливый, уважающий собственность, на охоте смелый и, по выражению д-ра Rollen'a, спутника Лаперуза, даже интеллигентный». Однако их численность сокращается: «все эти причины, обуславливающие обыкновенно хроническое вымирание инородцев, не дают объяснения, почему айно исчезают так быстро, почти на наших глазах; <...> Мне

¹ Bhabha H.K. The Location of Culture. N.Y.: Routledge Classics, 2004. P. 38.

кажется, вернее будет предположить, что это быстрое исчезание, похожее на таяние, происходит не от одного вымирания, но также и от переселения айно на соседние острова» (С. XIV-XV, 216). Писатель также приводит пример убийства айнов русскими колонизаторами: «Казацкому сотнику Черному, приводившему курильских айно в русское подданство, вздумалось наказать некоторых розгами <...> один айно с 20 женщинами и детьми ушел на байдаре в море <...> Черный в назидание прочим его товарищам проговорил: "У нас по-русски так водится"» (С. XIV-XV, 221).

Помимо коренных жителей, солдаты на Сахалине терпят те же муки, должны безропотно переносить все испытания и опасности для их жизни и здоровья. В то же время они грубы, невежественны и простодушны, лишены времени на образование, не могут понять, в чем призвание и честь солдата, и поэтому часто совершают ошибки, становятся противниками установленного порядка и сами попадают в разряд преступников, находящихся под их надзором и поимкой.

Условия жизни на острове еще более суровы. Даже при большом мужестве пролив все равно остается непреодолимым в глазах покушающихся на побег. Близкая к сахалинской теме ситуация показана в рассказе «В ссылке» (1892). В центре оказывается герой, называемый татарин, за кражу приговоренный к ссылке. В рассказе описывается вода, темная и холодная, вызывающая у людей чувство депрессии и отчаяния: «шагах в десяти текла темная холодная река; она ворчала, хлюпала об изрытый глинистый берег и быстро неслась куда-то в далекое море <...> А за змейками опять потемки. Слышно, как небольшие льдины стучат о баржу. Сыро, холодно...» (С. VIII, 42). Создается ощущение какой-то силы или стихии, не позволяющей им вернуться в родные места. Герои не осмеливаются сопротивляться этой силе, поэтому им остается только вздохнуть на чужой стороне, позволяя окружающей среде превратить себя в ходячий труп.

Исследование Чеховым каторги оказало огромное влияние на его мышление и творчество. Первый результат, рассказ «Гусев», как замысел возник еще на

обратном пути с Сахалина на родину в 1890 году: «О переменах в мировоззрении Чехова, в его творческих принципах, происшедших после знакомства с каторжным островом, отчетливо можно судить по книге "Остров Сахалин": в ней читателю показаны истоки последующих идей и убеждений писателя. Эта книга проливает обратный свет на рассказ "Гусев" — первое художественное произведение после поездки на каторгу»¹.

В «Гусеве» рассказывается история главного героя — тяжелобольного солдата, который на пароходе возвращается с Дальнего Востока в Россию. Он был отправлен в бессрочный отпуск из-за чахотки. На судне его поместили в трюме в лазарет вместе с несколькими пациентами. И его тоска по родине и привязанность к родному городу пронизывают весь рассказ: «...он начинает думать о родной стороне, куда теперь возвращается он после пятилетней службы на Дальнем Востоке. Рисуетя ему громадный пруд, занесенный снегом...» (С. VII, 328). Его мысли и мечты были полны нежности. Во сне он увидел своего любимого племянника Ваньку, племянницу Акульку, пруд, фарфоровый завод с высокой трубой и облаками черного дыма. Однако реальная ситуация заключается в том, что, использовав, его безжалостно выбросили под видом отправки домой потому, что он неизлечимо болен и не может продолжать свою службу.

Гусев был обычным крестьянином, которого отправили на Дальний Восток служить в денщиках: «Дело не трудное, Павел Иванович. Встанешь утром, сапоги почистишь, самовар поставишь, комнаты убереешь, а потом и делать нечего. Поручик целый день планты чертит, а ты хочешь — богу молись, хочешь — книжки читай, хочешь — на улицу ступай. Дай бог всякому такой жизни» (С. VII, 330). Попав в сложную и темную среду, он думает, что это хорошая жизнь. Казалось, что его работа давала ему свободу, но факт был в том, что общество в то время уже лишило его свободы.

Когда Павел Иванович напомнил Гусеву, что его и подобных ему раненых или больных солдат отправили домой и бессовестно бросили на мучения, Гусев не

¹ Катаев В.Б. Проза Чехова: проблемы интерпретации... С. 232.

сразу понял это; как бы отвечая своим мыслям, сказал, что «дурному человеку нигде пощады нет, ни дома, ни на службе, но ежели ты живешь правильно, слушаешься, то какая кому надобность тебя обижать?» (С. VII, 330). На самом деле, он страдает от одиночества и питает некий бессознательный протест, выразившийся однажды в том, что, когда он во дворе увидел четырех манз, которые были ниже его по статусу, он без всякой причины побил их.

Комментаторы указывают на прототип заглавного героя: «...образ Гусева в важнейших чертах совпадает с обликом невымышленного героя VI главы "Острова Сахалина" – каторжного Егора, с которым Чехов познакомился на острове» (С. VII, 682). Покорность и бесчувственность свойственны Гусеву и Егору в такой безжалостном обществе, они давно уже не умеют сопротивляться, и их мышление укрепились на грани этого понимания.

Кроме того, в рассказе фигурирует еще один герой – Павел Иванович. В отличие от Гусева, он трезвый и страстный протестующий. Он указывает на то, что Гусева и других больных солдат несправедливо бросили: «Ваши доктора сдали вас на пароход, чтобы отвязаться от вас. Надоело с вами возиться, со скотами... Денег вы им не платите, возня с вами, да и отчетность своими смертями портите — стало быть, скоты! А отделаться от вас не трудно...» (С. VII, 329). Отчетность, упомянутая в монологе Павла Ивановича, перекликалась с фальсифицированными данными, которые Чехов во множестве изучал на Сахалине. Местные чиновники не хотели портить официальную картину своих «достижений» из-за растрат, большого количества данных о заболеваниях и смерти людей, поэтому пытались скрыть факты.

Павел Иванович всё ещё думает во время тяжелой болезни, что его положение отличается от гусевского: «Глупый, жалкий ты человек...» (С. VII, 331), - но трезвость и суровость оценки ситуации не спасает героя, который все же относится к Гусеву с некоторым сочувствием.

«В Харькове у меня литератор приятель. Приду к нему и скажу: ну, брат, оставь на время свои гнусные сюжеты насчет бабьих амуров и красот природы и

обличай двуногую мразь... Вот тебе темы...» (С. VII, 332). Это авторский монолог, в котором Чехов, по сути, рассказывает о мотивах изменения тематики творчества, также является одной из целей его поездки на Сахалин.

После смерти Павла Ивановича состояние Гусева резко ухудшается, и он умирает; его тело зашили в парусину и бросили в море. «Вахтенный приподнимает конец доски, Гусев сползает с нее, летит вниз головой, потом перевертывается в воздухе и — бултых!» (С. VII, 338). Впечатление по поводу морского погребения у писателя Чехова также появилось на обратном пути с Сахалина, когда он вместе с судовым доктором А.В. Щербаком стал свидетелем морских похорон. Всё это оказывает большое влияние на его и приводит к созданию рассказа «Гусев».

И в рассказе «Убийство» Чехов явно использовал свой сахалинский опыт. Как отметил М.П. Чехов: «Несомненно, что сама тема для рассказа "Убийство" привезена Антоном Павловичем из Сахалина»¹. Это свидетельствует о том, насколько глубокое влияние оказало пребывание на острове на творчество писателя.

В произведении можно найти множество элементов, которые тесно связаны с реальностью, описанной Чеховым в книге «Остров Сахалин». К примеру, его характеристика Воеводской тюрьмы. В «Убийстве» написано: «Из Воеводской тюрьмы, самой неприглядной и суровой из всех сахалинских тюрем, погнали в рудник партию арестантов» (С. IX, 158). Этот эпизод не просто описывает тюремное пространство, но и переносит читателя в тот жестокий мир, о котором Чехов писал в своей книге. Здесь тюрьма олицетворяет суровость и безжалостность системы, которая существует на Сахалине. Другой яркий пример — изображение труда каторжников. В рассказе написано: «Предстояло нагружать углём баржи, затем тащить их на буксире парового катера к борту парохода, который стоял более часа» (С. IX, 158). Это описание труда, полное утомления и

¹ Чехов М.П. Антон Чехов и его сюжеты / М.П. Чехов. — М.: Типогр. «9-е Января», 1923. С. 125.

тяжких физических усилий, прямо соответствует тем сценам, которые Чехов встречал на острове. Он видел, как каторжники пребывали в условиях, близких к рабству, и эти воспоминания нашли отражение в его рассказе.

Религиозная тема в рассказе «Убийство» также отчасти связана с Сахалином. Особенно это заметно в том, как в финале рассказа разрешается религиозный конфликт в душе Якова Терехова. Сахалин, с его множеством различных людей, каждого из которых преследовали свои страдания и надежды, ставил перед ними сложные нравственные и религиозные вопросы. Чехов, переполненный этой уникальной информацией, смог передать в своем рассказе глубокие внутренние переживания персонажей, связанные с их верой и борьбой за нравственные ценности. Таким образом, сахалинский отпечаток на рассказе «Убийство» Чехов является неотъемлемой частью его художественного мира, и это позволяет читателям более глубоко понять мотивы и смысл произведения.

Грубость и невежественность характеризуют не только несчастных и всех, кто облечен хоть какой-то властью, но становятся чертой всей жизни, для изображения которой подходит лишь одна модель – обличения. Эта идея из «Острова Сахалин» проникает в прямую и несобственно-прямую речь героев «Гусева», «В ссылке», «Убийства», «В овраге», которые по-своему трансформируют публицистический пафос чеховского исследования и в очередной раз убеждают нас, что в творческом сознании писателя отныне всё «просахалинено». Очерки Чехова используются при анализе тотального влияния колониальной модели на жизнь.

В путевых очерках Чехова о его поездке на Сахалин иронически показаны амбиции государства, стремящегося совместить наказание с колонизацией. Но по инерции эксперимент на Сахалине продолжался. Он завершился японским вторжением. Через несколько месяцев после того, как японцы оккупировали Сахалин, правительство окончательно упразднило сахалинскую колонию.

Заключение

Медицина оказала разностороннее влияние на литературное творчество А.П. Чехова. Изучая медицину, практикуя ее принципы в своей исследовательской деятельности, он не только получил возможность затрагивать вещи и явления, недоступные восприятию других, но узнал множество иных рациональных факторов и истин, которые не постигаются в системе регламентированных наукой того времени жанров, к которым относится, например, диссертация на соискание степени кандидата медицины. Чехов раскрывает новые возможности медицинской науки, которые ведут и к постижению социальных проблем. Это и почувствовал Г.И. Россолимо, попытавшийся обеспечить Чехову профессорскую кафедру в университете, но потерпевший фиаско. Американский писатель и врач У.К. Уильямс пишет: «Медицина позволяет мне попасть в тайный мир человечества, это совсем другой личный мир. Мой медицинский значок позволяет мне входить в эти пещеры с моим слабым разрушенным телом»¹. Чехов как врач и писатель никогда не разделял естественно-научное и литературное творчество. Он, конечно, шутил, что медицина – это его “законная жена”, а литература – “любовница”. Очевидно, профессиональная деятельность и универсальные медицинские знания кардинальным образом повлияли на складывающуюся картину мира писателя, так что, когда мы говорим о его глубоком мировоззренческом опыте, должны непременно учитывать особую перспективу его в литературной профессии.

Отправив А.С. Суворину новую повесть «Дуэль», размышляя о ней, Чехов говорил, предполагая, что в профессии врача много от подвижничества, о драматизме положения доктора: «У врачей бывают отвратительные дни и часы, не дай бог никому этого» (П. IV, 262). Эту фразу можно считать моделью его собственной жизни. Это отчасти объясняет, почему Чехов, испытав глубокий личный кризис, отправился на Сахалин, где его раны не могли быстро зажить.

¹ Williams W.C. The Autobiography // New York: New Directions, 1969. P. 6.

Там он пробыл почти три месяца. Он успел сделать за это время очень много. Объездив весь остров, исследовал все тюрьмы, поселения, их административные связи. Беседы с каторжными и ссыльными изнуряли его не меньше, чем общение с некоторыми чиновниками. Отрадного впечатления он был практически лишен. Он обрек себя на тяжелейший труд, чтобы не дать себе застояться («подсыпать под себя пороху» (П. III, 204)), и привез в Москву почти 8 тысяч карточек (видимо, небольшая их часть не сохранилась впоследствии), которые легли в основу его книги, запустили исследование, которое не могло остановиться.

Трехмесячное расследование на острове позволило Чехову соединить и сопоставить большой объем прочитанной им перед поездкой и после нее литературы о Сибири и Сахалине с реальной ситуацией на острове, тем самым точно и глубоко разоблачить и критиковать разные аспекты жизни на Сахалине, это в том числе проблемы женщин и детей, физические и психологические страдания ссыльнокаторжных, их труд, организация каторги и т. д. Анализ этих вопросов с медицинской точки зрения позволил Чехову точно оценить и критиковать исследования Сибири и Сахалина некоторых его предшественников.

Скромный подзаголовок «Из путевых заметок», своего рода дань любви Чехова к литературным путешествиям и путевым дневникам, травелогам, не отражает глубины содержания «Острова Сахалин», однако он демонстрирует позицию писателя-труженика. Чехову нужно было не только заявить о несправедливости устройства жизни на каторжном острове, но организовать процесс улучшения этой жизни.

И впоследствии Чехов не прерывал связи с Сахалином, участвуя в поддержке местных школ и библиотек. Еще на Сахалине он направил младшему брату Ивану телеграмму с просьбой организовать высылку для местных школ учебников и программ. А затем организовал сбор книг среди издателей и знакомых авторов. На остров отправились тысячи томов.

Географическое положение Сахалина, отделенного от материка проливом, позволяет, словно бы, избавляться от преступников. Эта метафора возникает в книге «История безумия в классическую эпоху» М. Фуко, где анализируется страх перед болезнью и методы сегрегации. Чехов показывает, что преступник и душевнобольной, а также человек, страдающий каким-то иным недугом, для социального мира оказываются в чем-то похожи и страдают от изоляции, различной по форме, но по сущности своей одинаково бесчеловечной. Медицинское обозрение в путевых записках «Из Сибири» и в книге «Остров Сахалин» предполагает внимание как к физиологическим, так и к психологическим аспектам быта ссыльнокааторжного населения острова. Для каторжных и поселенцев условия работы и жизни на острове, несомненно, были мучительными. Однако равнодушие тюремной администрации и островного начальства, алогизм административной системы России приносит им еще бóльшие страдания и отчаяние, и это постоянно изнушает душу заключенных.

Остров Сахалин стал ракурсом для осмысления реального общества. Люди обличают так называемых "чужих" и демонстрируют свою нормальность, но не знают, что в такой среде и выявляется патология всего общества. Тюремной стены нет в обществе, но она создается искусственно и может стать идеальным барьером. Поэтому, наблюдая за Сахалином Чехова, мы можем видеть, как эта знаменитая колония постепенно покоряла сознание людей под контролем власти.

Книга «Остров Сахалин» оказала значительное воздействие на общество, однако это воздействие довольно сложное и нуждается в анализе и истолковании. Речь должна идти не только о закрытии каторги на острове – правительственном решении, в котором трудно будет уловить чеховскую ноту. Речь можно вести и об энтузиазме Г.И. Россолимо, пытавшегося обеспечить уже тяжело больному Чехову профессорскую кафедру в Московском университете. Существенно, что сдержанная и даже холодная критика тех социальных групп (прежде всего

оппозиции), которые, конечно, были заинтересованы в сохранении каторги и ссылки, демонстрирует, насколько сложным является язык книги Чехова.

Хижняков считает, что книгу «Остров Сахалин» можно считать научным шедевром из-за большого объема данных и научных исследований. В письме Чехова к известному юристу и писателю А.Ф. Кони написано: «Мое короткое сахалинское прошлое представляется мне таким громадным, что когда я хочу говорить о нем, то не знаю, с чего начать, и мне всякий раз кажется, что я говорю не то, что нужно» (П. IV, 167). А что именно нужно сказать? Чехов не дал ответ, и это пробуждает у читателя глубокие размышления...

Думается, Чехов понимал, что практических результатов улучшения он не добьется, и рассчитывал на долгую борьбу. С этим связано его переосмысление задач и возможностей статистики, с которой он познакомился еще студентом на медицинском факультете. Если вспомнить восторженное отношение к ней молодого Огнева в рассказе «Верочка» («У статистики бле-есящая будущность», С. VI, 70, 636) и сопоставить с восклицанием Чимши-Гималайского в «Крыжовнике» («Все тихо, спокойно и протестует одна только немая статистика: столько-то с ума сошло, столько-то ведер выпито, столько-то детей погибло от недоедания...», С. X, 62), придется согласиться, от убежденности Огнева во всемогуществе статистики героя позднего рассказа отделяет более десяти лет. Срок небольшой, а разница огромная, свидетельствующая о том, что трудно Чехову, отдавшему много сил позитивной деятельности, не впасть в пессимизм. Статистика несовершенна не только потому, что человеку свойственно ошибаться (пропустить данные или не учесть какие-то аспекты исследуемой действительности), но и потому, что «статистика зависима от многих факторов», искажающих ее суть¹. Нам представляется, что Чехов мог увидеть это уже по отчету доктора Архангельского². Поэтому мы высказываем предположение, что

¹ Ахметшин Р.Б. «Вопрос молодой, для врачей и земцев интересный» (Земская медицина и психиатрия в чеховской биографии) // Мелихово. Альманах. Мелихово, 2019. С. 18-19.

² Архангельский П.А. Отчет по осмотру...

данная книга должна быть учтена среди источников Чехова в его подготовке к путешествию и работе над книгой «Остров Сахалин». Труд доктора Архангельского на этом пути отмечает важную веху формирования сознания писателя. К неверию в средства и возможности земской административной деятельности Чехов пришел на сразу. Но так или иначе сахалинский труд воплотил этапы самоопределения писателя и заставляет сомневаться в том, что Чехов до конца сохранил свой студенческий энтузиазм по отношению к формам медицинской статистики.

Осознавая, что медицина — это система научного знания, способов лечения и предупреждения заболеваний, методология гигиены и укрепления здоровья, мы также должны признать, что за нею открывается огромный мир вопросов совсем не медицинских. Деятельность Чехова стоит у истоков сегодняшнего понимания медицины, которая от истории и гигиены простирается до социологии и экологии. Именно эти грани были мало доступны науке того времени. Мы убеждены, что, работая над темой «Врачебное дело в России», Чехов в поисках формы исследования вынужден был отказаться от научной традиции, сложившейся как жанр медико-топографического описания. Многие детали статистического исследования Сахалина и ссыльнокаторжного населения острова демонстрируют переход Чехова к широкой просветительской задаче, которая не могла быть решена средствами традиционного диссертационного сочинения, которые давала выпускникам медицинских факультетов университета и академии именно медицинская топография. Так и возникли путевые очерки «Остров Сахалин».

Это позволило Чехову ярче использовать возможности публицистического стиля, сделать свою манеру гораздо более выразительной в стремлении поставить опыт своего путешествия на службу принципам художественного изучения мира страдающего человека. Проза 1890 – 1900-х гг. убеждает в том, что Чехов прошел испытание медицинским дискурсом, но не поддался его очарованию, сохраняя верность медицинскому факту и соблюдая точность профессионального

(медицинского) свидетельства лишь на уровне тончайших намеков в поэтике зрелой прозы.

Мы отдаем себе отчет в том, что данное положение не во всём соотносится с оценками критиков – младших современников Чехова (например, И. Анненского). Однако их скепсис на фоне сахалинской темы, с одной стороны, меркнет, а с другой – сигнализирует о неизученности сахалинского текста читательской публикой указанного периода.

В книге «Остров Сахалин» Чехов показал немало такого, что прямо связано с задачами медицинской науки: различные болезни, их этиологию и статистику, а главное – этиологию нездоровья. На сегодняшний взгляд, медицинские термины, упоминаемые в книге – сифилис, цинга, чума, женские болезни и тоска по родине и т.д., – все это становится стигматизацией острова и приобретает историческое и социальное значение, порождает дегенеративный символ, символ хаоса. Это результат патологических манипуляций со стороны сахалинской администрации и системы царской России, в которые неизбежно попадает население и не в силах им сопротивляться.

Чехов был потрясен тем, что каторга стала целым миром, в котором оказалось всё тождественно идее наказания, подавления, помноженной на вечность. Каторга, ставшая системой, повлекла в опыте еще молодого писателя серьезные перемены, о которых можно было лишь догадываться, изучая его прозу и драматургию второй половины 1880-х гг. Чехов сделал шаг вперед по отношению к формам, которые усваивал благодаря прозе Герцена, Достоевского и Короленко. Он отказался от сентименталистских мотивов, хотя прочно овладел ими и они давали практически бесконечный источник его юмористическим художественным новациям.

Вопрос о сахалинской каторге стал предметом обсуждения в правительственных кругах. Политика по отношению к Сахалину, анализ его

потенциала – природного, национального и, в целом, стратегического – значительно трансформировались. С новой силой был сформулирован запрос о формах и целях развития острова. Методы политической эксплуатации должны были преобразоваться. Содержание преступников, отношение к ссыльнопоселенцам со стороны так называемой метрополии стало меняться, а в 1906 году каторга закрылась. Можно думать, что не последнюю роль в этом процессе сыграла книга Чехова «Остров Сахалин» и его очерки «Из Сибири».

Список литературы

Источники:

- 1.Августинович Ф.М. Заметки об острове Сахалине: (Из путевого журн. д. с. с. д-ра Августиновича, сопровождавшего партию каторжных на о. Сахалин весною 1880 г.). СПб.: тип. Мин-ва вн. д., 1880. 46 с.
- 2.Александр и Антон Чеховы. Воспоминания, переписка / Гушанская Е.М., Кузьмичев И.С. (сост., подг. текста и коммент.). М.: Захаров, 2012. 960 с.
- 3.Ариян П.Н. Первый женский календарь. Типография Спб.: Товарищества Печати и Издательства дела "Труд" (СПб), 1899–1908.
- 4.Арсеньев К.И. Статистические очерки России. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1848. 503 с.
- 5.Архангельский П.А. Из воспоминаний об Антоне Павловиче Чехове // Отчет Благотворительного общества при Воскресенской земской лечебнице Звенигородского уезда за 1910 г. М., 1911. С. 9-32.
- 6.Архангельский П.А. Отчет по осмотру русских психиатрических заведений, произведенному по поручению Московского губернского земского санитарного совета врачом Воскресенской земской лечебницы П.А. Архангельским. М.: Типография В.В. Исленьева, 1887. 325 с.
- 7.«Быть может, пригодятся и мои цифры...»: материалы сахал. переписи А.П. Чехова, 1890 г. / Гос. арх. Сахал. обл. Южно-Сахалинск: Рубеж, 2005. 599 с.
- 8.Венгеров С. Критико-библиографически словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). Т. 1. 2-е изд. Пг., 1915.
- 9.Верещагин В.В. От Сан-Франциско до Гонконга // Русская мысль. М., 1886. Кн. 2. II отд. С. 60-80. Кн. 3. II отд. С. 1-23.
- 10.Галкин-Враский М.Н. Поездка в Сибирь и на остров Сахалин в 1881-1882 гг.: Из путевого дневника М.Н. Галкина-Враского. СПб.: тип. т-ва "Общественная польза", 1901. 50 с.

11. Герцен А.И. Собрание сочинений в тридцати томах. Том третий. Дилетантизм в науке. Письма об изучении природы. 1842—1846. М., Издательство Академии Наук СССР, 1954.
12. Гмелин И.Г. Путешествие через Сибирь. СПб., 1860. С. 2502.
13. Гребенщиков М. Поездка на Цейлон // Наблюдатель. СПб., 1886. № 3. С. 99-100.
14. Грязнов П.И. Опыт сравнительного изучения гигиенических условий крестьянского быта и медико-топография Череповецкого уезда: диссертация на степень доктора медицины. СПб., 1880.
15. Дедлов В.Л. Из далека: Письма с пути В.Л. Дедлова. СПб: тип. Н.А. Лебедева, 1887. 428 с.
16. Дедлов В.Л. Панорама Сибири: (путевые заметки). СПб.: тип. М. Меркушева, 1900. 252 с.
17. Дедлов В.Л. Переселенцы и новые места: путевые заметки. СПб.: М.М. Ледерле и К, 1894. 201 с.
18. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: В 30 т. Л.: Наука, 1972-1991. Т. 4. Записки из Мертвого дома. Л.: Изд-во «Наука», 1972. 327 с.
19. Елпатьевский С.Я. Очерки Сибири. М.: Тип. Т-ва И. Н. Кушнерев и К, 1893. 205 с.
20. Кеннан Дж. Сибирь и ссылка: в 2 ч. / Пер. с англ. И.Н. Кашинцева; вступ. ст. Ф. Волховского; редакция Ф. Дедова [и др.]. СПб.: В. Распопов, 1906. ЛП, 286 с.
21. Кистьяковский А.Ф. Исследование о смертной казни. Тула: автограф, 2000. 270 с.
22. Краснов П.Н. Осенние беллетристы. II. А.П. Чехов // Труд. 1895. № 1. С. 201-210.
23. Кузичева А.П. Чехов. Жизнь «отдельного человека». 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2012. Вып. 1560. – 847 с.
24. Куркин П.И. Антон Павлович Чехов как земский врач. Материалы для

- биографии (1892-1894 гг.) // Общественный врач. 1911. № 4. С. 66-69.
25. Лепёхин И.И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 г. Ч. I. СПб, 1795.
26. Лобас Н.С. Каторга и поселение на о-ве Сахалине: Каторга и поселение на острове Сахалине: Несколько штрихов из жизни рус. штраф. колонии. - Павлоград: В.С. Лобас, 1903. - 160 с.
27. Максимов С.В. Сибирь и каторга: в 3 ч. / [соч.] С. Максимова. СПб.: Тип. А. Траншея, 1871.
28. Малиновский И.А. Университет в сочинениях А.П. Чехова. Томск: Товарищество скоропечатни А.А. Левенсон, 1904. 25 с.
29. Малюгин Л., Гитович И. Чехов: Повесть-хроника. М., 1983. – 576 с.
30. Марков Е. Европейский Восток. Путевые очерки // Вестник Европы. СПб., 1886. Кн. 3. С. 153—154.
31. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 21. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1961. с. 348-349.
32. Мессарош А.Б. «Женский вестник». Типография Спб.: печатано в типографии Морского министерства, 1866–1868.
33. Мицуль М.С. Очерк острова Сахалина в сельскохозяйственном отношении / [соч.] М.С. Мицуля. СПб.: Общедоступ. тип. и лит. А.Е. Ландау и К, 1873. [2], 159 с.
34. Муравьев Н.В. Наши тюрьмы и тюремный вопрос — «Русский вестник», 1878, IV.
35. Невельской Г.И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России. 1849–1855. Москва, 2009. 544 с.
36. Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем в 15 т. – Т. 5. Кому на Руси жить хорошо. Л.: Наука, 1982. 688 с.
37. Нельмин Л.В. далёкие края. Путевые наброски и картинки // Русская мысль. М., 1886. № 3.
38. Николаева (Цебрикова М.К.) Наши бабушки (По поводу женских характеров

- в романе «Война и мир») // Отечественные записки. 1868. № 6. С. 167-192.
- 39.Никольский В.И. Тамбовский уезд, статистика населения и болезненности: диссертация на степень доктора медицины земского врача В.И. Никольского, Тамбов: Типография Дмит. Серг. Семенова, 1885. – 384 с.
- 40.Оболенский Л.Е. «Эволюция личности у женщин» («Памяти В.Г. Белинского»). М.: Товарищество тип. А.И. Мамонтова. 1899. С. 520-558.
- 41.Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства: Часть 3. Половина 1. СПб.: Имп. АН, 1788. 624 с.
- 42.Памяти В.Г. Белинского: Лит. сб., сост. из тр. рус. литераторов. М.: Пензен. обществ. б-ка им. М. Ю. Лермонтова, 1899. [2], XLVII, 568 с.
- 43.Пирогов Н.И. Севастопольские письма и воспоминания. М., 1950. 199 с.
- 44.Пирогов Н.И. Сочинения. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1887. 525 с.
- 45.Поляков И.С. Путешествие на остров Сахалин в 1881-1882 гг.: (Письма к секретарю общества) / [Соч.] И.С. Полякова, члена-сотрудника Имп. рус. геогр. о-ва. – СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1883. 111 с.
- 46.Сонтаг С. Болезнь как метафора / Пер. М. Дадян, А. Соколинская. М.: Ад Маргинем Пресс, сор. 2016. 175 с.
- 47.Таганрог и Чеховы. Таганрог: Изд-во «Лукоморье», 2003. – 732 с.
- 48.Тальберг Д.Г. Ссылка на Сахалин // Вестник Европы: журнал историко-политических наук. СПб., 1879. Т. V, май. С. 219-251.
- 49.Телешов Н.Д. За Урал. Из скитаний по Западной Сибири: очерки. М.: Тип. «Товарищество И.Д. Сытина», 1897. 214 с.
- 50.Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. Юбилейное издание (1828—1928). Серия 1: Произведения / Под общ. ред. В.Г. Черткова. М.; Л.: Гос. изд-во, Т. 1. 1957. 608 с.
- 51.Толстой Л.Н. Труд мужчин и женщин // «Русское богатство». 1886, кн. V-VI. СПб.: тип. Н.К. Михайловского и В.Г. Короленко, 1886. С. 289-293.
- 52.Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. СПб.: тип. М-ва пут. сообщ. (А. Бенке), 1889. 179 с.

53. Цебрикова М.К. Женщины и наука // Женское образование. 1876. - № 7. - С. 308-320; № 8. - С. 357-364.
54. Цебрикова М.К. Личность ребенка // Воспитание и обучение. 1877. № 1. С. 3-22.
55. Цебрикова М.К. Несколько мыслей о воспитании женщины // Детский сад. 1874. № 5. С. 171-186; № 6. С. 223-232; № 7. С. 265-272; № 8. С. 327-335; № 9. С. 391-397.
56. Цебрикова М.К. По поводу теории гр. Толстого о женском труде // Русские ведомости. 1886. 3 июля. № 179. С. 2.
57. Челищев П.И. Путешествие по Северу России в 1791 году. М.: Ломоносовская библиотека, 2008. 304 с.
58. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. М.: Наука, 1974–1988.
59. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. М.: Наука, 1974–1988.
60. А.П. Чехов в воспоминаниях современников / Вступ. ст. А. Туркова; сост., подгот. текста и коммент. Н.И. Гитович. М.: Художественная литература, 1986. 735 с.
61. Шаликов П. Дамский журнал [М., 1823—1833] // Русская периодическая печать (1702—1894): Справочник. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1959. С. 177.
62. Шульгин В.Я. О состоянии женщин в России до Петра Великого. Киев: Типография И. Вальнера, 1850. 137 с.
63. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония: К юбилею трехсотлетия. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1882. 471 с.

Исследования:

64. Азадовский М.К. Статьи и письма. Неизданное и забытое. Новосибирск, 1978. 240 с.
65. Алексеев А.И., Морозов Б.Н. Освоение русского Дальнего Востока до конца XIX века. М.: Наука, 1989.
66. Антон Павлович Чехов: Сб.ст. / Ред. коллегия: М.В. Теплинский (ред.) и др. Южно-Сахалинск, 1959. 231 с.
67. Ахметшин Р.Б. «Вопрос молодой, для врачей и земцев интересный» (Земская медицина и психиатрия в чеховской биографии) // Мелихово. Альманах. Мелихово, 2019. С. 9-22.
68. Ахметшин Р.Б. Грани литературной репутации А.П. Чехова: между аксиомой и мифом // Russian Studies: Institute for Russian, East European and Eurasian Studies. Seoul National Univ., Korea. 2014. Vol. 24, № 2. P. 445-485.
69. Ахметшин Р.Б. Сахалинское путешествие А.П. Чехова: к реконструкции замысла // Russian Studies: Institute for Russian, East European and Eurasian Studies. Seoul National Univ., Korea. 2015. Vol. 25, № 2. P. 291–320.
70. Байкова Н.Г. Публицистический стиль: Учебное пособие для студентов факультета журналистики / Беззубов А.Н., Байкова Н.Г., Коньков В.И. СПб.: Лаборатория операт. печати факультета журналистики, 2000. 268 с.
71. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975. 502 с.
72. Блейлер Э. Руководство по психиатрии: Пер. 3-го изд. / Под ред. А.С. Розенталя. Берлин: Издательство товарищества «Врачъ», 1920. 542 с.
73. Богданович А.И. «Остров Сахалин. Из путевых заметок» // Мир Божий. 1902. № 9. С. 62 – 63.
74. Быстрова Т.Е. «Осколки московской жизни» А.П. Чехова как энциклопедия Москвы первой половины 80-х годов XIX века (к вопросу о прецедентности) // Культура и цивилизация. 2016. Том 6. № 5. С. 238-246.
75. Бялый Г.А. Антон Чехов // История русской литературы: В 4 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1980—1983. Т. 4.

- Литература конца XIX — начала XX века (1881—1917). / Ред. тома: К.Д. Муратова. 1983. С. 184-185.
- 76.Бялый Г.А. Чехов // История русской литературы: В 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941—1956. Т. IX. Литература 70-80-х годов. Ч. 2. 1956. С. 345-432.
- 77.Валетов Т.Я. Фабричное законодательство в России до Октябрьской революции // Труды исторического факультета МГУ. Экономическое обозрение. М., 2007. Вып. 13. С. 34-44.
- 78.Вернадская М.Н. Собрание сочинений покойной Марии Николаевны Вернадской, урожд. Шигаевой. Санкт-Петербург: Тип. Департамента Уделов, 1862. [2], 496 с.
- 79.Воробьев А.И. Научное наследие Антона Павловича Чехова – «Остров Сахалин» // Клиническая геронтология. М., 2004. № 1 (январь). С. 77-87.
- 80.Высоков М.С. Комментарий к книге А. П. Чехова «Остров Сахалин» / М.С. Высоков. Т. 1: Чехов А.П. Остров Сахалин (Из путевых заметок). Владивосток–Южно-Сахалинск: изд-во «Рубеж», 2010. С. 20.
- 81.Гейзер И.М. Чехов и медицина. М.: Госмедиздат, 1954. 140 с.
- 82.Гридяева М.В. Материалы официального делопроизводства как источник написания книги «Остров Сахалин» // Чеховские чтения, 28 янв. 2000: Книга «Остров Сахалин» и ее значение в науке и мировой культуре. Южно-Сахалинск, 2000. С.11-13.
- 83.Громов Л.П. Этюды о Чехове. Ростов-на-Дону: Ростовское областное книгоиздательство, 1951. 110 с.
- 84.Дударец Г.И. Первые сахалинские врачи (по материалам российского медицинского списка, медицинским календарям и другим источникам). Вестник сахалинского музея. Южно-Сахалинск, 2009. № 16. С.180-187.
- 85.Дунаева Е.Н. К истории работы над книгой «Остров Сахалин» // Литературное наследство. Т. 87. Из истории русской литературы и общественной мысли: 1860-1890 гг. / АН СССР, ИМЛИ. М., 1977. С.

263-300.

- 86.Есин Б.И. История русской журналистики (1703 – 1917). М.: Наука, 2000. 370 с.
- 87.Есин Б.И. Чехов – журналист. М.: Изд-во Моск. университета, 1977. 104 с.
- 88.Жидкова Ю.Б. Функционирование медицинских терминов в рассказах А.П. Чехова // Вестник ВГУ. 2007. С. 84-88.
- 89.Зыкова Г.В. Поэтика русского журнала 1830-х – 1870-х гг. М.: МАКС Пресс, 2005. 202 с.
- 90.Иванова Т.В. Книга А.П. Чехова «Остров Сахалин»: проблематика и значение: АКД филол. наук: 10.01.01 / Волг. гос. пед. ун-т. Саратов, 2004. 187 с.
- 91.Ищенко М.И. Сахалинцы: к истории формирования региональной идентичности // Краевед. бюл. Южно-Сахалинск, 2000. №4. С. 3-14.
- 92.Кантор В.К. Метафизическая дуэль. К пониманию Чехова // Вопросы литературы. М., 2020. № 4. С. 13–32.
- 93.Катаев В.Б. Автор в «Острове Сахалин» и в рассказе «Гусев» // В творческой лаборатории Чехова. М.: Наука, 1974. С. 232–252.
- 94.Катаев В.Б. К пониманию Чехова. Статьи. М.: ИМЛИ РАН, 2018. 247 с.
- 95.Катаев В.Б. Проза Чехова: проблемы интерпретации. М.: Изд-во МГУ, 1979. 327 с.
- 96.Катаев В.Б. Сахалин и вся Россия // Чехов А.П. Остров Сахалин: (Из путевых записок). – Южно-Сахалинск, 1995. С. III-XV.
- 97.Катаев В.Б. Чехов плюс...: Предшественники, современники, преемники. М.: Языки славян. культуры, 2004. 392 с.
- 98.Кибальник С.А. «Поэтика медицины» в творчестве А.П. Чехова // Русская литература. – 2022. – № 3. – С. 35-41.
- 99.Козлов Н. Переписной лист острова: Из истории переписей населения острова // Советский Сахалин. Южно-Сахалинск, 1970. 15 янв.
- 100.Конрад Д.Л. Чехов как общественный наблюдатель: остров Сахалин //

- Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1995. № 2. С. 123-138.
- 101.Кормилов С.И. В.М. Дорошевич как неявный продолжатель и неявный оппонент А.П. Чехова в освоении сахалинской темы // Б.О. Пилсудский – исследователь народов Сахалина. Южно-Сахалинск, 1992. С. 105-111.
- 102.Короленко В.Г. Соколинец: Из рассказов о бродягах. Ростов-на-Дону: Дон. речь, 1904. 59 с.
- 103.Коротких А.В. Тема детства на страницах книги А.П. Чехова «Остров Сахалин (Из путевых заметок)» Чехова // «А.П.Чехов и Сахалин» на пороге третьего тысячелетия: Материалы междунар. науч. конф. 29-30 сент. 2000 г. Южно-Сахалинск, 2001. С. 116-121.
- 104.Крадецкая С.В. Журнал «Женский вестник» (1904-1917) // Женщина в российском обществе. 2013. № 1. С. 72-81.
- 105.Кудрявцева Г.Н. «Восемь лет на Сахалине» И.П. Миролубова как комментарий к книге «Остров Сахалин» // Чеховские чтения, 29 янв. 2002 г.: Сахалинское чеховедение: исторический опыт, современные проблемы. С.23-25.
- 106.Куликова Е.И. Публицистика Чехова (На материале «Острова Сахалина») // Проблемы русской и зарубежной литературы. Саратов, 1965. С. 171-184.
- 107.Латышев В.М. «Остров Сахалин» А.П. Чехова как источник изучения русского населения на Сахалине конца XIX века // Русские люди на Сахалине и Курильских островах в XVIII – начале XX в. Южно-Сахалинск, 1985. С. 6-15.
- 108.Лагина Н. Послесловие // Лагин Л. Старик Хоттабыч. Харьков: Паритет, 1992. С. 184–186.
- 109.Лазутина Г.В., Распопова С.С. Новостная журналистика в свете предметно-функционального подхода к дифференциации жанров // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2008. № 5. С. 82-98.
- 110.Летопись жизни и творчества А.П. Чехова / Сост. Н.И. Гитович. М.: Гослитиздат, 1955. 880 с.

- 111.Летопись жизни и творчества А.П. Чехова. Т. 2: 1889 – апрель 1891 / Сост. И.Ю. Твердохлебов. М.: ИМЛИ РАН, 2004. С. 311-506.
- 112.Литовченко М.В. Жанровая природа книги А.П. Чехова «Остров Сахалин» // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. Сер.: Журналистика. Кемерово, 2002. С. 136-141.
- 113.Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста // Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. СПб.: «Искусство-СПБ», 1996. С. 18-252.
- 114.Лотман Ю.М. Декабрист в повседневной жизни: (бытовое поведение как историко-психологическая категория) // Литературное наследие декабристов / под ред. В.Г. Базанова, В.Э. Вацура. Л.: Наука, 1975. С. 25-74.
- 115.Лотман Ю.М. О метаязыке типологических описаний культуры // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3-х т. Таллин, 1992. Т. 1. С. 386-392.
- 116.Лукьянова Л.В. Проблема женских характеров в рассказах А.П. Чехова: В свете дискуссии по "женскому вопросу": диссертация ... кандидата филологических наук: 10.01.01. Москва, 1996. 190 с.
- 117.Маевский Н.Н. Научно-художественный стиль в произведении А.П. Чехова «Остров Сахалин» // Чеховские чтения. Таганрог-72. Ростов н/Д., 1974. С. 117-130.
- 118.Матвеева Н.В. Драматургическая трилогия А. Платонова: «Шарманка», «14 Красных Избушек», «Ноев ковчег»): система мотивов: автореф. дис. ... канд. филол.н: 10.01.01. Екатеринбург, 2008. 204 с.
- 119.Масалкина Д.А. Журнал «Женский вестник» (1904-1917) // О правах женщин. Культурная жизнь юга России. Краснодарский государственный институт культуры. 2012. № 1. С. 42-44.
- 120.Мёве Е. Медицина в творчестве и жизни А. П. Чехова. Киев: Здоровья, 1989. 277 с.
- 121.Милько Е.Б. Книга «Остров Сахалин» как источник изучения экономики Сахалина // Тезисы докладов преподавателей и студентов на 3-й научной конференции ЮСИЭПиИ (24-27 марта 1998 г.). Южно-Сахалинск, 1998.

С. 58-60.

122. Михайлова М.В., Инь Лю. Опровержение гендерных стереотипов и радикальных феминистских воззрений в творчестве Е.А. Нагродской // Современные проблемы литературоведения, лингвистики и коммуникативистики глазами молодых ученых. Традиции и новаторство: Межвузовский сборник. РИЦ БашГУ Уфа, 2014. том 5. С. 71-85.
123. Назиров Р.Г. Достоевский и Чехов: Преемственность и пародия // Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход. Исследования разных лет. Сборник статей. Уфа, 2005. С. 159-168.
124. Назиров Р.Г. Фигура умолчания в русской литературе // Поэтика русской и зарубежной литературы: Сборник статей. Уфа: Гилем, 1998. С. 57- 71.
125. Нечаева, В.С. Ранний Достоевский. 1821–1849. М.: Наука, 1979.
126. Нин Шилэй. Женский вопрос в произведениях А.П. Чехова // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. Ижевск, 2023. Том 33, № 6, С. 1428-1432.
127. Одесская М.М. «Не следует мешать людям сходиться с ума»: медико-социальный и художественный дискурсы в повестях А.П. Чехова «Палата № 6» и «Черный монах» // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 6. Ч. 2. С. 213–223.
128. Одесская М.М. Преступление и наказание в произведениях А.П. Чехова // Остров Сахалин – открытый финал: Материалы международной научной конференции. Южно-Сахалинск, 2016. С. 31-39.
129. Полоцкая Э.А. Антон Чехов // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов): в 3-х кн. М.: Наследие, 2001. Кн. 1. С. 390-456.
130. Поляков В.; Бородин В. О докторской диссертации А.П. Чехова // Мед. газета. М., 1995. 9 июня. С. 3.
131. Потанин Г.Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Т. 6. Новосибирск, 1983. С. 108.

- 132.Проваторова О.Н. Натуралистические краски в книге Чехова «Остров Сахалин» // Качество профессионального образования. Оренбург, 2004. Ч. 2. С. 158-170.
- 133.Протопопов М.А. Женское творчество // Русская мысль. 1891. Кн.. 2. С. 123-141.
- 134.Пушкарева И.М., Пушкарева Н.Л. Становление женского политического движения в России (1891-1914 гг.) // Женщина в российском обществе. 2020. № 2. С. 114-128.
- 135.Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск: Изд-во Омского государственного университета, 2004. 552 с.
- 136.Ремпель Е. Медицинская тема в творчестве А.П. Чехова // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2015. Т. 5. № 1. С. 34-35.
- 137.Романенко В.Т. Чехов и наука. Харьков: Харьковское книжное издательство, 1962.
- 138.Роскин А.И. А.П. Чехов: статьи и очерки. – М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1959. 432 с.
- 139.Рыжикова В.Л. Очерки А.П. Чехова и русский путевой очерк второй половины XIX века: диссертация ... канд. филол. наук. – Л., 1984. 198 с.
- 140.Саид Э. Ориентализм / Пер. с англ. А.В. Говорунов. Спб.: «Русский Мирь», 2006. 638 с.
- 141.Семанова М. Гражданский подвиг писателя // Чехов А. Остров Сахалин. М., 1984. С. 5-23.
- 142.Семанова М.Л. Чехов – художник. М.: Просвещение, 1976. 224 с.
- 143.Семенов В.С. «Николай Лесков. Время и книги», М.: Современник, 1981. С. 259.
- 144.Скабичевский А.М. Граф Л.Н. Толстой о женском вопросе // Новости и биржевая газета. 1886. 20 марта. № 78. С. 2.
- 145.Скальковский К.А. Новые путевые впечатления. СПб.: Тип. А.С.

- Суворина, 1889. VIII, 286 с.
146. Скибина О.М. Путевой очерк: синкретизм жанра (на примере русской публицистики XIX века) // Вопросы теории и практики журналистики. Иркутск, 2014. № 4 (8).
147. Скибина О.М. Путевые очерки А.П. Чехова «Из Сибири» и «Остров Сахалин» и журнальная беллетристика конца XIX века: проблема взаимовлияния // Остров Сахалин – открытый финал: Материалы международной научной конференции. Южно-Сахалинск, 2016. С. 109-119.
148. Скибина О.М. Творчество В.Л. Кигна-Дедлова: проблематика и поэтика: автореф. дис. ... док. филол. наук. Моск. пед. гос. ун-т. Москва, 2003. 40 с.
149. Скибина О.М. Творчество В.Л. Кигна-Дедлова: проблематика и поэтика. Изд. 2-е, испр. и доп. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2013. 359 с.
150. Смилянская Е. Сакральное и телесное в народных повествованиях XVIII века о чудесных исцелениях // Русская литература и медицина: Тело, предписания, социальная практика: сб. ст. М.: Новое издательство, 2006. С. 28-40.
151. Совбан Л.Ф. И.Г. Эренбург и К.И. Чуковский о книге А.П. Чехова «Остров Сахалин» // Чеховские чтения: Конференция 28 января 2000 года. Южно-Сахалинск, 2000. С. 27-29.
152. Созина Е.К. О «сырости водосточных труб»: философско-антропологическое измерение творчества Чехова в контексте поколения восьмидесятников // Критика и семиотика. 2006. № 10. С. 82–97.
153. Соколова М.А. Неизвестные фельетоны Чехова в «Будильнике» // Чехов и его время / АН СССР, Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького; [Ред. коллегия: Л.Д. Опульская и др.]. М.: Наука, 1977. С. 247-264.
154. Сонтаг С. Болезнь как метафора / Пер. М. Дадян, А. Соколинская. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 175 с.
155. Спивак Г.Ч. Могут ли угнетенные говорить? // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия / Под ред. С. В. Жеребкина. – Харьков:

- ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. – С. 649-670.
- 156.Сутугина И.А. «Остров Сахалин» А.П. Чехова и его место в идейно-творческих исканиях писателя // Из истории русского реализма конца XIX – начала XX веков. М., 1986. С. 66-75.
- 157.Сухих И.Н. «Остров Сахалин» в творчестве Чехова // Рус. лит. Л., 1985. № 3. С. 72-84.
- 158.Томпсон Э. Имперское знание: русская литература и колониализм // Перекрестки. – 2007. – № 1-2. С. 32-75.
- 159.Турков А. Дерзкий наследник // Турков А. Высокое небо: Четыре портрета для ст. школьного возраста. – М.: Детская лит., 1977. С. 117-146.
- 160.Финнов М. Мрачное Онорское дело (По страницам книги А.П. Чехова «Остров Сахалин») // Краеведческий бюллетень. – Южно-Сахалинск, 1995. № 2. С. 139-164.
- 161.Фуко М. Рождение клиники / Пер. с фр., науч. ред. и предисл. д-ра психол. наук А. Ш. Тхостова. М.: Смысл, 1998. 307 с.
- 162.Хаткова И.Н. Психастенический мир А.П. Чехова в повести «Черный монах» // Культура. Духовность. Общество. 2013. С. 80.
- 163.Хижняков В.В. Антон Чехов как врач. М.: Медгиз, 1947. – 135 с.
- 164.А.П. Чехов – воспитанник Московского университета / Ред.-сост. В.Б. Катаев, Э.Д. Орлов, А.Н. Подорольский. М., 2015. 320 с.
- 165.Чехов и его среда / Под ред. Н.Ф. Бельчикова. Л.: Academia, 1930. 466 с.
- 166.Чеховские чтения. 29-30 января 1998 г. [Тезисы докладов]. – Южно-Сахалинск: Отдел культуры и туризма администрации г. Южно-Сахалинска; Музей книги А.П. Чехова “Остров Сахалин”, 1998. 34 с.
- 167.Чудаков А.П. Мир Чехова: Возникновение и утверждение. М.: Сов. писатель, 1986. 379 с.
- 168.Чудинова В.И. Литературный фон в книге А.П. Чехова «Остров Сахалин» // О литературе Сахалина. Южно-Сахалинск, 2004. С. 5-10.
- 169.Чудинова В.И. Формы и выражения авторского сознания в книге А.П.

- Чехова «Остров Сахалин» // Краевед. бюл. Южно-Сахалинск, 2000. № 3. С. 107-117.
170. Шишпарёнок Е.В. Творчество А.П. Чехова в контексте сибирского мифа. Автореферат ... кандидата филологических наук. Красноярск, 2010. 18 с.
171. Шумилова Т.Е. Лирический мотив в книге А.П. Чехова «Остров Сахалин» // «А.П. Чехов и Сахалин» на пороге третьего тысячелетия: материалы междунар. науч. конф. 29 – 30 сент. 2000 г. / Департамент образования, культуры и спорта администрации Сахалин. обл. [и др.]; редкол.: Р.А. Блинова, М.С. Высоков, А.И. Костанов [и др.]. Южно-Сахалинск. 2001. С. 49 – 53.
172. Щеглов В.В. Имперский мотив российской колонизации Дальнего Востока // А.П. Чехов и Сахалин: взгляд из XXI столетия: материалы междунар. науч.-практ. конф. 21–22 сент. 2010 г. / Правительство Сахалин. обл.; мин-во культуры Сахалин. обл.; Сахалин. гос. ун-т. Южно-Сахалинск: Колорит, 2011. С. 88–90.
173. Элерт А.Х. Гмелин И.Г. Путешествие по Сибири. Тюрки Красноярского уезда и их шаманы // Наука из первых рук. 2007. № 6 (18). С. 12-23.
174. Якобсон Р.О. Поморска К. Беседы / Jakobson R.O. Selected Writings. Vol. 8. Berlin, 1988. P. 523.
175. Яновский, Р.Г. Женщина и общество: социально-политический аспект // Материалы конференции «Гендерные исследования: проблемы и сравнительные перспективы». М., 2000.
176. Янушевский И.К. Опыт антиалкогольной работы психоневрологических диспансеров г. Москвы // Алкоголизм и алкогольные психозы. Под ред. И.И. Лукомского. М. 1963.
177. Bhabha H.K. The Location of Culture. N.Y.: Routledge Classics, 2004. 408 p.
178. Coles Robert; Coulehan, Jack. Chekhov's Doctors. A Collection of Chekhov's Medical Tales. Edited by Robert Coles. Foreword by Jack Coulehan. Kent, OH: Kent State UP, 2003. xxv + 199 pp.

179. Gatrall J.A. The Paradox of Melancholy Insight: Reading the Medical Subtext in Chekhov's «A boring story» // Anton Chekhov: Modern Critical Views. N. Y., 2009. P. 55 - 76.
180. Gmelin Johann Georg. Reise durch Sibirien, von dem Jahr 1733 bis 1743. Erster Theil. Göttingen: Vandenhoeck, 1751. S. 259-263.
181. Howe I. The continuity of Russian voices // Harper's magazine. N. Y., 1968. Vol. 236. № 1412. P. 69-74.
182. Loehlin J.N. The Cambridge Introduction to Chekhov // Part of Cambridge Introductions to Literature., 2021. Bd. 30. S. 7.
183. Thompson E. Imperial Knowledge: Russian Literature and Colonialism. Contributions to the Study of World Literature, № 99. Westport, Conn.: Greenwood Press, 2000. 240 pp.
184. Williams, William Carlos. The Autobiography of William Carlos Williams // New York: New Directions, 1969. P. 414
185. 徐乐. 契诃夫的创作与俄国思想的现代意义[M]. 北京, 中国社会科学出版社, 2018.3; [Сюй Лэ Творчество Чехова и современное значение русской мысли [М] / Пекин, Китайское издательство общественных наук, 2018]
186. 王晓菊 《俄国东部移民开发问题研究》. 北京, 中国社会科学出版社, 2003, 96; [Ван Сяоцзюй Исследование проблем иммиграции и развития на Востоке России. / Пекин, Китайское издательство общественных наук, 2003]